O 17/19

РАЗСКАЗЫ

о

ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ

Вл. Сорокина.

Изданіе
«Русской книжной торговли.»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. В. Демакова. В. О., 9 л., № 22.

1872.

Свѣтопечатаніе В. Я. Рейнгардта.

8 — 19

РАЗСКАЗЫ

о

ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ

Вл. Сорокина.

Изданіе
„РУССКОЙ КНИЖНОЙ ТОРГОВЛИ.“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. В. Демакова. В. О., 9 л., № 22.

1872.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 22 Мая 1872 года.

2007057071

I.

Какъ жили на Руси до Петра Великаго.

Живемъ мы нынѣче въ большихъ городахъ да въ селахъ, пользуемся всякими удобствами и утѣхами, а все жалуемся, что трудно жить, что то не такъ, и другое не хорошо. Толкуютъ люди, что встарину лучше было, что народъ благочестивѣе былъ, жилъ по божески, все, бывало, по простотѣ, безъ всякихъ этихъ нѣмецкихъ затѣй да хитростей. Оно, пожалуй, найдется и въ ихъ словахъ кос-что справедливаго, да, полно, все-ли?

Вотъ, поглядимъ, примѣрно, какое житье было на Руси лѣтъ двѣсти тому назадъ, да и посравнимъ съ нашимъ.

Городовъ у насъ было тогда вездѣ меньше, чѣмъ теперь, такъ что отъ города-то до города, бывало, тащатся люди мѣсяцы цѣлые на своихъ, на долгихъ, потому, не то что нынѣшней чугунки, и почты-то даже не было. А намучаешься-то сколько! дорогъ вѣдь тоже не было никакихъ, а просто ѣздили цѣликомъ; гдѣ увязнешь въ пустырѣ,—и вытащить не кому, хоть помирай; гдѣ обозъ изломаешь весь. Большіе господа, либо цари, передъ вы-

ѣздомъ своимъ куда, выгоняли впередъ множество народу дороги править, да лошадей подставлять, и ужъ куда тяжело было это рабочему люду! Между городами тянулись на многія версты дремучіе лѣса, въ которыхъ укрывались огромныя шайки разбойниковъ. Лихіе люди нападали не только на отдѣльныхъ проѣзжихъ, но и на цѣлые караваны, такъ что необходимо еще было брать съ собой охранную стражу. И города-то самые были тогда не похожи на наши: небольшое мѣсто, окруженное со всѣхъ сторонъ тыномъ, либо валомъ (отъ лихихъ людей да отъ звѣрей дикихъ) застроено маленькими деревянными домиками (каменныхъ почти вовсе не строили), какъ попало, безъ всякаго порядка, такъ что прямыхъ, широкихъ улицъ почти вовсе не было, а все закоулочки, и непривычный человѣкъ такъ заплутается въ нихъ, что и не выбраться. О мостовыхъ и не слыхивали,—и въ непогодь, да въ осеннее ненастье ни проходу, ни проѣзду по этимъ улицамъ не было, развѣ ужь верхомъ на конѣ выберешься какъ нибудь изъ густой, мягкой грязи въ аршинъ вышины, а ужь вечеромъ, либо ночью, лучше и не суйся на улицу: зги божіей не видно, хоть глазъ выколи, и ворамъ да мошенникамъ куда повадно было. Въ лѣтніе жары городское житье еще хуже было: въ тѣ времена всякую нечистоту выбрасывали изъ домовъ прямо на улицу, да не только это, но и палый скотъ всякій валялся тутъ же, и никто не заботился убирать его. Можно себѣ представить, какое страшное зловоніе, съ наступленіемъ жаровъ, наполняло воздухъ! Начинались отъ этого разныя болѣзни. Людей, знающихъ, какъ по настоящему надо лѣчить, не было. Доктора нѣмецкіе выписывались тогда только для царей, а народъ считалъ ихъ басурманами и злыми волшебниками. Зараза усиливалась, а люди, вмѣсто того, чтобы принять мѣры, волновались, не понимая, что сами же виноваты, прибѣгали къ знахарямъ, да колдунамъ

разнымъ, бунтовали, съ горя пьянствовали пуще прежняго,— и болѣзнь превращалась въ страшный моръ, несчастные гибли тысячами. Никѣмъ не убранныя тѣла валялись по улицамъ, заражая воздухъ, и кончалось тѣмъ, что цѣлые города вымирали. Еще и другая бѣда донимала православныхъ въ то печальное время: *«пытухъ красный.»* Строенія, какъ мы сказали уже, были деревянныя-лѣпились другъ къ дружкѣ кучками, безъ всякаго порядка. Ну, займется одинъ домъ—и пошло писать! Тушить-то вѣдь не чѣмъ было,—снарядовъ нынѣшнихъ не имѣли, а просто,—кто съ бадьей, кто съ шайкой, бѣжали А то и такъ бывало, что стоятъ себѣ горемыки, смотрятъ, и съ мѣста не трогаются, знай только крестятся. «Знать, такое ужь попущеніе Божіе, такъ что спасать! пусть горитъ!» Глядишь, отъ одного дома запылалъ другой, третій, десятый,—и въ нѣсколько часовъ улицы какъ не бывало, а коли вѣтеръ, такъ и цѣлаго города.

Горѣли села и города, дымились и пылали огромные, на десятки верстъ тянувшіеся лѣса,... народъ бѣжалъ, бросая все,—и безчисленныя толпы нищихъ, калѣкъ, изувѣченныхъ мерзкими болѣзнями, голодомъ, а пуще всего—пьянствомъ, безъ крова и безъ пищи, шатались по всей Россіи, громкими воплями вымаливая себѣ кусокъ хлѣба.

Не приглядна была и обыкновенная жизнь обывателей городскихъ, когда все обстояло благополучно, а деревенскаго сословія людей—и того хуже. Богатому человѣку, извѣстно, всегда лучше, чѣмъ бѣдному, а и то приходилось жутко: дѣлать было ему совсѣмъ нечего, ни умомъ пораскинуть не надъ чѣмъ, ни силушки своей развернуть не гдѣ,—вотъ главная бѣда въ чемъ. Ученья тогда не было вовсе; рѣдкій человѣкъ, развѣ изъ большихъ господъ, грамотѣ зналъ, а всѣ прочіе, такъ, въ темнотѣ пребывали, и надъ чѣмъ ни призадумается, бывало, досужій человѣкъ, о чемъ про себя ни спроситъ,—отчего,

*

молъ, это? зачѣмъ то? какъ и что у другихъ народовъ дѣлается?—ни на что не найдетъ отвѣта, ни отъ кого толку не добьется, не то что нынче,—возьми любую книжку, да почитай, либо съ умнымъ человѣкомъ побесѣдуй,—все, какъ на ладони, узнаешь. Торговать прежде тоже куда трудно да не повадно было: товары-то у насъ ни Богъ вѣсть какіе—деготь, да лыко, да медъ—и обчелся. Хоть мать—земля и родитъ много всякаго добра на потребу человѣка, и многое бы можно выдѣлывать изъ плодовъ ея, да ни умѣнья, ни фабрикъ, ни заводовъ нѣтъ у насъ; а если бъ изловчились и смастерили что (примѣрно вотъ, хоть лѣсу можно бы нарубить много, и хлѣба посѣять да собрать, видимо невидимо), такъ куда дѣваться-то со всѣмъ этимъ? Своимъ и того, что есть, за глаза довольно, а везти не куда и не на чемъ.

Такъ, значитъ, справитъ человѣкъ кое-какія мелкія свои дѣлишки, и коротаетъ долгое время за брагой хмѣльной, за чаркой зелена-вина, да въ буйныхъ, безобразныхъ потѣхахъ разныхъ — боѣ кулачномъ, травлѣ звѣриной, а то такъ и просто домочадцевъ своихъ тузить начнетъ, скуки ради. Правда, и тогда была казенная служба разная; были и воеводы, и дьяки, и подъячіе съ приказными, и ратные люди, только совсѣмъ не по нынѣшнему служили тогда всѣ они. Воеводы сидѣли на своихъ воеводствахъ, да только и думали, какъ бы побольше денегъ да всякой добычи собрать съ народа; дьяки, вмѣсто суда и расправы, брали, сколько силы хватало, и съ праваго и съ виноватаго, и гнали ихъ поскорѣе; а ужь если дѣло большое было, такъ волочили его по нѣскольку лѣтъ, всю же необходимую работу справляла всякая мелкая приказная сошка. Ратнымъ людямъ тоже дѣлать было нечего: постояннаго войска, кромѣ стрѣльцовъ въ Москвѣ, у насъ не было, а всякій разъ, въ случаѣ войны, собиралось земское ополченіе и выходили въ поле мужички непри-

вычные, ратному дѣлу не обученые и вооруженные очень плохо. Вотъ что разсказываетъ о тогдашнемъ русскомъ воинствѣ свой же братъ, россійскій мужичокъ, Посошковъ, жившій при Петрѣ Великомъ и писавшій много умнаго о тогдашнихъ русскихъ порядкахъ:

«У пѣхоты ружье было плохо и владѣть имъ не умѣли, только боронились ручнымъ боемъ, копьями и бердышами, и то тупыми, и на бояхъ мѣняли своихъ головъ по три, по четыре и больше на одну непріятельскую голову. На конницу смотрѣть стыдно: лошади негодныя, сабли тупыя, сами скудны, безодежны, ружьемъ владѣть не умѣютъ, иной дворянинъ и зарядить пищали не умѣетъ, нетолько что выстрѣлить въ цѣль; убьютъ двоихъ или троихъ татаръ,—и дивятся, ставятъ большимъ успѣхомъ, а своихъ хотя сотню положили, — ничего! Нѣтъ попеченія о томъ, чтобъ непріятеля убить, одна забота, какъ бы домой поскорѣй. Молятся: «дай Боже рану нажить легкую, чтобъ не много отъ нея поболѣть, и отъ великаго государя получить за нее пожалованіе.» Во время боя того и смотрятъ, гдѣ бы за кустомъ спрятаться; иные цѣлыми ротами прячутся въ лѣсу или въ долинѣ, выжидаютъ, какъ пойдутъ ратные люди съ бою, и они— съ ними, будто также съ бою ѣдутъ въ станъ. Многіе говорили: «дай Богъ великому государю служить, а сабли изъ ноженъ не вынимать!»

Понятно, что съ такимъ войскомъ государство наше не могло быть сильно, и сосѣдніе народы часто обижали насъ крѣпко. Они видѣли, что Русь наша матушка— страна огромная, земля въ ней богатая, а народъ, хотя и бѣдный и необразованный, но смышленый, сильный и способный. Издавна боялись они, что какъ окрѣпнетъ эта самая Русь, соберется съ силами, такъ пожалуй самимъ имъ плохо придется, и вотъ, чтобы не дать ей окрѣпнуть, чтобы какъ можно дольше она оставалась дикой, необра-

зованной и, слѣдовательно, не могла бы съ ними тягаться, они безпрестанно нападали на нее, и разоряли нашу бѣдную родину всячески: и города у насъ отнимали, и дань заставляли платить, и своихъ царевичей старались посадить къ намъ на царство, и даже въ вѣру свою пытались перекрестить всѣхъ православныхъ. Обижали насъ и татары, и турки, и поляки, и шведы, и нѣмцы, и ничего не могли подѣлать мы, бѣдные.

Какъ припомнишь все это, да поразсудишь, такъ и увидишь, что русское-то царство, въ сравненіи съ другими, было слабое, а у себя внутри — бѣдное, разоренное, и совсѣмъ не образованное.

А между тѣмъ, недалеко отъ насъ, въ сосѣднихъ государствахъ, народъ давно уже пользовался всякими удобствами и выгодами, всякими приспособленіями: дѣтей обучали въ школахъ грамотѣ и разнымъ наукамъ, и изъ нихъ выходили полезные міру люди; взрослые могли свободно заниматься всякими мастерствами и ремеслами,— вездѣ фабрики да заводы, а гдѣ человѣку не подъ силу, тамъ заводились уже и тогда машины разныя. Города строили по прочнѣе нашихъ, все больше изъ камня, да такіе возводили храмы, дворцы и башни, что взглянуть на нихъ, — шапка свалится; улицы мостились и освѣщались фонарями, разводились сады и бульвары, потому, знали люди, что дерева не только красятъ мѣсто, но и очищаютъ воздухъ. Поѣхать-ли куда, вѣсточку-ли о чемъ послать въ другой городъ,—на то была уже почта установлена; торговать тоже было куда повадпѣе: вездѣ добывали да выдѣлывали множество снадобья всякаго на потребу человѣческую, города стояли другъ къ дружкѣ близко, дороги проложены хорощія, а то и моремъ на большихъ, крѣпкихъ корабляхъ вези себѣ товары, куда надобно, сбывай прибыльно, да запасайся за моремъ всѣмъ, что въ твоей землѣ идетъ ходко.

Тоже вотъ, судъ и расправа въ иностранныхъ земляхъ хоть и не очень-то еще были хороши въ то время, а все не вприм'ѣръ лучше нашихъ: такъ ли, не такъ, а все выслушаютъ обиженнаго, какъ ум'ѣютъ, разсудятъ, и всякій зналъ, что хоть какую ни есть, а все найдетъ управу на лихаго человѣка.

Оно, конечно, не все только хорошее было и въ чужихъ земляхъ: было тогда, есть и теперь, какъ и вездѣ, много всякихъ невзгодъ и неурядицы, а все у нихъ легче, вальготнѣе жилось тогда, чѣмъ у насъ.

Кажись, вѣдь русскій народъ и самъ не промахъ: могъ бы и себѣ придумать такую же хорошую жизнь, а не то хоть и у тѣхъ же нѣмцевъ перенять все полезное, да первая бѣда въ томъ, что русское-то царство зачалось куда позже другихъ, и въ то время, какъ у заморскихъ народовъ многое уже было придумано да прилажено, мы только еще строиться начинали; а вторая,—очень ужь русскіе не любили якшаться съ нѣмцами, жили себѣ особнякомъ, сами не ѣздили въ иностранныя государства, и къ нимъ иноземцы заглядывали не охотно: первое, что очень ужъ не ласково ихъ на Руси принимали, а второе,—и житье имъ у насъ было не завидное: мятели да морозы трескучіе, жилища плохія да грязныя, а пища и всякіе другіе припасы для нихъ непривычные. Кромѣ того, народъ нашъ считалъ ихъ басурманами и не только не хотѣлъ имѣть съ ними никакого дѣла, но случалось даже, какъ только стрясется въ городѣ бѣда какая, болѣзнь повальная, либо пожаръ,—сейчасъ подозрѣвали нѣмцевъ въ колдовствѣ, въ порчѣ и отравѣ волшебными зельями, въ поджогахъ, и въ безумномъ остервенѣніи убивали несчастныхъ.

И долго ходили православные въ потемкахъ, словно дѣти малыя, неразумныя, и продолжалось такъ до нашего Великаго Царя, Императора Петра I-го. Хотя и до него

еще, особенно при отцѣ его, царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и призывались въ Россію иностранные доктора и мастера разные, но только ко двору Царскому, какъ рѣдкое исключеніе.

II.

Рожденіе Петра и его родительская семья.—Его младенческія наклонности и забавы. — Ученіе.—Характеръ. — Жизнь въ первые годы по смерти отца.

Безъ малаго двадцать одинъ годъ счастливо прожилъ добрый царь Алексѣй Михайловичъ со своею супругой, Марьей Ильинишной, изъ незнатнаго дворянскаго рода Милославскихъ, но въ послѣдній годъ страшныя несчастія обрушились на него одно за другимъ: только что скончалась отъ несчастныхъ родовъ царица, какъ черезъ три мѣсяца царь похоронилъ четырехлѣтняго сына Симеона, а чрезъ полгода сошелъ въ могилу и другой, уже шестнадцатилѣтній сынъ его, царевичъ Алексѣй.

Въ живыхъ остались только дочь Софья да двое сыновей,—Ѳедоръ да Иванъ, но мальчики были слабы и болѣзненны и потому къ правленію мало способны, а Софья, хотя и отличалась и здоровьемъ и умомъ, но по тогдашнимъ обычаямъ царствовать не могла.

Однакожь, царь еще не терялъ надежды оставить по себѣ достойнаго наслѣдника: ему было только 40 лѣтъ, и, чувствуя себя еще бодрымъ и сильнымъ, онъ задумалъ жениться въ другой разъ.

Часто посѣщалъ государь своего близкаго друга и мудраго совѣтника въ дѣлахъ, боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева. Разъ какъ-то увидѣлъ онъ у него дочь одного боярина, Кирилла Полуэктовича Нарышкина, дѣвицу Наталью Кирилловну. Приглянулась ему красавица-боярышня, заговорилъ съ ней Алексѣй Михайловичъ и увидѣлъ въ ней, сверхъ пригожества, разумъ великій и нравъ добрый да веселый. Развеселился и самъ осиротѣлый царь и порѣшилъ въ умѣ своемъ, что лучшей жены ему не найдти.

Вскорѣ послѣ этого, государь женился на молодой Нарышкиной, а черезъ шестнадцать мѣсяцевъ послѣ свадьбы, къ неописанной его радости, 30 мая 1672 года, въ первомъ часу по полуночи, молодая царица разрѣшилась въ Кремлевскомъ дворцѣ сыномъ, въ св. крещеніи нареченнымъ Петромъ, мальчикомъ очень крѣпкаго, здороваго тѣлосложенія. Три дня раздавались по всей Москвѣ колокольный звонъ, пушечная пальба и молебствія по этому радостному случаю, и царь отпраздновалъ посланное ему счастіе великими милостями: многіе преступники были прощены, должники выкуплены на свободу, казенныя недоимки отпущены, а бояре Артамонъ Сергѣевичъ и Кириллъ Полуэктовичъ получили высшій тогда придворный чинъ стольника.

А что, свѣтелъ, радошенъ во Москвѣ
Благовѣрный Царь Алексѣй, Царь Михайловичъ?
Народилъ Богъ ему сына, Царевича Петра Алексѣевича,
Перваго Императора по землѣ.
Всѣ-то Русскіе какъ плотники мастера
Во всю ноченьку не спали, колыбель люльку дѣлали
Они младу Царевичу;
А и нянюшки, мамушки, сѣнныя красныя дѣвушки
Во всю ноченьку не спали, одѣялицо вышивали,
По бѣлу рыту бархату они краснымъ золотомъ;

Бояре тюрьмы съ покаянными всѣ распущали;
А погребы Царскіе они всѣ растворяли.
У Царя благовѣрнаго еще пиръ и столъ на радости,
А князи сбиралися, бояре съѣзжалися и дворяне сходилися.
А все народъ Божій. На пиру пьютъ, ѣдитъ, прохлажаются,
Во веселіи, въ радости не видали, какъ дни прошли
Для младаго Царевича Петра Алексѣевича,
Перваго Императора.

Тотчасъ назначили царевичу въ кормилицы княгиню Львову, а для присмотра,—двухъ мамокъ, престарѣлыхъ вдовыхъ боярынь, Леонтьеву и княгиню Голицыну, да нѣсколько нянекъ съ прислужницами.

На попеченіи этихъ женщинъ младенецъ Петръ воспитывался до 5-ти лѣтъ, а съ этого времени къ нему приставили дядькой и учителемъ отличавшагося между тогдашними должностными людьми своимъ умомъ и познаніями дьяка, Никиту Моисеевича Зотова.

Къ сожалѣнію, мы слишкомъ мало знаемъ о младенческихъ годахъ Петра, но и изъ тѣхъ разсказовъ, которые дошли до насъ, можно уже видѣть, что онъ былъ чрезвычайно живой ребенокъ и потому нетерпѣливый, отличался смѣтливостью и любознательностью. Первые годы жизни онъ провелъ при своей матери безотлучно, сопровождая ее даже во всѣхъ ея путешествіяхъ.

Однажды Петру подарили, въ числѣ многихъ другихъ игрушекъ, маленькую саблю. Малютка, не обращая вниманія на все остальное, велѣлъ себя приподнять, поцѣловалъ подарившаго саблю, въ голову, опоясался — и съ тѣхъ поръ не только не снималъ ее днемъ, но часто даже и засыпалъ съ ней, воображая себя великимъ воиномъ. Отецъ, видя въ сынѣ особенную охоту къ военнымъ играмъ, велѣлъ собрать нѣсколькихъ его сверстниковъ изъ дворянскихъ дѣтей, и съ ними-то ребенокъ проводилъ все свое свободное время въ разныхъ военныхъ упражненіяхъ.

Разумѣется, сначала, какъ и у всѣхъ маленькихъ дѣтей, упражненія эти ограничивались ѣздой на палочкахъ, битьемъ въ барабаны и т. п. Но подростая и пристращаясь къ воинственнымъ забавамъ все болѣе и болѣе, Петръ устраивалъ изъ своихъ товарищей цѣлыя команды и впослѣдствіи, значительно увеличивъ число ихъ, раздѣлилъ все свое маленькое войско на двѣ потѣшныя роты, и производилъ съ ними правильныя ученья, въ подмосковныхъ селахъ, Семеновскомъ и Преображенскомъ, гдѣ проводилъ большую часть времени, строилъ земляныя крѣпости, бралъ ихъ приступомъ и устроивалъ примѣрныя сраженія. Все это, впрочемъ, было для него не только шуткой: нѣтъ, онъ смотрѣлъ на эти упражненія и какъ на обученіе своему любимому ратному дѣлу, а потому и самъ учился всему, что касалось до настоящей воинской службы, и, нисколько не стѣсняясь своимъ высокимъ званіемъ, отправлялъ, по порядку, должности простаго рядоваго, барабанщика, копая и неся на плечахъ своихъ землю для укрѣпленій, стоя на часахъ и т. д., заставляя и другихъ шутемъ—шутемъ, а работать презрядно.

Мы увидимъ впослѣдствіи, какъ много значили для Россіи эти дѣтскія игры маленькаго царевича, а пока оставимъ ихъ въ сторонѣ и посмотримъ на другія его занятія.

Первый учитель Петра былъ выбранъ очень удачно: онъ не только много зналъ самъ, по тогдашнему времени, но и умѣлъ очень хорошо пользоваться удивительными способностями своего ученика. Умный дьякъ, поблажая пытливости и любознательности ребенка, разсказывалъ ему обо всемъ, что только зналъ хорошаго у другихъ народовъ, водилъ его по комнатамъ дворца, гдѣ были развѣшаны разныя картины, и, останавливая его передъ всѣмъ мало мальски замѣчательнымъ, все объяснялъ ему толково и заставлялъ потомъ повторять разсказанное, показывалъ

изображенія на рисункахъ разныхъ земель, горъ, рѣкъ и морей (географическія карты), модели крѣпостей и иностранныхъ кораблей. По его распоряженію, были также нарисованы изображенія наиболѣе прославившихся русскихъ царей и ихъ знаменитѣйшихъ подвиговъ и, такимъ образомъ, Петръ видѣлъ передъ собою русскую исторію въ лицахъ. Въ такихъ-то веселыхъ прогулкахъ, въ живыхъ, занимателоныхъ разговорахъ передавалось ему множество свѣдѣній, которыя не только обогащали его умъ, но и чрезвычайно заохочивали къ наукамъ. Скоро ученикъ сталъ закидывать своего учителя вопросами; его пытливости, непремѣнному желанію все узнать, все понять, не было конца, и чего не зналъ или не могъ объяснить Зотовъ, въ томъ позже помогли ему иноземные учители, приставленные къ Петру, когда онъ сталъ подростать, особенно Лефортъ и Тиммерманъ.

Иногда въ занятіяхъ науками юному Петру помогалъ его старшій братъ, очень хорошо понимавшій всю важность и необходимость ученія для отрока, предназначаемаго управлять такимъ обширнымъ царствомъ, какъ Россія. Въ этомъ случаѣ, онъ могъ бы сказать, какъ въ одномъ сочиненіи говоритъ другой царь, Борисъ Годуновъ, своему сыну, присутствуя при его ученіи и разсматривая изображеніе различныхъ земель на картѣ:

«Какъ хорошо! Вотъ сладкій плодъ ученья!
Какъ съ облаковъ, ты можешь обозрѣть
Все царство вдругъ: границы, грады, рѣки.
Учись, мой сынъ: наука сокращаетъ
Намъ опыты быстротекущей жизни.
Когда нибудь, и скоро, можетъ быть,
Всѣ области, которыя ты нынѣ
Изобразилъ такъ хитро на бумагѣ,
Всѣ подъ руку достанутся твою.

Учись, мой сынъ, и легче и яснѣе
Державный трудъ ты будешь постигать!»

Не долго привелось радоваться царю Алексѣю Михайловичу на своего послѣдняго сынка, составлявшаго его надежду и гордость. Младенцу царевичу не было еще и четырехъ лѣтъ, какъ государь заболѣлъ и въ январѣ 1676 г. скончался, за малолѣтствомъ Петра, по необходимости, назначивъ на царство, хотя и слабаго и больнаго, но старшаго своего сына, Ѳедора Алексѣевича. Плохо стало жить тогда и овдовѣвшей царицѣ и всей родпѣ ея, которую покойный царь любилъ и жаловалъ и осыпалъ милостями, что именно и поселило во многихъ знатныхъ боярахъ сильную къ ней непріязнь, изъ зависти къ быстрому возвышенію незнатныхъ родомъ Нарышкиныхъ и изъ боязни, что со вступленіемъ на царство Петра, они, какъ ближайшіе его родственники, получатъ еще бо́льшую силу и будутъ ворочать всѣмъ государствомъ. При жизни Алексѣя Михайловича завистники эти, конечно, не осмѣливались трогать отца и другихъ царицыныхъ родичей, но какъ только онъ умеръ, враги Нарышкиныхъ тотчасъ же обступили Ѳедора и всѣми мѣрами стали оттирать отъ него нетолько Матвѣева и Нарышкиныхъ, но даже и самое царицу.

Стараясь отдалить ее, какъ можно болѣе, отъ молодаго государя, одинъ изъ его любимцевъ, боринъ Языковъ, постоянно наговаривалъ на его мачиху разныя небылицы, часто дѣлалъ и говорилъ ей непріятное и даже предложилъ, подъ видомъ тѣсноты, перебраться въ другой, отдаленный отъ царскаго, домъ. Царица воспротивилась этому, и Языковъ сталъ упрекать ее въ ослушаніи волѣ государевой. Оскорбленная своимъ подданнымъ, Наталья Кирилловна залилась слезами. Царевичъ Петръ, тогда еще пятилѣтній младенецъ, видя горесть горячо любимой имъ матери, отправился въ сопровожденіи своего учителя, въ покои старшаго брата, и нѣсколько разъ

поцаловавъ его руку, обратился къ нему со слѣдующими замѣчательными словами: «*Державный Царь! жалобу тебѣ приношу на Языкова: онъ хощетъ меня и съ матерію моею выгнать изъ дому отца моего, и отъ тебя отдалити въ иной домъ, якоже древній Годуновъ царевича Димитрія, отдаля, погубить, и сей второй Годуновъ, воспрія намереніе и со мной тожде учинити. Есть ли тотъ домъ, въ который насъ высылаютъ, угоденъ тебѣ, то и я хощу въ немъ жити съ тобою, да спасу животъ мой; а изъ дому отца моего и отъ тебя, государя, въ другой домъ не изыиду.*» Потомъ, со слезами на глазахъ, обратился къ присутствовавшимъ и сказалъ: «*Или я не сынъ державнаго царя Алексѣя Михайловича, что мнѣ и угла въ дому отца моего нѣтъ?*» Самъ-ли могъ придумать пятилѣтній ребенокъ такую рѣчь, научилъ-ли его Зотовъ, во всякомъ случаѣ весь этотъ поступокъ показываетъ въ немъ, кромѣ нѣжной любви сыновней, еще и необыкновенный умъ и первые признаки сильнаго характера.

Царь, ничего не знавшій объ этомъ дѣлѣ, очень растрогался и, расцѣловавъ своего маленькаго брата, успокоилъ его обѣщаніемъ не трогать ни его, ни его матери и тотчасъ же пошелъ къ мачихѣ, извинялся за нанесенное ей оскорбленіе и отдавалъ дерзкаго Языкова Царицѣ головою; но добрая Наталья Кирилловна его простила и только самъ государь на время отдалилъ его отъ своего двора.

Но послѣ этой неудачи враги, рода Нарышкиныхъ не успокоились и продолжали все болѣе и болѣе сѣять раздоръ въ царской семьѣ и отдалять отъ вдовствующей царицы и ея сына всѣхъ ихъ друзей, совѣтниковъ и защитниковъ. Боярин Матвѣевъ давно уже, по извѣтамъ ихъ, былъ сосланъ въ безчестную ссылку, отецъ и братья царицы хотя и оставались въ Москвѣ, но не пользовались расположеніемъ царя до самой своей смерти и, наконецъ,

умный дьякъ Зотовъ, любившій своего ученика и постоянно доброжелательствовавшій ему, былъ удаленъ отъ царевича подъ благовиднымъ предлогомъ: его послали въ Крымъ для заключенія мира съ Ханомъ крымскимъ и Султаномъ турецкимъ.

Не весело жилось, не легко дышалось царицѣ въ Кремлевскомъ дворцѣ, гдѣ сплетнямъ, пересудамъ, всяческимъ ссорамъ и наговариваніямъ не было конца. Посреди ихъ и самъ царь, видя въ мачихѣ постоянный поводъ къ раздорамъ и неудовольствіямъ, пересталъ обращаться съ ней ласково и дружелюбно, и чаще поглядывалъ на нее косо, или же и вовсе избѣгалъ съ нею встрѣчи. Поэтому, Наталья Кириловна, желая всего болѣе безопасности для своего сына и успокоенія для себя, большую часть времени проводила въ селѣ Преображенскомъ. Тамъ, подъ нѣжнымъ материнскимъ береженьемъ росъ и мужалъ молодой царевичъ, собирался съ силами и разцвѣталъ красотою. Онъ росъ не по днямъ, а по часамъ и въ десять лѣтъ уже казался пятнадцатилѣтнимъ юношей. На щекахъ его игралъ румянецъ, какъ у красной дѣвицы, большіе черные очи сверкали огнемъ, темнорусыя кудри украшали его высокій, крутой лобъ и во всѣхъ движеніяхъ его были видны живость, сила и мужество.

III.

Смерть Ѳедора Алексѣевича, передача престола Петру и отреченіе царевича Ивана.—Правительница Софья.—Стрѣльцы.—Возмущенія ихъ и присутствіе духа десятилѣтняго Петра.—Усмиреніе возмущеній.—Соцарствіе Петра съ Иваномъ.

Только что царь Ѳедоръ Алексѣевичъ, не имѣвшій дѣтей отъ первой супруги (единственный сынъ его умеръ скоро послѣ рожденія) вступилъ во 2-й бракъ со свойственницей своего любимца, Языкова, Марѳой Матвѣевной Апраксиной, какъ черезъ два съ половиною мѣсяца послѣ свадьбы, печальный звонъ возвѣстилъ москвичамъ о кончинѣ молодаго, но всю жизнь слабаго и болѣзненнаго государя. Разсказываютъ, будто, передъ смертію царь назначилъ вступить на престолъ царевичу Петру, другіе же увѣряютъ, что—Ивану. Во всякомъ случаѣ, вѣрно то, что письменнаго распоряженія о томъ не осталось, и тотчасъ по кончинѣ государевой, собрались во дворцѣ и передъ дворцомъ всякихъ чиновъ люди, и духовные и мірскіе, и военные и гражданскіе, чтобы поклониться тѣлу усопшаго и узнать, кто теперь вступитъ на царство. Святѣйшій Патріархъ, какъ высшій Владыко и Глава всего

духовнаго чина, вмѣстѣ съ духовенствомъ вышелъ къ собравшимся и предложилъ имъ, чтобы всѣ они единодушно избрали новаго царя. «Петра! Петра хотимъ»! раздались на площади крики нѣсколькихъ тысячъ людей и, казалось, сама земля гудѣла и дрожала отъ этого голоса народнаго. По Москвѣ давно уже ходили разсказы о великомъ разумѣ и блестящихъ способностяхъ Петра; народъ не разъ любовался здоровымъ, сильнымъ и живымъ, какъ огонь, царевичемъ; между тѣмъ, всѣ видѣли, что Иванъ и хилъ и слабъ и разсудкомъ не боекъ. Только очень немногіе крикнули было: «Ивана!» но голосъ ихъ затерялся въ страшномъ громѣ нѣсколькихъ тысячъ другихъ голосовъ. Къ тому же, говорятъ, и самъ Иванъ, когда сдѣланъ былъ вопросъ о томъ, кому быть царемъ на Руси, будто бы сказалъ, что *«надлежитъ быть на престолѣ россійскомъ Царемъ и Самодержавцемъ брату его, царевичу Петру Алексѣевичу, потому что у него здравствуетъ его мать, царица, и онъ царствомъ ему, брату, поступается.»*

И такъ, государемъ всея Руси былъ избранъ десятилѣтній Петръ Алексѣевичъ, за малолѣтствомъ котораго его мать назначена правительницей, — и народъ и всѣ чины государства тотчасъ же имъ присягнули.

По видимому, все обошлось благополучно, но на самомъ дѣлѣ было не такъ: старшая сестра царевичей, уже двадцатипятилѣтняя царевна Софія, не могла примириться съ мыслію, что теперь все правленіе будетъ въ рукахъ ненавистной мачихи и Нарышкиныхъ, и въ тиши своего дѣвичьяго терема обдумывала устроить это дѣло иначе.

Въ день погребенія Ѳедора Алексѣевича, она, противъ всѣхъ обычаевъ старины, запрещавшихъ царевнамъ показываться народу и принимать участіе въ какихъ бы то ни было церемоніяхъ, явилась на похороны брата, и, идя

за его гробомъ, громко рыдала и разными другими способами старалась выказать свою неутѣшную печаль о смерти брата. Во время церковной службы, Наталья Кирилловна и Петръ, простившись съ покойнымъ государемъ, вышли изъ церкви и возвратились въ свои палаты, между тѣмъ какъ царевна, въ глубокой скорби, простояла у гроба покойнаго брата всю обѣдню, а на возвратномъ пути, обращаясь къ народу, громко причитала: «*видите, какъ братъ нашъ, царь Ѳедоръ, неожиданно отошелъ съ сего свѣта, отравили его враги зложелательные; умилосердитесь надъ нами сиротами: нѣтъ у насъ ни батюшки, ни матушки, ни брата; старшій братъ нашъ, Иванъ, не выбранъ на царство, а если мы передъ вами или передъ боярами провинились, то отпустите насъ живыхъ въ чужія земли, къ королямъ христіанскимъ.*»

Народъ жалѣлъ бѣдную царевну и запомнилъ ея коварныя рѣчи. Начались толки да пересуды, а между тѣмъ усердные слуги Софьины и враги Нарышкиныхъ не дремали и смущали православныхъ увѣреніями, что Ѳедоръ отравленъ, что онъ отказалъ престолъ брату Ивану, что послѣдній и не думалъ отъ него отказываться самъ, а его принудили къ тому Нарышкины съ братіей, чтобы самимъ прибрать къ рукамъ все государство, и много всякой всячины придумывали лукавые подстрекатели, но народъ не слушалъ ихъ и оставался спокоенъ, совершенно довольный своимъ выборомъ.

Волновались только стрѣльцы, которыхъ всегда легко было подстрекнуть ко всякимъ безпорядкамъ. Почему жь именно стрѣльцы были такіе безпокойные люди и что это за народъ былъ? А вотъ, познакомимся съ ними поближе.

До царя Ивана Васильевича Грознаго у насъ постояннаго войска не было вовсе, а каждый разъ, когда слу-

*

чалась надобность, помѣщики должны были въ полномъ вооруженіи выѣзжать въ поле и выводить съ собой опредѣленное число крестьянъ и дворовыхъ людей; также собирались и городскіе обыватели, а когда надобность въ воинской силѣ случалась очень ужь велика, то наряжалась на службу ратную и монастырская братія. Такимъ образомъ составлялось земское ополченіе. Конечно, подобный способъ защиты государства представлялъ много очень важныхъ неудобствъ: проходило много времени въ сборахъ людей, новобранцы эти вовсе не знали военнаго дѣла, не умѣли владѣть оружіемъ и при первой встрѣчѣ съ непріятелемъ бѣжали въ-разсыпную, какъ мы видѣли въ началѣ нашихъ разсказовъ.

Иванъ Грозный первый сталъ заводить постоянное войско. Онъ велѣлъ собрать вольныхъ людей, *рѣзвыхъ и стрѣлять гораздыхъ*, и образовать изъ нихъ стрѣлецкіе полки, которые должны были нести ратную службу безсмѣнно. Имъ построили дома, назначили постоянное жалованье, дали оружіе и всѣмъ одинаковую одежду, только въ каждомъ полку особаго цвѣта. Одѣяніе ихъ было вотъ какое: длинные, ниже колѣнъ, суконные кафтаны алые, синіе, голубые, зеленые, малиновые, съ красивыми, иногда золотыми, перевязями, цвѣтные, большею частію желтые, сапоги и суконныя, а иногда и бархатныя шапки съ мѣховой опушкой. Стрѣльцы эти жили въ особыхъ стрѣлецкихъ слободахъ со своими семьями и званіе отцовъ переходило къ дѣтямъ и внукамъ. Имъ выдавалось изъ царской казны жалованье и, сверхъ того, они были освобождены отъ всякихъ повинностей и пошлинъ и могли свободно заниматься торговлей и промыслами. Они обязаны были въ мирное время охранять особу государя, содержать стражу на заставахъ и въ пограничныхъ городахъ государства и принимать участіе въ тушеніи пожаровъ, а въ военное время отправлялись вмѣстѣ съ зем-

скимъ ополченіемъ въ походъ, но на земскихъ подводахъ, снабженные всѣмъ необходимымъ отъ казны, между тѣмъ какъ прочіе должны были имѣть все свое.

Живя на полномъ иждивеніи отъ правительства, никогда ни въ чемъ не нуждавшіеся и ничѣмъ почти не занятые, кромѣ разныхъ торговыхъ промысловъ ради наживы, стрѣльцы скоро совершенно облѣнились и все время проводили только за игрой въ зернь (въ карты), въ пьянствѣ, кутежахъ и самомъ безшабашномъ тунеядствѣ. Понятно, что отъ такой жизни можно было ожидать мало хорошаго. И дѣйствительно: скоро по всей Москвѣ мирнымъ обывателямъ не стало житья отъ озорничества и всякихъ безчинствъ буйныхъ стрѣльцовъ. Кромѣ того, въ послѣднее время, въ царствованіе Алексѣя Михайловича и особенно Ѳедора Алексѣевича, начальники стрѣлецкихъ полковъ,—головы или полковники, пользуясь всеобщей неурядицей, когда все сходило съ рукъ, думали только о собственномъ обогащеніи и сильно притѣсняли своихъ подчиненныхъ, удерживали слѣдовавшее имъ жалованье, употребляли ихъ на свои собственныя работы, отвлекая ихъ этимъ отъ выгодныхъ промысловъ, и потому между стрѣльцами было очень много недовольныхъ, ждавшихъ только удобнаго случая къ бунту.

Враги Нарышкиныхъ и всѣхъ другихъ сторонниковъ царицы Натальи Кирилловны тотчасъ же смекнули, какую службу можетъ сослужить имъ стрѣлецкая сила. Друзья и главные пособники Софьины въ ея замыслахъ, князь Хованскій и боярин Милославскій, тотчасъ же разослали надежныхъ людей во всѣ концы Москвы. Въ слободахъ стрѣлецкихъ заговорили, что царевича Ивана задушили, что возвращеніе изъ ссылки ненавистнаго боярина Матвѣева и удаленіе близкаго къ покойному царю Языкова,—все это дѣло злодѣевъ Нарышкиныхъ, которые захватятъ теперь все государство въ свои руки, что молодой На-

рышкинъ, братъ царицы, даже ужь примѣрялъ на себя царскій вѣнецъ. Этого было довольно, чтобы поднять всѣхъ стрѣльцовъ поголовно, кромѣ одного Сухаревскаго полка. 15 мая, на разсвѣтѣ, по всѣмъ слободамъ ударили въ набатъ и стрѣльцы, схвативъ оружіе, побѣжали къ Кремлю, ворвались въ ворота и, собравшись грозною толпою у Краснаго Крыльца, требовали выдачи измѣнниковъ и цареубійцъ Нарышкиныхъ. Испуганная царица, вмѣстѣ съ патріархомъ и престарѣлымъ бояриномъ Матвѣевымъ, вывели обоихъ царевичей и показали ихъ мятежникамъ здравыми и невредимыми. Стрѣльцы, увидѣвъ, что вдались въ обманъ, на минуту присмирѣли. «Все равно!--раздались съ разныхъ сторонъ крики подстрекателей,--если не извели еще царевичей злодѣи, такъ изведутъ! Выдавайте намъ Нарышкиныхъ!--Нарышкиныхъ! Нарышкиныхъ!--загудѣло все огромное скопище и подступило еще ближе къ стѣнамъ дворца. Главный начальникъ всѣхъ стрѣльцовъ, князь Михаилъ Юрьевичъ Долгорукій, выступилъ-было впередъ и прикрикнулъ на бунтовщиковъ, но тотчасъ же былъ схваченъ и убитъ. Вышелъ почтенный бояринъ Матвѣевъ увѣщевать непокорныхъ, но громъ 200 барабановъ и неистовые крики заглушили его слова; остервенившіеся стрѣльцы схватили его и сбросили со стѣнъ Кремлевскихъ внизъ на подставленныя копья и несчастный, ни въ чемъ неповинный старикъ былъ въ ту же минуту изрубленъ бердышами. Царица съ царевичами и патріархомъ въ ужасѣ возвратилась во внутренніе покои. Со страшнымъ, оглушительнымъ ревомъ хлынула толпа впередъ и разсыпалась по всему Кремлю, вездѣ ища измѣнниковъ и губителей царскаго рода, обшаривъ даже храмы Божіи, алтари и жертвенники. Много бояръ и другихъ людей погибло въ этотъ и въ слѣдующіе два дня мучительною смертію. Только главной своей жертвы, молодаго боярина Ивана Кирилловича Нарышкина, стрѣльцы долго не могли

найдти, такъ какъ царица, приказавъ запрятать его подальше, ни за что не хотѣла выдать своего брата. Но мятежники не унимались и грозили перебить всѣхъ бояръ, если имъ не выдадутъ главнаго, по ихъ мнѣнію, виновника. Перепуганные бояре и сама царевна Софья приступили къ Натальѣ Кирилловнѣ съ требованіемъ, чтобы она непремѣнно и безъ замедленія ублаготворила стрѣльцовъ, ради спасенія всѣхъ. Дѣлать было нечего: бѣдная царица, обливаясь горькими слезами, велѣла привести брата изъ его убѣжища въ церковь. Тамъ онъ исповѣдался въ грѣхахъ своихъ, пріобщился св. Таинъ, особоровался и, со св. иконою Богоматери на груди, вышелъ къ Золотой Рѣшеткѣ, отдѣлявшей его отъ стрѣльцовъ. Злодѣи, завидѣвъ его, мигомъ ворвались за рѣшетку, схватили злополучнаго юношу и, полумертваго отъ истязаній, потащили на пытку. На всѣ ихъ допросы, молодой бояринъ, мужественно перенося жестокія мученія пытки, не отвѣчалъ ни слова. Еще болѣе остервенившись его молчаніемъ, стрѣльцы вывели его на площадь и, поднявъ на копья, разрубили бердышами на части. «Любо! любо!» приговаривали обезумѣвшіе отъ крови и отъ вина мятежники.

Царевна Софья торжествовала: главные противники ея были уничтожены,—и она щедро наградила стрѣльцовъ.

Десятилѣтній Петръ, стоявшій съ сестрой и братомъ на Красномъ Крыльцѣ передъ бунтовавшей толпой, наводившей ужасъ и трепетъ на всѣхъ присутствовавшихъ, какъ говорится, не сморгнулъ глазомъ и спокойно смотрѣлъ на все происходившее, пока его не увели въ Грановитую Палату. Въ другой разъ, спустя немного времени послѣ этого происшествія, раскольники, взбаламученные толками, будто патріархъ вводитъ противузаконныя новизны въ православную вѣру, ворвались въ Грановитую Палату и съ каменьями въ рукахъ напали на Святителя, неустрашимый царь—

отрокъ, говорятъ, бросился между нимъ и преступниками и, снявъ со своей головы корону, воскликнулъ: «*пока сей вѣнецъ на главѣ моей и душа въ тѣлѣ моемъ пребудетъ, не попущу на церковь святую воевати и правую вѣру неправою нарицати, и какъ самъ оную держу, матерію нарицаю, вѣрую, что она есть правая и истинная, тако и всѣмъ повелѣваю*»! и затѣмъ обратился къ своей свитѣ: «*что-жъ стоите и не дерзаете противу враговъ*»! Всѣ присутствовавшіе бросились на злодѣевъ и выгнали ихъ изъ палаты.

IV.

Потѣхи юнаго Петра въ селѣ Преображенскомъ.—Первая мысль о флотѣ.—Петръ на Переяславскомъ озерѣ.—Заговоръ противъ Петра.—Удаленіе Софіи въ монастырь.

Послѣ описанныхъ выше происшествій, царевна Софья стала заправлять дѣлами всего государства. По ея стараніямъ, государями всея Руси объявлены оба царевича, а она—правительницею. Съ этого времени Петръ еще чаще покидаетъ Москву и большую часть времени проводитъ то въ Преображенскомъ селѣ, то въ Семеновскомъ. Тамъ онъ, подъ руководствомъ любимаго своего учителя, иностранца Лефорта, уже не на шутку устраиваетъ свои потѣшные полки; съ отмѣннымъ прилежаніемъ обучается всѣмъ правиламъ воинской службы, строго исполняетъ всѣ обязанности, того же требуетъ и отъ своихъ товарищей, молодыхъ новобранцевъ, и у него образуются уже цѣлые полки, получившіе впослѣдствіи всѣмъ извѣстныя названія Преображенскаго и Семеновскаго. Кромѣ разсказанныхъ уже прежде упражненій, юный царь стрѣляетъ изъ пушекъ и ружей, устраиваетъ примѣрныя, сначала шуточныя, сраженія, которыя дѣлались все серьезнѣе и серьезнѣе и нерѣдко кончались увѣчьями, ранами

и даже смертію нѣсколькихъ потѣшниковъ. Самъ Петръ, при штурмѣ Семеновскаго двора, сильно опалилъ себѣ лицо порохомъ; а въ другой разъ, когда конница ротмистра *Петра Алексѣева* отличилась въ жестокомъ боѣ съ полкомъ генералиссимуса Ромодановскаго, князь Иванъ Дмитріевичъ Долгорукій отъ тяжкихъ ранъ отдалъ Богу душу.

Однакожь, не одни только воинскія потѣхи занимали молодаго царя. Приставленные къ нему для обученія разнымъ наукамъ иностранцы, особенно Лефортъ и Тиммерманъ, насилу успѣвали отвѣчать на быстрые и чрезвычайно разнообразные вопросы живаго какъ огонь, все смекавшаго въ одну секунду и необыкновенно любознательнаго государя. Чтобы онъ ни увидѣлъ, о чемъ бы ни услышалъ новомъ, тотчасъ начиналъ допытываться: что это? къ чему служитъ? отчего у насъ нѣтъ? Какъ бы достать? Нельзя ли самимъ устроить? Вездѣ, гдѣ только ни случалось ему бывать, онъ не оставлялъ ни одного уголка, ни одной вещи, не осмотрѣвъ ихъ до мельчайшихъ подробностей. Но предметовъ новыхъ мало и огненный мальчикъ всюду пробирается, заглядываетъ, нѣтъ ли гдѣ чего, все ему надобно, все отопри и покажи. Въ Измайловѣ забрался въ амбары, гдѣ лежали старыя, негодныя вещи, — и вдругъ — судно особенное, иностранное!

— Что это за судно?

— Ботъ англійскій.

— Гдѣ его употребляютъ?

— При корабляхъ для ѣзды и возки.

— Чѣмъ лучше нашихъ?

— Ходитъ на парусахъ, и нетолько по вѣтру, но и противъ вѣтра.

— Противъ вѣтра! быть не можетъ! Надобно посмотрѣть! Есть ли такой человѣкъ, который бы починилъ ботъ и ходъ его мнѣ показалъ?

— Есть.

Отыскали голландца Карстенъ Брандта, пріѣхавшаго въ Россію еще при отцѣ Петра для постройки судовъ. Брандтъ исправилъ ботъ, сдѣлалъ мачту и паруса и спустилъ его на р. Яузѣ. Радость юнаго царя была неописанная; онъ не могъ оторваться отъ новой потѣхи и только мечталъ, какъ бы построить корабликъ побольше и выбраться на просторъ, пошире узкой Яузы. Замѣчательно, что еще не задолго до этого онъ боялся воды. Еще во младенчествѣ, переѣзжая сонный, вмѣстѣ съ матерью, черезъ рѣку во время весенняго разлива, онъ испугался, когда полая вода влилась въ карету, и съ тѣхъ поръ не подходилъ близко къ водѣ. Но въ послѣднее время, однажды на охотѣ князь Голицынъ нарочно подскакалъ съ другими охотниками къ рѣкѣ и, заранѣе условившись, всѣ на коняхъ бросились вплавь на другой берегъ. Царь остановился въ недоумѣніи... «За мною, государь!» кричалъ ему князь. Петръ вспыхнулъ и, пришпоривъ коня, бросился въ воду. Съ тѣхъ поръ водобоязни какъ не бывало.

«Ботикъ... корабли!... могутъ ходить противъ вѣтра! Скоро, легко и дешево можно плыть куда угодно!...» Эти мысли не покидали государя ни днемъ ни ночью.

— Нѣтъ ли гдѣ по близости воды побольше? нельзя ли построить корабликъ попросторнѣе? -- допытывался онъ у Тиммермана и у другихъ.

— Есть озеро Переяславское, сто двадцать верстъ отсюда, -- отвѣчали ему.

— Туда, туда! -- восклицаетъ обрадованный царь. -- Но матушка пожалуй не пуститъ... она вѣдь никуда еще съ глазъ своихъ не спускала любимаго сынка... Сынокъ подымается на хитрости: просится къ Троицѣ въ монастырь, на богомолье, а самъ стремглавъ бросается къ Переяславскому озеру.

И закипѣла работа!

Противники рода Нарышкиныхъ радовались, что царь занимается своими потѣхами, и всячески старались отвлекать его отъ дѣлъ государственныхъ разными забавами. Но Петръ не легко соглашался на предлагаемыя ему увеселенія. Такъ напр., когда бояре слишкомъ ужь докучали ему приглашеніями на звѣриную охоту, онъ съигралъ съ ними слѣдующую шутку:

Получивъ наконецъ согласіе государя, бояре съ огромной охотничьей челядью выѣхали съ нимъ въ поле. Тамъ, заманивъ ихъ далеко, Петръ объявилъ, что согласился потѣшиться охотой съ боярами, а не съ ихъ прислужниками, и потому, если они выѣхали охотиться, то пусть отпустятъ прислугу и охотятся вмѣстѣ съ нимъ сами. Дѣлать было нечего,—и бояре отпустили ловчихъ, псарей и всю прочую челядь, принявъ отъ нихъ въ руки всѣ доспѣхи и огромныя собачьи своры. Царь поскакалъ съ ними въ лѣсную чащу и хохоталъ отъ души, видя, какъ непривычные бояре путались въ этихъ сворахъ; иныхъ собаки стаскивали съ сѣделъ и волочили по землѣ, другихъ же лошади, испуганныя никѣмъ неуправляемыми и бросавшимися имъ подъ ноги собаками, мчали по лѣсу и носили до тѣхъ поръ, пока несчастные всадники или валились на земь, или бросали и собакъ и всѣ доспѣхи, чтобы только остановить взбѣшенныхъ коней.

На другой день Петръ предложилъ возобновить потѣху, но желающихъ не нашлось.

Не безполезныя забавы занимали необыкновенный умъ юноши: съ младенческихъ лѣтъ онъ видѣлъ только смуты да раздоры около себя, нищету, невѣжество и совершенную слабость во всемъ государствѣ, а между тѣмъ, иностранные учители разсказывали ему чудеса о земляхъ иностранныхъ: и о сильномъ, хорошо устроенномъ ихъ войскѣ и о большомъ флотѣ, на которомъ можно куда угодно везти многое множество и солдатъ и товаровъ,

и о ихъ богатствѣ и могуществѣ : и ныло сердце царево и мучила Петра неотвязная мысль: зачѣмъ Россія—не такое же сильное государство? Зачѣмъ нѣтъ у нея ни войска, ни флота, ни фабрикъ — ничего нѣтъ у бѣдной, а такъ близко—у сосѣдей-шведовъ—есть все? Ихъ царство такое маленькое, въ сравненіи съ нашимъ, а они безпрестанно бьютъ насъ, мы боимся ихъ. У нихъ все есть, все они знаютъ, а мы — ничего!... Проклятые шведы! Нѣтъ, долженъ въ Россіи быть флотъ! Безъ флота нельзя жить Россіи! И вотъ, молодой царь самъ беретъ въ руки топоръ и пилу и, вмѣстѣ съ другими, безустанно, съ ранняго утра до поздней ночи, рубитъ, пилитъ и строгаетъ на Переяславскомъ озерѣ, не хуже любаго плотника. Не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ Наталья Кирилловна, чтобы привязать какъ-нибудь непослушнаго сынка къ дому, женила его на боярынѣ Евдокіи Ѳедоровнѣ Лопухиной, но ни увѣщанія матери, ни просьбы молодой жены, не могутъ выманить царя изъ Переяславля. «*Матушка—государыня!*» писалъ онъ своей родительницѣ, какъ только туда пріѣхалъ, «*благослови сынишку своего, Петрушку, въ работѣ пребывающаго. Озеро вскрылось; вся суда, кромѣ большаго корабля, въ отдѣлкѣ. Только за канатами станетъ. Вели прислать ихъ изъ Пушкарскаго Приказа пятьсотъ саженъ; иначе житье мое здѣсь продолжится*». Такъ хитрилъ любимый сынъ, вѣрно разсчитывая, что нѣжная матушка не замедлитъ присылкою канатовъ, чтобы «житье его тамъ не продолжилось»:

И черезъ пять-шесть недѣль какъ изъ земли выросло нѣсколько малыхъ судовъ и одинъ большой корабль.

Софья также была довольна, что царь проводитъ время въ потѣхахъ и не мѣшаетъ ей забирать все болѣе и болѣе власть въ свои руки. Зачѣмъ только онъ устраиваетъ около себя цѣлое войско? Недавно даже выпросилъ у брата всѣхъ почти сокольниковъ (прислужниковъ на

охотѣ), якобы ничего не дѣлающихъ дармоѣдовъ, и всѣхъ забралъ въ потѣшные. Вѣдь съ каждымъ годомъ, думала царевна, Петръ мужаетъ болѣе и болѣе, ненавистныя ей мачиха и оставшійся въ живыхъ, при первой рѣзнѣ, другой братъ ея, Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ, конечно, уже наущаютъ молодаго царя оставить забавы и принять въ свои руки государство. Властолюбивой царевнѣ придется лишиться всего и постричься въ монахини. Крѣпко этого ей не хотѣлось,—и вотъ задумала она новую смуту: замыслила извести брата и навсегда остаться единодержавной царицей.

Петру уже было семнадцать лѣтъ и, въ промежутки своихъ потѣхъ, онъ не разъ имѣлъ весьма непріятныя столкновенія съ сестрой, когда она пробовала явно выступить впереди него и дѣлать ему наперекоръ. Однакожь, царь, бывало, только вспылитъ въ такихъ случаяхъ, а потомъ и забудетъ.

Но ничего не забывала Софья. Между тѣмъ, не легко ей было привести въ исполненіе свои тайныя думы: Петръ былъ избранъ законнымъ царемъ всенародно, царствовать на Руси женщинамъ было необычно, главные пособники ея, стрѣльцы, были спокойны и поднять ихъ противъ законнаго, ими самими выбраннаго государя, трудно. Надо ей было придумывать новыя средства и ухищренія и обратиться къ немногимъ друзьямъ своимъ изъ стрѣлецкихъ головъ, — Шакловитому, Цыклеру и нѣкоторымъ другимъ. Стали подбрасывать стрѣльцамъ подметныя письма, опять подсылать подговорщиковъ и всячески вооружать народъ противъ Нарышкиныхъ. Разъ даже, въ нѣсколькихъ мѣстахъ толпа людей напала почью на стрѣлецкіе караулы и, по приказу своего начальника, стоявшаго поодаль въ потьмахъ, стала бить ихъ, а потомъ, обратясь къ начальнику, кричала: «Левъ Кирилловичъ! за что его бить до смерти? вѣдь душа христіанская!» же-

лая увѣрить стрѣльцовъ, что бьютъ по приказанію Нарышкина. Нѣкоторые стрѣльцы сильно волновались, но большая часть еще не рѣшалась подняться. Тогда пустились на отчаянное средство: просто подговорили нѣсколькихъ злодѣевъ подкараулить Петра и убить. Къ счастью, царя во время предупредили объ этомъ умыслѣ, и онъ укрылся въ Троицкую Лавру.

Царевна, испугавшись, что подозрѣніе въ покушеніи на жизнь брата можетъ пасть на нее, просила Петра возвратиться въ Москву, писала ему письмо, наконецъ сама поѣхала въ Троицкую Лавру, но, не доѣзжая, была остановлена посланными отъ государя, не желавшаго пускать ее къ себѣ на глаза, и возвращена въ Москву. Надъ виновными въ заговорѣ противъ Петра начатъ строгій розыскъ или слѣдствіе, по окончаніи котораго Шакловитый и другіе главные преступники казнены, прочіе сосланы въ отдаленную ссылку или заточены въ монастырь, третьимъ всенародно объявлено безчестье и лишеніе милости царской. Самой же царевнѣ Софьѣ указомъ государя Петра Алексѣевича повелѣно немедленно удалиться въ подмосковный Новодѣвичій монастырь и тамъ жить безвыѣздно. Ей отвели хорошо убранныя кельи, окнами на Дѣвичье Поле, дали значительную прислугу и все необходимое для спокойной жизни, но позволили видѣться только съ сестрами и тетками, да и то лишь въ большіе праздники.

V.

Единодержавіе Петра.—Его попеченія о заведеніи флота и войска.—Вызовъ иностранцевъ въ Россію.—Петръ въ Архангельскѣ. — Буря на Бѣломъ морѣ и лоцманъ Антипъ.—Первые гвардейскіе полки.

Какъ только Софья удалилась въ монастырь, царь, ни мало не мѣшкая, возвратился въ Москву, потому, всякихъ дѣлъ и заботъ накопилось видимо-невидимо, а братъ Иванъ не входилъ ни во что и все предоставилъ ему. И вотъ, Петръ, одинъ, на свободѣ, принимается за дѣла и никто уже не мѣшаетъ ему приводить въ исполненіе свои, давно задуманные, великіе замыслы, для которыхъ до тѣхъ поръ онъ только исподволь подготовлялся. Прежде всего, конечно, надо было успокоить встревоженную только-что минувшими смутами Москву и установить порядокъ. Затѣмъ, первымъ и самымъ важнымъ стараніемъ царя было построить какъ можно скорѣе корабли, устроить настоящее, постоянное, какъ быть слѣдуетъ, войско, какъ и въ иностранныхъ земляхъ, вооружить его и *огненнымъ боемъ* (т. е. пушками) и мелкими ружьями, и обучить всему воинскому артикулу на европейскую стать. Но вѣдь «одинъ въ полѣ не воинъ», говоритъ пословица, а тѣмъ

паче въ такомъ огромномъ дѣлѣ. Нужны помощники. Есть, правда, около царя нѣсколько знающихъ иностранцевъ,—Лефортъ, Тиммерманъ, Гордонъ, Брандтъ, Брюсъ и другіе; но все это люди не свои, чужіе; не все то они хорошо понимаютъ, что именно нужно русскому народу, не можетъ у нихъ сердце такъ близко лежать къ счастію и къ славѣ чужой имъ земли, какъ болитъ сердце государево, да и самому-то Петру повадніе бы работать со своими, русскими, людьми. Онъ приближаетъ къ себѣ родовыхъ бояръ московскихъ: дядю Льва Нарышкина, Лопухина, Головкина, Стрѣшнева, князей Прозоровскаго, Ромодановскаго, Троекурова, Урусова, Долгорукаго и многихъ другихъ. Цѣлые вечера и даже почи напролетъ онъ проводитъ съ ними въ дружескихъ застольныхъ бесѣдахъ, разсказываетъ имъ всѣ свои думушки крѣпкія, толкуетъ, что и какъ вездѣ нужно передѣлать на новый ладъ, какъ завести училища, выучить народъ мастерствамъ и ремесламъ разнымъ, построить фабрики и заводы и во всемъ проситъ ихъ пособить ему, выучиться всему съ нимъ вмѣстѣ, а потомъ научить и другихъ. Но далеко не всѣ бояре понимаютъ новыя, неслыханныя прежде, рѣчи молодаго своего государя. Одни ухмыляются себѣ въ бороды и толкуютъ промежъ себя, что просто колобродитъ, не уходился еще юноша-царь, горячая голова; другіе же покачиваютъ головами и не только не помогаютъ, а еще и хулятъ царя за всѣ его новизны, за неуваженіе къ старинѣ и за любовь къ иностранцамъ. Не понимали они, что не иностранцевъ, а свою Матушку-Русь любилъ православный царь больше всего на свѣтѣ, и жизни своей не жалѣлъ, чтобы перенять у заморскихъ сосѣдей все, что только можетъ сдѣлать его народъ богатымъ и сильнымъ и счастливымъ.

Бился, бился Петръ Алексѣевичъ, да и увидѣлъ наконецъ, что съ одними своими пива не сваришь; а время

не терпитъ.... Поневолѣ пришлось компанію водить съ нѣмцами, которые у него были, да кромѣ того, и еще вызвать для устройства войска, крѣпостей, судовъ и артиллеріи, знающихъ дѣло нѣмецкихъ офицеровъ и мастеровъ. Съ ихъ помощью, дѣла пошли складнѣе: застучали топоры, завизжали пилы на Переяславскомъ озерѣ, строятъ корабли и на Кубенскомъ, а всего больше — въ Воронежѣ, но вездѣ мало простора: снарядивъ суда, надо вѣдь пріучить народъ ѣздить на нихъ безъ боязни не только по озернымъ лужицамъ, но и по морямъ широкимъ, и научить управлять ими и драться на нихъ съ непріятелемъ. Эхъ, моря-то близко нѣтъ! негдѣ развернуться нашему ясному соколу! Какъ бы горю помочь? Подумалъ-погадалъ Петръ Алексѣевичъ, да и отправился съ лучшими своими боярами, иностранными помощниками, да съ потѣшными, на Бѣлое Море, къ городу Архангельску. Тотчасъ началъ тамъ строить корабли,—и полетѣли только-что отстроенные, какъ съ иголочки, русскіе кораблики по синимъ волнамъ Бѣломорскимъ, а съ ними ужь, конечно, укатилъ и самъ государь, и такъ занялся ими, что ни царица-мать, ни супруга, не могли дозваться его оттуда.

Кромѣ обученія морскому плаванію, очень ужь хотѣлось ему своими глазами, на морѣ, увидѣть настоящіе англійскіе корабли, которые въ то время уже каждый годъ приходили къ Успеньину дню въ Архангельскъ съ товарами. На слезныя увѣщанія домашнихъ вернуться поскорѣе домой, онъ писалъ своей родительницѣ:

«*И нынѣ подлинно отписать не могу, когда пріѣду, для того, что дожидаюсь кораблей; а какъ они будутъ, о томъ никто не вѣдаетъ, а ожидаютъ вскорѣ; а какъ они будутъ,—и я, искупя, что надобетъ, поѣду тотчасъ день и ночь. Да о единомъ милости прошу: чего для изволишь печалиться обо мнѣ? Изволила ты пи-*

сать, что предала меня въ паству Матери Божіей; такого пастыря имѣючи, почто печаловать? То я бо молитвами и предстательствомъ не точію мя единаго, но и міръ сохраняетъ Господь. Засимъ благословенія прошу. Недостойный Петрушка».

Иностранные корабли долго не приходили, но Петръ не терялъ времени даромъ... Каждый день у него новая водяная потѣха: то обученіе плаванію подъ парусами, то пальба съ кораблей въ цѣль изъ пушекъ, а то и цѣлая примѣрная морская битва. Людей себѣ въ товарищи онъ подъискалъ что ни есть лучшихъ, бойкихъ, смышленыхъ; и, впрямь, это были скорѣе товарищи, чѣмъ слуги. Царь не приказывалъ только, не начальствовалъ, но работалъ и самъ наравнѣ съ простымъ матросомъ: тянулъ канаты, заправлялъ паруса, поднималъ якорь. Вмѣстѣ съ ними пилъ и ѣлъ, за однимъ столомъ, вмѣстѣ отдыхалъ и веселился. Гдѣ было нужно, онъ не только слушался людей бывалыхъ и знающихъ, но и всегда исполнялъ всѣ ихъ приказанія безпрекословно. Съ каждымъ днемъ нашъ смѣлый мореходъ улеталъ на своихъ любезныхъ корабликахъ все дальше и дальше. Тѣснила его ретивое сердце эта ширь да гладь да Божья благодать, и съ несказанною радостью онъ представлялъ себѣ, какъ уже на будущую весну онъ нагрузитъ большой корабль русскими товарами и отправитъ его въ заморскія страны. По возвращеніи на берегъ, царь отдыхалъ со своими сослуживцами, задавалъ имъ развеселые пиры, пускалъ большія *огненныя потѣхи* (фейерверки), до которыхъ былъ большой охотникъ, и занимался съ близкими своими людьми дѣлами государственными. Въ это время уже многіе умнѣйшіе бояре поняли, что Петръ готовитъ великое дѣло для своего народа, стали усердно помогать ему, и государь, радуясь, что можетъ дѣлить труды со своими, русскими, людьми, поручилъ имъ различныя важныя должности въ Москвѣ. Также и на

*

Бѣломорьѣ онъ назначилъ главнымъ начальникомъ своего новорожденнаго флота князя Ромодановскаго, въ помощники ему—Бутурлина и Гордона, а себѣ взялъ простое званіе шкипера.

Сей шкиперъ былъ тотъ шкиперъ славный,
Кѣмъ напа двинулась земля,
Кто придалъ мощно бѣгъ державный
Корма роднаго корабля *).

Всѣ, бывшіе съ нимъ, очень ужъ любили своего молодаго, разудалаго царя Петра Алексѣевича, да и душа же онъ былъ человѣкъ: въ дѣлѣ, въ работѣ, правда, крутенекъ, чтобъ все у него кипѣло! бѣда лѣнтяю! а ужь зато, какъ разгуляется, — не было, кажись, лучше его человѣка, душа на распашку!... и смѣется-то, и шутитъ, и привѣтствуетъ-то всякаго по братски, будь ты какой ни на есть маленькій человѣкъ, и угощаетъ всѣхъ самъ... пей, веселись! только разума не пропивай, дѣло свое разумѣй, значитъ. Свадьба-ли у какого иностраннаго мастера или офицера, крестины-ли у обывателя, къ приходскому-ли попу послѣ церковной службы,—вездѣ идетъ, бывало, неспѣсивый государь и запросто, какъ съ ровней, бесѣдуетъ съ иностранцемъ. за стакаиомъ заморскаго вина, о дѣлахъ инозсмныхъ народовъ, съ обывателемъ—о торговлѣ да о заводахъ, со священникомъ — о нуждахъ церковныхъ, о способахъ обучать прихожанъ грамотѣ.

Осенью того же года Петръ воротился въ Москву, чтобы, поуправившись съ дѣлами, сейчасъ же ѣхать обратно; но въ это время скончалась его мать, царица Наталья Кирилловна, и смерть ея такъ опечалила государя, что онъ оставилъ даже, на время, и свой возлюбленный флотъ, и провелъ всю зиму въ Москвѣ.

*) Эти прекрасныя слова о Петрѣ Вел. принадлежатъ нашему знаменитому сочинителю, Пушкину.

Весной слѣдующаго года царь, со всей своей компаніей и со всѣми снарядами, снова явился въ Архангельскѣ, куда долженъ былъ придти заказанный имъ въ Голландіи большой, сорока четырехпушечный корабль. Но его еще не было, и Петръ рѣшилъ съѣздить пока въ Соловецкій монастырь поклониться св. мощамъ Зосимы и Савватія. Съ нимъ вмѣстѣ поѣхалъ и архіепископъ Архангельскій, Аѳанасій.

Когда царская яхта вышла въ открытое море, поднялась страшная буря. Жестокій вѣтеръ трепалъ небольшое судёнышко, какъ щепку, по высокимъ пѣнистымъ волнамъ Яхта тряслась и трещала, каждую минуту угрожая развалиться, и безпрестанно черпала воду бортомъ. Всѣ видѣли пагубу неминучую и въ неописанномъ страхѣ, покинувъ снасти, стали готовиться къ смерти. Но неустрашимый царь одинъ оставался спокоенъ. Пріобщившись св. Таинъ, онъ всталъ на руль и твердой рукой направлялъ судно по бурнымъ волнамъ. Его спокойствіе ободрило нѣкоторыхъ, и взятый изъ Архангельска, для указанія пути, опытный лоцманъ, Антипъ Тимофеевъ, сказалъ государю, что единственное средство спастись, это—какъ можно скорѣе вернуться въ устье Двины, но что вся она усѣяна подводными камнями, миновать которые, и не въ такую бурю, чрезвычайно трудно. Царь отдалъ ему руль, какъ лучше его знающему тамошнія мѣста. Антипъ поворотилъ судно и сталъ направлять его къ Двинѣ. Между тѣмъ, вѣтеръ не унимался и опасность не только не умепьшалась, но еще болѣе усиливалась съ приближеніемъ яхты къ берегу, потому что, при малѣйшей неосторожности, она могла со всего размаху удариться о подводные камни и разлетѣться въ дребезги. Архіепископъ служилъ молебенъ о спасеніи погибающихъ, пѣвчіе громко пѣли молитвы. Царь не утерпѣлъ и, подойдя къ Антипу, хотѣлъ взять у него руль...

— Поди прочь! -- грубо закричалъ на него лоцманъ, -- коли ты отдалъ мнѣ руль, такъ и не мѣшай!... Царь отошелъ въ сторону и не сказалъ ни слова.

Скоро яхта счастливо миновала подводные камни и благополучно пристала къ берегу, у Пертоминскаго монастыря. Государь щедро одарилъ монашествующую братію и, во время всеобщаго веселья по случаю избавленія отъ смерти, увидѣвъ Антипа, сказалъ ему:

— А помнишь, какъ ты меня отдѣлалъ на морѣ-то?

Перепугавшійся лоцманъ упалъ въ ноги и просилъ прощенія.

— Ничего, ничего, братъ, -- успокоилъ его царь, -- я самъ также бы сдѣлалъ,—не суйся, куда не спрашиваютъ!—поцѣловалъ его въ лобъ и подарилъ на память все свое платье, бывшее на немъ во время бури и смоченное морскими волнами, а на берегу собственноручно поставилъ крестъ съ надписью на голландскомъ языкѣ: «Сей крестъ сдѣлалъ шкиперъ Петръ въ лѣто Христово 1694».

Менѣе чѣмъ въ три года выросъ, точно изъ земли, небывалый до тѣхъ поръ въ Россіи флотъ, и обрадованный царь почувствовалъ, что онъ съ этимъ флотомъ можетъ надѣлать чудеса.

Поставивъ на ноги одно огромное дѣло, неутомимый Петръ, тотчасъ же по возвращеніи изъ Архангельска въ Москву, принимается за другое, не менѣе важное: при содѣйствіи тѣхъ же ученыхъ иноземцевъ, изъ прежнихъ потѣшныхъ ротъ, значительно пополненныхъ вновь набранными людьми, устраиваются первые наши гвардейскіе полки — Преображенскій и Семеновскій, съ прибавленіемъ новой, бомбардирской (т. е. пушкарской) роты, въ которую самъ царь вступаетъ съ чиномъ капитана и, наравнѣ съ другими офицерами, во всемъ строго повинуется приказаніямъ своего командира.

Съ этими новыми солдатами онъ отправляется въ по-

ходъ противъ Турокъ, побиваетъ непріятеля въ нѣсколькихъ мѣстахъ и, съ помощію только-что построенныхъ въ Воронежѣ кораблей, беретъ приступомъ ихъ сильную, стоявшую на берегу Азовскаго моря, крѣпость Азовъ.

Ахъ, бѣдныя головушки солдатскія,
Какъ ни днемъ, ни ночью вамъ покою нѣтъ!
Что со вечера солдатамъ приказъ отданъ былъ,
Со полуночи солдаты ружья чистили,
Ко бѣлу свѣту солдаты въ строю стоятъ.
Что не золотая трубушка вострубила,
Не серебренна сиповочка взыграла,
Что возговоритъ намъ батюшка православной Царь:
«Ахъ, вы гой еси всѣ князья и бояре!
Вы придумайте мнѣ думушку, пригадайте,
Еще какъ намъ Азовъ городъ взяти?»
Еще князи и бояре промолчали.
Еще-жъ самъ нашъ батюшка прослезился:
«Ахъ, вы гой еси солдаты и драгуны!
Вы придумайте мнѣ думушку крѣпкую,
Еще какъ-то намъ Азовъ городъ взяти?»
Какъ не ярыя пчелушки зашумѣли,
Что взговорятъ солдаты и драгуны:
Взять ли намъ, не взять ли бѣлой грудью.
На восходѣ было краснаго солнышка,
На закатѣ было свѣтлаго мѣсяца,
На зарѣ они на приступъ пошли
Подъ тотъ ли подъ славной подъ Азовъ городъ,
Что подъ тѣ ли стѣны бѣлокаменныя,
Ахъ, подъ тѣ ли подъ раскаты подъ высокіе.
Что не съ горъ ли бѣлы камни покатилися,
Покатилися со стѣнъ непріятели,
Не бѣлы снѣги въ полѣ забѣлѣлися,
Забѣлѣлися бѣлы груди басурманскія;
Ахъ, не съ дождика ручьи разливалися,
Разливалася тутъ кровь нечистая.

VI.

Посылка молодыхъ людей за-границу. — Заговоръ на жизнь государя. — Путешествіе Петра заграницу. — Пребываніе его въ Кенигсбергѣ, въ Амстердамѣ и въ Лондонѣ. — Возвращеніе въ Россію.

Много понадобилось Петру всякаго дѣла людей. За что ни возьмись, -- знающихъ мастеровъ нѣтъ. Надо и руду копать, и пушки лить, и сукна для арміи выдѣлывать, и книги для обученія народа печатать,—и не перечтешь всего, что необходимо, а дѣлать некому. Нельзя вѣдь для всего призывать иностранцевъ: и чего бы это стоило! да и свои-то что же будутъ дѣлать? Какъ ни кинь, а своихъ надо выучить непремѣнно разнымъ мастерствамъ и наукамъ.... Пріѣзжіе гости могли бы кой-чему научить темный народъ, такъ вѣдь и тутъ не клеится: первое, иностранцевъ-то слишкомъ мало было у насъ (и то въ одной Москвѣ только), чтобы всему выучить людей и въ Москвѣ, и въ Вологдѣ и въ Перми и въ Новгородѣ и по всей Руси широкой; второе,—москвичи очень ужъ не взлюбили нѣмцевъ, ни за что они не хотѣли и якшаться съ погаными бусурманами. Всѣ иноземцы жили въ Москвѣ совершен-

но отдѣльно отъ русскихъ, въ особо отведенной для нихъ нѣмецкой слободѣ, Кукуѣ. Бывало, какъ только кто нибудь изъ нихъ покажется на московской улицѣ или на базарѣ, — всѣ разносчики, сидѣльцы, мальчишки тотчасъ и поднимутъ ихъ на смѣхъ. «Нѣмецъ! шишь на Кукуй! шишь на Кукуй!» посыплется на бѣднягу со всѣхъ сторонъ, и цѣлая толпа бѣжитъ, зубоскалитъ и дразнитъ, пока онъ не спрячется, куда попало. Понятно, что и нѣмцы, въ свой чередъ, не могли любить русскихъ, и потому трудно было ожидать отъ нихъ слишкомъ-то усердной помощи. Одно средство помочь горю: послать самихъ русскихъ въ чужіе краи на выучку. Вздумано,—сдѣлано: царь отбираетъ съ полсотни способнѣйшихъ боярскихъ сыновей и посылаетъ за границу, давъ имъ подробныя наставленія, какъ, гдѣ и чему именно учиться. Въ тоже время онъ отправилъ къ иностраннымъ властямъ грамоты, въ которыхъ просилъ оказывать всякую помощь и покровительство русскимъ, обѣщая и со своей стороны тоже всѣмъ иностранцамъ, которые пріѣдутъ въ Россію. Но какъ посланные будутъ учиться за границей? Языковъ иностранныхъ они, по большей части, не знаютъ, ничего и не поймутъ, значитъ, что имъ толковать будутъ, да и не загуляли бы просто, вмѣсто науки; къ тому же, далеко не всѣ ѣдутъ охотно. Только молодой бояринъ Шереметевъ, разумная голова, понялъ по настоящему, какое хорошее дѣло задумалъ царь, и съ радостью согласился объѣздить разныя государства. Чувствуетъ Петръ Алексѣевичъ, что и самъ-то онъ многаго еще не знаетъ, что самому прежде всего надо поучиться и тому и другому и пятому и десятому, да на себѣ и показать подданнымъ примѣръ, какъ и что надо перенимать полезнаго у иностранцевъ, да очень же ему и хотѣлось собственными очами увидѣть все, о чемъ такъ много разсказывали ему его иноземные друзья, что занимало его

во всѣ дни жизни, о чемъ думалъ и передумывалъ онъ въ долгія безсонныя ночи. И вотъ созываетъ онъ своихъ ближнихъ бояръ, съ ними совѣтъ держитъ, прямо говоритъ имъ, что жестоко сердце его болитъ о томъ, что онъ, государь, къ управленію своимъ царствомъ не обученъ, что ни мало не можетъ, поэтому, обучить и народъ свой всему, что надобно, и что онъ рѣшается поручить пока Москву и все государство имъ, боярамъ, а самъ—отправиться въ чужіе краи понабраться уму-разуму, вызнать тамъ все пригодное для дорогаго отечества, приговорить и мастеровъ и учителей разныхъ, и посланныхъ туда своихъ русскихъ поруководствовать.

Не многіе похвалили замыселъ государевъ. Большая часть только угрюмо покачивала головами.... «Не быть добру на Москвѣ съ этой новой затѣей!» думали они.

Но дѣлать нечего: ужь что царь порѣшилъ,—того не избыть никакимъ способомъ.

Вѣсть объ отъѣздѣ государя за море скоро разлетѣлась по всей Москвѣ. «Ишь — что затѣялъ!» говорилъ народъ, — слыханое ли это дѣло, чтобы государь православный бросилъ насъ, дѣтей своихъ, да уѣхалъ къ еретикамъ! На кого же мы-то останемся? Вѣдь ужь онъ не вернется къ намъ больше! Обойдутъ его въ конецъ проклятые басурмане, и въ вѣру свою перетянутъ! Смотри, и дѣтей нашихъ ужь губить началъ: къ нимъ же, еретикамъ, посылаетъ!...»

Такъ роптали на Москвѣ, а царь, между тѣмъ, назначивъ день своего отъѣзда, пировалъ въ Преображенскомъ на прощальномъ вечерѣ у Лефорта.

Гости угощались и шибко веселились со своимъ молодымъ государемъ. Веселился и самъ Петръ Алексѣевичъ, радуясь, что давно задуманное, задушевное желаніе его побывать въ чужихъ краяхъ, наконецъ, приводится въ исполненіе.

Вдругъ царю докладываютъ. что двое стрѣльцовъ просятъ его переговорить съ ними по одному весьма важному дѣлу.

Петръ выходитъ къ нимъ и узнаетъ, что стрѣлецкіе начальники, Циклеръ и Соковнинъ, замышляютъ поджечь дворецъ и во время общей суматохи на пожарѣ, умертвить его. Ни мало не смутившись, государь тотчасъ же отдалъ приказаніе капитану своей гвардіи, Лопухину, окружить ровно въ 11 часовъ домъ Соковнина и связать всѣхъ, кого тамъ застанетъ, а самъ, какъ ни въ чемъ не бывало, возвратился къ пирующимъ, и въ десять часовъ, сказавъ, что ему нужно отлучиться по одному дѣлу, съ немногими приближенными людьми оставилъ пиръ.

Въ отдаленномъ уголкѣ Москвы, въ верхней, отдѣльной отъ другихъ покоевъ свѣтелкѣ, сидѣли за столомъ Соковнинъ, Циклеръ и нѣсколько ихъ товарищей. Спокойно попивали они хмѣльную брагу, зная, что царь въ это время пируетъ у Лефорта, и совѣщались, какъ имъ ловчѣе будетъ извести его и какъ дѣйствовать потомъ.

Вдругъ распахнулась дверь,—и Петръ какъ изъ земли выросъ передъ заговорщиками.

— Здорово, ребята! что вы здѣсь дѣлаете такъ поздно?—спрашиваетъ онъ. Узлодѣевъ языкъ прилипъ къ гортани со страху, слова никто выговорить не можетъ.—Я, вотъ, ѣдучи домой, увидѣлъ свѣтъ въ окошкахъ, должно быть, пирушка, подумалъ, да и завернулъ на перепутьѣ.—

Хозяинъ опамятовался первый, и давшись въ обманъ, какъ только могъ спокойнѣе, отвѣчалъ:

— Милости просимъ, государь, мы, вотъ, собрались бражкой побаловаться маленько.

— А, это дѣло хорошее! давайте же и мнѣ бражки! Да что вы глаза-то вытаращили, ребята! садитесь-ка, да побесѣдуемъ,- привѣтливо обратился Петръ къ смѣшавшимся стрѣльцамъ.

— Что же это Лопухина до сей поры нѣтъ?... подумалъ онъ про себя.

Подали бражки, и всѣ пили здоровье Его Царскаго Величества. Петръ не отставалъ отъ прочихъ, и, въ ожиданіи Лопухина, веселыми разговорами старался продлить время. Но злодѣи, ободрившись, не хотѣли упустить удобной минуты и стали подавать знаки другъ другу для нападенія. «Пора братецъ! шепнулъ одинъ изъ гостей хозяину. — Нѣтъ еще отвѣчалъ тотъ въ нерѣшимости.

— Такъ мнѣ теперь пора! - - грозно воскликнулъ Петръ, вскочивъ со стула, и сильнымъ ударомъ повалилъ Соковнина на полъ. - - Связать бездѣльниковъ! крикнулъ онъ громовымъ голосомъ. Въ ту же минуту Лопухинъ со своей ротой вошелъ въ комнату. Государь сгоряча ударилъ его за неисправность, но когда этотъ офицеръ показалъ ему письменный приказъ явиться именно въ это время, Петръ дружески поцѣловалъ его и просилъ прощенія за невольную вспышку.

Скоро по окончаніи допроса и казни заговорщиковъ, начались приготовленія государя къ отъѣзду. Управленіе государствомъ на время его отсутствія поручено боярину Льву Кириловичу Нарышкину и князьямъ Борису Голицыну, да Петру Прозоровскому; а князю Ромодановскому приказано вѣдать первопрестольный городъ Москву.

Петръ хотѣлъ ѣхать за-границу не для пышныхъ встрѣчъ и пріемовъ. Торжественныхъ церемоній онъ вообще не любилъ, а въ этомъ случаѣ и тѣмъ болѣе: онѣ только отвлекали бы его отъ дѣла и помѣшали бы высмотрѣть безпрепятственно и не торопясь, что нужно, ко всему приглядѣться и всему научиться. Поэтому, онъ рѣшилъ отправить къ иностраннымъ государямъ большое посольство, подъ начальствомъ Лефорта и Головина, а самъ вступилъ въ ихъ свиту подъ скромнымъ именемъ Петра Михайлова.

Однакожъ, несмотря на это, какъ только посольство пріѣхало въ нѣмецкую землю, тотчасъ же разнеслась молва, что между посланными находится и самъ царь московскій, о которомъ уже такъ много разсказывали за границей. Поэтому, едва онъ явился въ г. Кенигсбергъ, какъ тамошній владѣтельный князь устроилъ всему посольству великолѣпный пріемъ и потомъ ежедневно докучалъ царю богатыми пирами и разными забавами, отъ которыхъ Петръ старался избавиться всевозможными способами: уйдетъ, бывало, тихонько изъ дому съ самаго утра и ходитъ одинъ по разнымъ частямъ города. Въ это время онъ, нисколько не стѣсняясь, разсматривалъ все, что только ему казалось любопытнымъ. Случалось даже, что когда его что нибудь особенно поражало, онъ бросался на диковинку, забывая даже приличія. Разъ увидѣлъ царь на улицѣ даму съ маленькими эмалевыми часами, тотчасъ же подошелъ къ ней, ни слова не говоря, вынулъ у нея часы изъ-за пояса, внимательно разсмотрѣлъ затѣйливую штучку и, положивъ обратно, пошелъ далѣе. Въ другой разъ очень ему любопытнымъ показался французскій парикъ одного нѣмецкаго придворнаго, царь мигомъ стащилъ его съ головы царедворца, повертѣлъ со всѣхъ сторонъ и, разсмѣявшись, бросилъ его въ уголъ.

Любознательный государь осмотрѣлъ въ Кенигсбергѣ всѣ фабрики и заводы, поговорилъ обстоятельно съ купцами о торговлѣ, съ мастерами о разныхъ ремеслахъ, съ учеными—о всякихъ наукахъ, особенно о томъ, какими способами можно поскорѣе просвѣтить темный народъ, главное же вниманіе обратилъ на войско, которое тамъ было очень хорошо устроено, и многое замѣтилъ, что рѣшилъ, тотчасъ же по пріѣздѣ въ Россію, завести и у себя. Но самымъ главнымъ, самымъ сильнымъ его желаніемъ было посмотрѣть, какъ въ настоящемъ мореходномъ государствѣ

строятъ корабли, самому выучиться какъ можно скорѣе этому великому искусству, безъ котораго, какъ онъ былъ увѣренъ, невозможно счастіе его любезной Россіи. Къ великой досадѣ его, въ Кенигсбергѣ не нашлось ничего замѣчательнаго по этой части и, сгорая нетерпѣніемъ, Петръ спѣшилъ въ Голландію, какъ страну, лежащую на самомъ берегу моря. Голландцы испоконъ вѣка славились, какъ отличные мореходы, какъ самые лучшіе корабельные мастера. Нельзя терять времени: надобно поскорѣе учиться, и государь, оставивъ посольство, уѣзжаетъ съ нѣсколькими молодыми дворянами въ Голландію.

Работавшіе съ Петромъ въ Москвѣ, въ Архангельскѣ и въ Воронежѣ голландскіе плотники много разсказывали ему о своей прекрасной родинѣ. Царь вспомнилъ, что почти всѣ они были родомъ изъ Саардама, что, по ихъ словамъ, въ этомъ маленькомъ городкѣ знатныя корабельныя верфи (мѣста, гдѣ строятъ корабли), на которыхъ все населеніе занимается судостроеніемъ, и ему прежде всего захотѣлось посмотрѣть это чудное мѣстечко. Вспомнилъ онъ свои милыя верфи, свою любезную работу плотничью, и разыгралось въ немъ ретивое, раззудѣлись молодецкія руки, давно не чуявшія топора. Какъ только пріѣхалъ царь въ голландскій главный городъ Амстердамъ,—сейчасъ же на небольшомъ ботѣ пустился по каналу въ Саардамъ.

Рано утромъ причалилъ ботъ къ Саардамской пристани. Около нея, Петръ видитъ на лодкѣ какого-то голландца, ловящаго угрей, вглядывается въ его лицо и узнаетъ Геррита Киста, того самаго кузнеца, который еще недавно работалъ у него въ Москвѣ.

— Герритъ Кистъ!--окликнулъ его царь.

Голландецъ поднялъ голову и видитъ передъ собой очень высокаго, красиваго и молодаго человѣка въ красной

фланелевой курткѣ, бѣлыхъ холстинныхъ шароварахъ и съ кожаной лакированной шляпой на головѣ. Онъ тотчасъ же узналъ въ немъ московскаго царя.

Петръ пожелалъ остановиться непремѣнно у него, съ условіемъ, чтобы онъ ни кому объ этомъ ничего не говорилъ.

Кистъ жилъ на самомъ краю города, въ маленькомъ домишкѣ, всего о двухъ комнатахъ. Однакожь, дѣлать было нечего, пришлось потѣснiться и уступить одну изъ нихъ великому царю московскому.

Неважное убранство нашелъ постоялецъ въ жилищѣ бѣднаго кузнеца; но что за дѣло! Тотчасъ же царь беретъ въ руки топоръ и сколачиваетъ себѣ кровать, а столъ и стулъ нашлись и у хозяина.

Размѣстившись и потолковавъ съ пріятелемъ Кистомъ, Петръ отправился бродить по городу. Видитъ,—городокъ небольшой, но весьма чистенькій, какъ стеклышко, маленькіе бѣлые домики, съ красными черепичными крышами, ровно, словно въ ниточку, стоятъ по краямъ широкихъ, гладкихъ и тоже совершенно чистыхъ улицъ.

Очень это понравилось царю, но больше всего былъ онъ пораженъ, видя, какъ тутъ, словно въ муравейникѣ, кипѣла неустанная работа. Весь каналъ былъ покрытъ великимъ множествомъ судовъ всевозможныхъ видовъ и величины и всѣ они были усѣяны, какъ муравьями, работавшимъ на нихъ народомъ. Лязгъ пилъ, звяканье нѣсколькихъ сотенъ топоровъ, тяжкіе удары молотовъ, грохотъ безчисленныхъ вѣтряныхъ мельницъ, — все сливалось въ оглушительный шумъ и стономъ стояло въ воздухѣ... Любо было Петру Алексѣевичу слушать эту музыку, и на слѣдующій же день, купивъ всѣ нужные инструменты, онъ записался корабельнымъ плотникомъ, подъ именемъ Петра Михайлова, на верфи мастера Линста.

Нѣсколько дней сряду этотъ необыкновенный плот-

никъ, съ солнечнымъ восходомъ, отправлялся на работу и удивлялъ тамъ всѣхъ своею силой, ловкостью и умѣньемъ, такъ что хозяинъ верфи тотчасъ же произвелъ его изъ учениковъ въ мастера. Вдоволь потрудившись, онъ отправлялся въ трактиръ обѣдать, а иногда и просто, зайдя по дорогѣ на рынокъ, покупалъ провизію и, придя домой, собственными руками варилъ себѣ похлебку. Въ Саардамѣ Петръ нашелъ много семействъ плотниковъ, работавшихъ въ Россіи, и въ свободное время захаживалъ къ нимъ, какъ простой другъ и товарищъ, пріятельски толкуя за кружкой пива.

Но всего больше царь любилъ кататься по морю. Для этого онъ купилъ себѣ небольшой ботикъ, приладилъ къ нему особаго рода мачту, какой до него голландцы не дѣлали никогда, и часто, не смотря ни на какую погоду, въ бурю и вѣтеръ, ѣздилъ въ Амстердамъ и обратно.

Однакожъ, какъ ни скрывалъ царь своего высокаго званія, всѣ саардамцы скоро стали догадываться, что это не простой плотникъ. Цѣлый день, бывало, вездѣ разсказывали про него разныя диковины. То онъ купилъ себѣ ботъ почти за 300 рублей на наши деньги, то по вечерамъ къ нему приходятъ какіе-то хорошо одѣтые люди, и жители видѣли, какъ онъ сидѣлъ съ ними за какими-то бумагами, а то вдругъ, нѣтъ-нѣтъ, да какъ крикнетъ на своихъ русскихъ товарищей, точно начальникъ, а тѣ будто испугаются и слушаютъ его. А главное, зачѣмъ это онъ шныряетъ по всему городу? Заходитъ на всѣ фабрики, заводы и мастерскія; вездѣ все разсматриваетъ, все распрашиваетъ, все ему покажи, все объясни непремѣнно до тонкости. Вонъ, недавно зашелъ на бумажную фабрику, посмотрѣлъ, посмотрѣлъ да и зачерпнулъ изъ чана бумажнаго тѣста въ форму и выкинулъ отмѣнный бумажный листъ; хозяинъ такъ и ахнулъ и ну

хвалить его, а Петръ Михайловъ обрадовался, вынулъ изъ кармана цѣлый талеръ (около рубля) и подарилъ ему... Нѣтъ, тутъ что нибудь да не такъ. Пошли толки по городу. Пристаютъ съ распросами къ хозяину чуднаго постояльца, но тотъ завѣряетъ, что это дѣйствительно московскій плотникъ....

— Полно тебѣ, врать! --закричала на него жена,--терпѣть не могу, Герри, когда ты говоришь неправду!

Скоро и проходу нигдѣ не стало Петру Михайлову: чуть онъ на улицу, а цѣлая толпа любопытныхъ ужь ждетъ его, и куда бы онъ ни пошелъ, она вездѣ за нимъ слѣдомъ.

Но Петръ ни за что не хотѣлъ объявиться (потому, сейчасъ пришлось бы бросить работу, да въ Амстердамъ, во дворецъ ѣхать и принимать пиры, да праздники разные) и продолжалъ вести себя какъ можно скромнѣе.

Разъ возвращался онъ съ работы нарочно какими-то закоулками, чтобы избавиться отъ зѣвакъ, и дорогой спокойно ѣлъ сливы. Вдругъ окружили его мальчишки и ну клянычить:

— Дядинька, дай сливъ! Дядинька, дай сливъ!

Царь далъ только нѣкоторымъ изъ нихъ.

— И мнѣ! и мнѣ! А мнѣ-то что-же!--загалдѣли остальные.

— Пошли прочь!--прикрикнулъ на нихъ Петръ. Мальчуганы разсыпались и давай бросать въ него со всѣхъ сторонъ грязью, да такъ отдѣлали, что онъ долженъ былъ поскорѣй забѣжать отъ нихъ въ трактиръ. На другой день на улицахъ явилось объявленіе отъ начальника города, чтобы «никто не смѣлъ оскорблять знатныхъ иностранцевъ, желающихъ проживать подъ чужимъ именемъ.»

Это еще болѣе возбудило любопытство обывателей, а тутъ вдругъ одинъ изъ нихъ получаетъ отъ своего сына изъ Москвы письмо, въ которомъ тотъ извѣщаетъ его, что въ Голландію отправилось большое русское посоль-

ство и что въ свитѣ его находится и самъ царь московскій. Пишутъ, что онъ высокъ ростомъ, трясетъ головой, имѣетъ привычку размахивать правой рукой, а на правой щекѣ его бородавка. Всѣ эти примѣты какъ разъ были и у плотника Петра Михайлова, и саардамцы тотчасъ же узнали въ немъ россійскаго государя. Съ этой минуты толпы любопытныхъ не давали нигдѣ проходу удивительному плотнику-царю. Начальникъ города, встрѣтивъ его, почтительно снялъ передъ нимъ шляпу и предложилъ ему: «не угодно-ли господину у него откушать?» а одинъ изъ богатѣйшихъ саардамскихъ купцовъ хотѣлъ непремѣнно уступить ему свой великолѣпный домъ. Отъ перваго предложенія Петръ отказался, сказавъ, что *«господинъ ихъ еще не пріѣхалъ»*; а на второе отвѣчалъ: *«Мы не знатные господа, а простые люди; для насъ довольно и той квартиры, гдѣ мы живемъ.»* Однакожь, какъ онъ ни уклонялся отъ всякихъ почестей, какъ ни прятался отъ любопытныхъ, съ этихъ поръ ему уже не было возможности спокойно предаваться своимъ любимымъ занятіямъ; а тутъ еще пришло извѣстіе о прибытіи русскаго посольства въ Голландію и царь, пробывъ въ Саардамѣ восемь дней, уѣхалъ въ Амстердамъ. Но молва о немъ достигла уже и этого города, и у пристани его встрѣтила огромная толпа народа, а городскія власти тотчасъ же отвели ему великолѣпное, приличное его сану, помѣщеніе. Тутъ уже отказываться было нельзя, потому что всѣ знали, что онъ царь и что его посольство пріѣхало для переговоровъ о разныхъ государственныхъ дѣлахъ. Петру пришлось принять нѣсколько торжественныхъ праздниковъ, данныхъ въ честь его городомъ, и хотя они его тяготили, но одинъ изъ нихъ очень его занялъ и порадовалъ: голландцы, зная его страстную любовь къ морскому дѣлу, устроили примѣрное морское сраженіе. Государь съ чрезвычайнымъ любопытствомъ

слѣдилъ за всѣми движеніями кораблей. Бой продолжался съ утра до поздней ночи, при безпрерывной пальбѣ. Въ самомъ разгарѣ сраженія, царь, не вытерпѣвъ, перешелъ изъ своей яхты на военный корабль и до самаго конца направлялъ его туда, гдѣ огонь былъ сильнѣе.

Скоро отдѣлавшись отъ всѣхъ церемоній и увеселеній, Петръ и здѣсь записался простымъ работникомъ на главную Амстердамскую верфь, съ тѣмъ, чтобы его ничѣмъ не отличали отъ другихъ, распредѣлилъ по работамъ и бывшихъ съ нимъ молодыхъ дворянъ и, подъ руководствомъ опытныхъ мастеровъ, ежедневно по нѣсколько часовъ усердно занимался корабельными работами, ничѣмъ не отличаясь отъ прочихъ. Однажды главный мастеръ, видя, что двое работниковъ насилу тащатъ огромное бревно, закричалъ царю: «Мастеръ Петръ! что жь не поможешь товарищамъ?» Государь Всероссійскій молча подставилъ свое плечо подъ тяжелую ношу.

Въ тоже время онъ, въ свободные отъ работы часы, ходилъ по всевозможнымъ фабрикамъ и заводамъ, посѣщалъ разныхъ ученыхъ, мастеровъ и торговцевъ, распрашивалъ ихъ рѣшительно обо всемъ, учился всему, что казалось ему интереснымъ и пригоднымъ для Россіи, приглашалъ полезныхъ людей на службу въ свое отечество, заказывалъ множество разныхъ необходимыхъ вещей. Оставаясь дома, онъ наставлялъ свое посольство, какъ ему вести переговоры, ежедневно прочитывалъ цѣлыя груды писемъ и донесеній изъ Россіи, безъ малѣйшаго замедленія отвѣчалъ на нихъ и посылалъ множество своихъ распоряженій, совѣтовъ и указаній, какъ поступать въ томъ или другомъ случаѣ, разныхъ указовъ и законовъ. И на все хватало и времени и силъ у этого необыкновеннаго человѣка! На верфи, нарочно для русскаго царя, былъ заложенъ новый большой фрегатъ. Петръ трудился надъ нимъ неутомимо, вмѣстѣ съ прочими ра

ботниками. Въ девять недѣль фрегатъ былъ готовъ и торжественно спущенъ на воду.

Пробывъ на Амстердамской верфи около четырехъ съ половиною мѣсяцевъ, царь получилъ отъ главнаго мастера аттестатъ въ основательномъ знаніи голландскаго кораблестроенія и отправился въ другую, славную своимъ мореходствомъ страну, — въ Англію. Тамъ онъ въ подробности изучилъ всю англійскую морскую службу и все, что касается правильнаго устройства военнаго и купеческаго флота. Затѣмъ, объѣхавъ разные англійскіе города и осмотрѣвъ въ нихъ все замѣчательное, царь пригласилъ къ себѣ въ службу до 500 мореходовъ и разнаго дѣла мастеровъ и вернулся въ Голландію, а отсюда поѣхалъ вмѣстѣ со своимъ посольствомъ въ Вѣну, къ императору Австрійскому, чтобы просить его помощи въ войнѣ съ Турками. Переговоры въ Вѣнѣ были неудачны и Петръ уже собирался отправиться въ Италію, какъ вдругъ получилъ извѣстіе изъ Москвы, что всѣ стрѣльцы опять взбунтовались и, бросивъ все, тотчасъ же поскакалъ въ Россію.

VII.

Уничтоженіе стрѣльцовъ и устройство Россіи на новый ладъ.

Царевна Софія, хотя и заточенная въ монастырь, съ отъѣздомъ государя за границу, снова задумала возвратить себѣ потерянную власть. Между стрѣльцами, разосланными Петромъ по разнымъ городамъ, появились возмутительныя грамматы, въ которыхъ разсказывались разныя небылицы про царя, что онъ отдалъ всю Русь во власть нѣмцамъ, что стрѣльцовъ всѣхъ велѣно порубить и что для спасенія отечества всѣмъ имъ надо скорѣе идти въ Москву, порубить солдатскіе полки, если бы они не стали пускать ихъ, а также и передавшихся нѣмцамъ бояръ, и возвести на царство Софью Алексѣевну. Стрѣльцы давно уже сильно роптали на свою службу въ отдаленныхъ городахъ, ихъ семейства и дома, всѣ ихъ выгодные промыслы были въ Москвѣ, и они съ радостью поднялись на призывъ. Нѣсколько тысячъ человѣкъ, не взирая на строгое запрещеніе, явились въ Москвѣ, и не взирая на всѣ увѣщанія, ни за что не хотѣли оттуда выйдти. Началась тайная переписка съ Софьей Алексѣев-

пой, которая ободряла ихъ и указывала, что имъ дѣлать. Наконецъ, когда боярин Ромодановскій выгналъ ихъ изъ города силой, они расположились не подалеку лагеремъ и, поджидая другихъ товарищей, старались бунтовать народъ и стали готовиться къ бою. Тогда противъ нихъ было выведено войско съ пушками и, послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, бунтовщики побѣжали въ разныя стороны. Большая часть ихъ была переловлена, главные зачинщики казнены, а остальные разсажены по тюрьмамъ до пріѣзда государева.

Не радостно возвращался Петръ Алексѣевичъ изъ своей полуторагодовой отлучки: «Опять стрѣльцы! опять Софья!» думалось ему. Сколько времени, сколько страшныхъ трудовъ и заботъ нужно было ему, чтобы спокойно начать устраивать въ Россіи все, что необходимо для ея образованія и счастія, а тутъ стрѣльцы и сестра все дѣло портятъ! И жестоко разгнѣванный царь рѣшился разомъ покончить со всѣми ими.

Объѣздивъ самыя образованныя государства Европы, онъ видѣлъ тамъ такъ много хорошаго и полезнаго, и ему больно было, что въ любезной ему Россіи ничего этого нѣтъ, что она такая дикая, бѣдная и слабая, а между тѣмъ народъ въ ней смѣтливый и ловкій и сильный... значитъ все это хорошее онъ можетъ перенять очень скоро, лишь бы не мѣшали, не мутили народъ несмысленные, да лихіе люди, не желающіе добра своей родинѣ. «*Надо искоренить это проклятое сѣмя и затѣмъ начать все перестраивать сызнова!*»

Вотъ какія мысли занимали государя, когда онъ, какъ снѣгъ на голову, явился въ ночь на 26-е августа 1698 года въ Москву и прямо проѣхалъ въ свое село Преображенское.

Тотчасъ же царь приступилъ къ самому строгому розыску преступленій стрѣлецкихъ. На допросахъ откры-

лись и всѣ замыслы Софіи, ея подстрекательства стрѣльцовъ и вся ея переписка съ ними, изъ которой Петръ увидѣлъ, какъ клеветала на него сестра, какъ старалась очернить царя передъ народомъ и уговаривала извести его, а ее выбрать на царство. Глубоко огорченный, страшно разгнѣванный государь увидѣлъ, что, для блага всего государства, необходимо наказать виновныхъ съ примѣрною строгостію, и всѣхъ, бунтовавшихъ съ оружіемъ въ рукахъ, приговорилъ къ смертной казни. Ихъ было много, и семейства несчастныхъ, бояре и духовенство старались всячески смягчить государя, упросить его преложить гнѣвъ на милость, но ничего не могли сдѣлать. Рѣшились употребить послѣднее средство: Патріархъ Московскій, поднявъ икону Богородицы, съ крестнымъ ходомъ отправился въ Преображенскій дворецъ умолять царя о помилованіи осужденныхъ. Царь, увидѣвъ его, закричалъ: *«Ты зачѣмъ здѣсь?... Развѣ долгъ твой призываетъ тебя сюда?.. Ступай скорѣй, поставь икону на свое мѣсто, и вѣдай, что я, быть можетъ, побольше тебя чту Бога и Пресвятую Его Матерь. Я исполняю свою обязанность и дѣлаю богоугодное дѣло, когда защищаю народъ и казню злодѣевъ, противъ него умышляющихъ!»*

Царевну Софію Петръ пожелалъ допросить самъ и для этого отправился къ ней въ монастырь. Въ сильномъ раздраженіи противъ виновной во всѣхъ бѣдствіяхъ сестры, царь вошелъ къ ней въ келью, а когда она стала лгать и во всемъ упорно запираться, онъ, не помня себя, въ запальчивости, выхватилъ изъ ноженъ мечъ и хотѣлъ поразить имъ нераскаянную преступницу. «Государь, она сестра твоя!» воскликнула бывшая тутъ прислужница, бросившись между нимъ и Софіей. Петръ, тотчасъ же опомнившись, бросилъ оружіе на полъ, а служанку обнялъ и горячо благодарилъ за то, что она спасла его отъ

преступленія. Затѣмъ, какъ можно спокойнѣе поговоривъ съ Софьей, онъ уѣхалъ отъ нея, и вскорѣ послѣ этого она была въ томъ же монастырѣ пострижена въ монахини, подъ именемъ Сусанны, и такимъ образомъ навсегда уже отдѣлена отъ свѣта и отъ всѣхъ мірскихъ дѣлъ.

Въ тоже время государь, сильно подозрѣвая въ участіи въ заговорѣ противъ него и супругу свою, царицу Евдокію, крѣпко придерживавшуюся старины и водившую дружбу съ противниками его, развелся съ нею и заключилъ ее также въ монастырь.

Со стрѣльцами было покончено навсегда: одни были казнены, другіе сосланы въ каторжныя работы и въ разные отдаленные города на житье, такъ что и духу ихъ не осталось въ Москвѣ. Теперь царь спокойно могъ заняться перестройкой своего государства на новый ладъ; а дѣла, какъ говорится,—непочатый уголъ: и войско надо поскорѣй устроить европейское, и флотъ завести настоящій, на все это нужны деньги, а государство бѣдно, торговли, почитай, нѣтъ никакой, доходы въ немъ самые ничтожные,—необходимо безъ малѣйшаго замедленія умножить ихъ, а для этого завести поскорѣе какъ можно больше фабрикъ и заводовъ, чтобы выдѣлывалась на нихъ всякая всячина и для войска и для морскаго дѣла и на продажу. Мастеровъ для выучки навезено изъ-за границы довольно,—заводи только школы, да обучай подданныхъ, не мѣшкая. «Пятиться только будутъ, или упираться противъ всякой новизны нѣмецкой, — вотъ бѣда!» думалъ Петръ. «Пусть же спачала переймутъ хоть наружный видъ у людей образованныхъ, а тамъ дѣло пойдетъ и дальше». Такъ рѣшилъ государь еще съ самаго пріѣзда своего въ Москву и на другое же утро по возвращеніи, встрѣчая подданныхъ, онъ уже не допускалъ ихъ становиться передъ собою на колѣни, какъ было прежде, а просто здоровался съ ними, какъ это дѣлается теперь.

Обнимая нѣкоторыхъ изъ своихъ бояръ и цѣлуя ихъ, онъ въ тоже время собственными руками обрѣзывалъ ихъ длинныя бороды, не тронулъ только самыхъ почтенныхъ стариковъ, — боярина Стрѣшнева да князя Черкасскаго. Умные люди поняли шутку государеву и на другой же день явились во дворецъ съ бритыми бородами. Но многіе ни за что не хотѣли разстаться со своимъ старинпымъ украшеніемъ и оставались небритыми. Борода издавна пользовалась у русскихъ особеннымъ уваженіемъ; взять кого нибудь за бороду считалось кровной обидой, и былъ даже законъ, по которому съ виновнаго въ такомъ преступленіи взыскивался значительный штрафъ. Чѣмъ длиннѣе борода, тѣмъ важнѣе, тѣмъ больше почета, и ее холили, чванились ею, надъ безбородыми же смѣялись, относились къ нимъ съ презрѣніемъ, называли блудобрѣйцами и другими обидными именами. Но съ Петромъ спорить было трудно: чрезъ нѣсколько дней послѣ описаннаго происшествія, у одного боярина былъ большой парадный обѣдъ, въ присутствіи самого государя; во время всеобщаго веселья царскіе шуты подкрадывались къ надменнымъ боярамъ—бородачамъ и однимъ взмахомъ ножницъ отхватывали ихъ огромныя бороды, при дружномъ хохотѣ гостей. Какъ ни велика была обида, но бояре понимали, что это дѣлается по распоряженію царскому, и старались смѣяться вмѣстѣ съ прочими, хотя имъ было и не до смѣху.

Вскорѣ появился и царскій указъ, которымъ повелѣно всѣмъ должностнымъ лицамъ, кромѣ духовенства, брить бороды и подстригать волосы по нѣмецки; а вслѣдъ за тѣмъ, для тѣхъ изъ вольныхъ людей, кто непремѣнно желалъ сохранить свои бороды, установлена ежегодная бородовая пошлина (и довольно значительная: купцы, напр. должны были платить по 100 рублей, а съ крестьянъ каждый разъ, при въѣздѣ въ городъ, брали по 2 деньги

за бороду); уплативъ ее, такіе люди должны были носить при себѣ особый мѣдный знакъ, въ родѣ медали, на которомъ съ одной стороны были нарисованы усы и борода, а съ другой — годъ, число и надпись: *«Деньги взяты»*.

Прошло не много времени и вышло новое повелѣніе, которымъ при дворѣ и во всѣхъ служилыхъ сословіяхъ уничтожалась старинная русская одежда и замѣнялась новымъ, нѣмецкимъ платьемъ. Старинный русскій нарядъ былъ слѣдующій: на рубашку, съ косымъ, у богатыхъ красиво вышитымъ, воротомъ и широкія шаровары, уходившіе въ цвѣтные сапоги, надѣвался свѣтлый зипунъ, а сверхъ него—узкій длиннополый кафтанъ съ козыремъ (стоячимъ воротникомъ) и съ длинными сборчатыми рукавами, стянутыми у запястій болѣе или менѣе дорогими зарукавьями. При выѣздѣ со двора, кафтанъ подпоясывался кушакомъ и сверхъ него надѣвался ферязь, длинное и широкое платье, безъ перехвата на таліи и безъ козыря, съ длинными рукавами, застегнутое спереди, сверху до низу, пуговицами. На ферязь накидывался лѣтомъ опашень или охабень—широкій плащъ, доходившій до самыхъ пятъ. На голову надѣвали зимою и лѣтомъ мѣховыя шапки. Зимой, вмѣсто охабня, носили шубы. Такъ одѣвались вообще всѣ; нарядъ богачей и людей высшаго сословія отличался только болѣе или менѣе дорогими матеріями и дѣлался изъ бархата, парчи и разныхъ шелковыхъ тканей, да украшеніями изъ драгоцѣнныхъ камней на козыряхъ и на шапкахъ. Бояре и придворные люди, во время большихъ царскихъ выходовъ, для парада, получали изъ дворцовыхъ кладовыхъ длинные кафтаны изъ золотой парчи.

Женскій нарядъ комнатный состоялъ изъ всякому извѣстныхъ сарафана и рубашки съ широкими, вздутыми повыше локтя рукавами, да тѣлогрѣи; для улицы же употреблялись женщинами такіе же охабни, ферязи и шубы

съ длинными рукавами, какіе были и у мужчинъ; а на голову онѣ надѣвали повойники, кики,—небольшія шапочки, и треухи,—родъ нынѣшняго капора, и сверхъ всего этого,—покрывала.

Кромѣ желанія видѣть своихъ подданныхъ въ одеждѣ европейцевъ, Петръ находилъ прежнее одѣяніе русскихъ крайне неудобнымъ, совсѣмъ неприспособленнымъ къ скорымъ движеніямъ, къ ловкой, спѣшной работѣ. Какъ можетъ свободно ходить и бѣгать военный человѣкъ, безпрестанно заплетаясь въ длинныхъ полахъ своего кафтана, или морякъ—лазить въ немъ по мачтамъ, и прочіе, занятые дѣломъ люди; а главное—она давала возможность боярамъ одѣваться слишкомъ богато, унизывать свои одежды золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными камнями, между тѣмъ какъ государство сильно нуждалось въ деньгахъ.

Петръ не терпѣлъ роскоши; его собственный любимый нарядъ состоялъ изъ простаго короткаго кафтана изъ чернаго или темносѣраго, довольно толстаго, сукна на стамедной подкладкѣ, краснаго или синяго камзола и суконныхъ панталонъ. Въ этомъ же родѣ платье указалъ онъ носить и своимъ подданнымъ. Слуги государевы часто ловили ослушниковъ на улицахъ, ставили на колѣни и тутъ же обрѣзывали у нихъ полы кафтановъ до колѣнъ. Мастерамъ и торговцамъ было строго запрещено шить и продавать старинное русское платье, взамѣнъ котораго были введены венгерки и нѣмецкіе короткіе кафтаны. Женщинамъ также приказано было перемѣнить свои сарафаны на нѣмецкія платья.

Не легко поддавались православные всѣмъ этимъ перемѣнамъ, а ужь особенно—лишенію милой каждому бороды. Гдѣ просили и умоляли о пощадѣ, а гдѣ и прямо пытались сопротивляться, но съ такими управлялись силою. Такъ, во время пребыванія государя въ Воронежѣ, приказные тамошняго суда ни за что не хотѣли проститься

съ бородой. Любимецъ царскій, князь Меньшиковъ, узнавъ, что всѣ они собрались на вечеринку у одного изъ своихъ товарищей, явился туда и, показавъ какую-то бумагу, сказалъ, что въ ней заключается повелѣніе государя немедленно сослать въ Сибирь всякаго, кто сію же минуту не сбрѣетъ своей бороды. Спачала всѣ, сомнѣваясь въ истинѣ, храбрились, потомъ, увидѣвъ, что во дворъ въѣзжаютъ телѣги, окруженныя солдатами, стали слезно молить о пощадѣ; но князь оставался неумолимъ и многіе изъ приказныхъ объявили, что отправятся въ Сибирь, а не дозволятъ учинить надъ собой такое поруганіе. Солдаты явились, чтобы сажать ихъ въ телѣги. Брадолюбцы увидѣли, что съ ними не шутятъ, имъ стало жаль своихъ женъ и дѣтей, съ которыми имъ не позволяли даже проститься,—и они рѣшились пожертвовать бородами ради своего спасенія. Солдаты тутъ же обрили всю компанію и царь, пріѣхавъ на другой день въ судъ, очень былъ доволенъ, видя, что ненавистныя ему бороды исчезли. Онъ и не думалъ давать Меньшикову никакого повелѣнія, но тотъ все это выдумалъ, чтобы напугать ослушниковъ и угодить своему повелителю.

Иному, пожалуй, можетъ показаться и страннымъ, что такого великаго разума человѣкъ, какъ Петръ Алексѣевичъ, у котораго было видимо-невидимо самыхъ важныхъ дѣлъ и заботъ, занимался такими бездѣлицами, какъ борода или платье. Какъ будто не все равно, въ чемъ и какъ люди ходятъ, были бы только образованными и работящими, да жили бы разумно, честно и на пользу другъ другу и всему государству. Но первое, какъ мы уже говорили, государю такъ сильно хотѣлось видѣть своихъ подданныхъ какъ можно скорѣе похожими на европейцевъ, забыть ихъ печальное прошлое и уничтожить всѣ наружные признаки, напоминавшіе его; второе,—вѣдь перемѣнить одежду или прическу гораздо легче,

чѣмъ нравы, понятія и обычаи людей,—и царь началъ съ легчайшаго, надѣясь, что потомъ легче будетъ справиться и съ перемѣною въ народѣ мыслей и привычекъ. А легче это могло быть вотъ почему: упрямые хранители старины очень сильно заартачатся и противъ брадобритія и противъ нѣмецкаго платья и разныхъ другихъ мелочей, много потратятъ и силушки и характера на борьбу за все это, и не замѣтятъ, какъ въ это время царь произведетъ и другія перемѣны, гораздо болѣе важныя (вѣдь все наружное людямъ скорѣе бросается въ глаза), да и поустанутъ ужь очень-то бороться именно къ тому времени, когда пришлось бы бороться за сохраненіе чего нибудь гораздо болѣе важнаго, чѣмъ борода и зипунъ, и легче будетъ государю осилить упрямую старину и вывести темныхъ людей на свѣтъ Божій, на новую дорогу. Такъ-то вотъ, у разумнаго человѣка и бездѣльное съ виду выходитъ куды какъ дѣльнымъ. Петръ Алексѣевичъ не разъ говаривалъ, что нѣтъ на свѣтѣ неважнаго дѣла: какое дѣло полезно, то и важно.

Съ уничтоженіемъ стрѣльцовъ, необходимо было устроить безъ малѣйшаго замедленія постоянное и многочисленное войско, и Петръ повелѣваетъ собрать по всей Россіи извѣстное число крестьянъ, мѣщанъ и разночинцевъ и составляетъ изъ нихъ пѣхотные и конные солдатскіе полки. Съ этихъ поръ начались въ Россіи постоянные рекрутскіе наборы.

Какъ у ласточки, у касаточки,
На лету крылья примахалися,
Какъ у душечки красной дѣвицы
На ходу ноги подломилися;
У дороднаго добра молодца
Въ три ряда кудри завивалися,
Во четвертой рядъ по плечамъ лежатъ
Ой во пятой рядъ съ плечъ валилися.

Ой почуяли черны кудри,
Что невзгодушку великую,
Что служить службу Государеву.
Повели тутъ добра молодца
Въ канцелярію Государеву,
Записали добра молодца
Въ драгуны Государевы.
Ой не жаль-то мнѣ черныхъ кудрей,
Только жаль мнѣ своей стороны!
На сторонушкѣ три зазнобушки:
Ой какъ первая зазнобушка, —
Разставался я съ отцомъ, съ матерью,
Съ отцомъ, съ матерью,
Съ молодой женой,
Съ сиротами, ребятами,
Съ моими малыми дѣтками.

Конечно, царь, для котораго счастіе своего отечества было дороже всего, хорошо понималъ тягость этихъ наборовъ для народа, но въ то же время онъ видѣлъ, что безъ постояннаго и сильнаго войска не возможно оборонить Россію отъ лихихъ сосѣдей, нельзя возвратить отнятыя ими у насъ владѣнія и начать устраивать все то, что прежде и больше всего было необходимо для счастія, славы и богатства того же любимаго имъ народа.

Но не было опытныхъ и знающихъ офицеровъ, иностранцевъ слишкомъ мало, и царь самъ, съ нѣмецкими приближенными, не щадя силъ своихъ, обучаетъ новобранцевъ ратному строю, заботится о достаточномъ продовольствіи солдатъ и, чтобы увѣриться, сколько именно надо солдату пищи, чтобы онъ былъ сытъ, самъ цѣлый мѣсяцъ прожилъ на одномъ солдатскомъ пайкѣ и, сказавъ, что если человѣку съ такимъ сложеніемъ, какъ онъ, вполнѣ достаточно этой пищи, то и всякій солдатъ будетъ сытъ, опредѣлилъ постоянную солдатскую дачу провіанта.

Въ тоже время въ Воронежѣ, съ помощью иностранныхъ мастеровъ, усердно строились и вооружались большіе корабли и тотчасъ же спускались на воду. Царь безпрестанно наѣзжалъ туда, помогалъ иностранцамъ въ обученіи русскихъ морской службѣ и, чтобы показать своимъ подданнымъ примѣръ строгаго исполненія служебныхъ обязанностей, самъ поступилъ подъ начальство голландскаго шкипера Муса простымъ корабельнымъ юнгой и, въ простой матросской курткѣ, безъ малѣйшаго прекословія исполнялъ всѣ его приказанія. Даже, когда Мусъ закричалъ, чтобы ему подали огня закурить трубку, царь побѣжалъ на кухню и, захвативъ тамъ уголекъ, въ одну минуту исполнилъ приказаніе своего начальника.

Но Петру некогда засиживаться въ Воронежѣ; пробудетъ съ недѣлю на тамошнихъ верфяхъ,—и опять въ Москву. Здѣсь, что ни день, то новые указы и распоряженія.

Прежнее воеводское управленіе городами никуда не годно: воеводы, посаженные правительствомъ, только *кормились* на своихъ мѣстахъ, обирали народъ, какъ только могли, — и города пищали, нельзя было ожидать отъ нихъ хорошихъ доходовъ государству. Петръ повелѣваетъ всѣмъ городамъ самимъ выбирать изъ лучшихъ своихъ жителей бурмистровъ, которые бы правили городомъ по совѣсти и усердно заботились о разведеніи торговли и разныхъ прибыльныхъ промысловъ. Чтобы фабрики и заводы всякіе заводились какъ можно скорѣе, повелѣно устраивать ихъ разнымъ денежнымъ людямъ сообща, составлять компаніи, и правительство обѣщало имъ всякую помощь со своей стороны. Въ Москвѣ заведены фабрики суконныя, кожевенныя и парусныя. Но все это можетъ дать деньгу современемъ, а на флотъ, и на войско и на многое другое деньги нужны сейчасъ. Правду говоритъ пословица: «нужда родитъ деньгу»... родила и тутъ: вы-

шелъ указъ о гербовой бумагѣ, по которому всякій паспортъ ли, свидѣтельство ли, или тамъ форменная денежная росписка, или какое другое обязательство, должны были писаться на бумагѣ съ государственнымъ гербомъ, за которую надо было платить болѣе или менѣе, смотря по важности и цѣнѣ условія, которое на ней должно быть написано. Отъ одного такого распоряженія деньги шибко потекли въ казну государеву, а тутъ подоспѣло и другое: ходячая монета у насъ плоха была; по всей Россіи ходили только однѣ серебряныя копейки, да мѣдныя — алтынъ, полушка да деньга. Копейки эти выдѣлывались изъ нѣмецкихъ ефимковъ и талеровъ, которые просто рубились на равныя части. На кусочкахъ этихъ выбивали клеймо на одной сторонѣ: скачущій конь, а на другой—имя царствующаго государя. Но иностранныхъ монетъ было слишкомъ мало и для пополненія недостатка на московскомъ монетномъ дворѣ вытягивали изъ металлическихъ слитковъ длинные прутья, рубили ихъ на мелкіе кусочки, кузнецы расплющивали ихъ въ овальные кружечки, выбивали клеймо,—и деньги готовы. Мѣдныхъ мелкихъ денегъ для размѣна было мало, и въ разныхъ городахъ россійскихъ ихъ замѣняли кожаными пластинками. Съ такими деньгами не далеко уѣдешь: въ чужіе край, при покупкѣ заморскихъ товаровъ, ихъ или вовсе не возьмутъ, или придется платить ими въ нѣсколько разъ дешевле, чѣмъ они себѣ стоютъ. Кромѣ того, кружечки были неправильные, разной величины; отъ того ихъ легко было обрѣзать и поддѣлывать — и нашу серебряную копейку цѣнили гораздо ниже, чѣмъ она стопла на самомъ дѣлѣ. Часто нельзя было купить необходимое у иностраннаго купца и съ полной мошной... «Что твои русскія деньги стоятъ, -ничего!» говорилъ онъ, — «подавай мнѣ наши, нѣмецкія!» И вотъ, по царскому приказу, словно въ сказкѣ по щучьему велѣнью, явились у насъ

и золотые червонцы, и серебряные рубли, и полтинники, и полуполтинники, и гривенники,—всѣ одинаковой формы и вѣса, смотря по достоинству, съ портретомъ государя на лицевой сторонѣ и государственнымъ гербомъ на оборотной.

VIII.

Мѣры къ образованію народа: училища, типографіи, изобрѣтеніе новыхъ буквъ, изданіе книгъ.—Первыя русскія вѣдомости.—Образъ жизни Петра въ Москвѣ.—Перемѣна лѣтосчисленія.

Какъ ни бился Петръ Алексѣевичъ, какъ ни заботился денно и нощно, чтобы народу его лучше было, чтобъ легче ему жилось, чтобъ не обижали его ни свои ни чужіе вороги, чтобъ было у него вволю и денегъ и всего необходимаго, а народъ все толковалъ по-своему, вкривь да вкось. Все смущало его, зачѣмъ-де православный царь перенимаетъ всякія хитрости басурманскія. Лихіе люди нашептывали, а темный народъ вѣрилъ, что не къ добру все это: «и съ нѣмцами сложился, и бороды велѣлъ брить, и ликъ свой на монетѣ чеканить сталъ. Конецъ, значитъ, міру наступаетъ; быть свѣтапреставленію скоро, такъ и въ церковныхъ книгахъ написано...» Такъ говорили тогда о великихъ дѣяніяхъ умнѣйшаго въ свѣтѣ человѣка!

И видитъ этотъ человѣкъ, что ни одно изъ его дѣяній не привьется, не принесетъ желанныхъ плодовъ до тѣхъ

поръ, пока народъ не пойметъ истинной пользы и необходимости ихъ, а не пойметъ онъ, пока не растолкуютъ ему умные люди, которыхъ онъ уважаетъ и которымъ вѣритъ и пока самъ не просвѣтится наукой. Кто же лучше пастырей церковныхъ можетъ помочь ему въ этомъ дѣлѣ? И вотъ, Петръ возлагаетъ на священнослужителей обязанность разъяснять своимъ прихожанамъ въ церковныхъ проповѣдяхъ разумность и полезность новыхъ мѣръ, вводимыхъ имъ въ государствѣ, и всю нелѣпость народныхъ толковъ. Но и тутъ бѣда! Не много у насъ нашлось въ то темное время и священниковъ-то просвѣщенныхъ; большая часть ихъ, кромѣ грамоты, и сами ничего не знали, — чему жь могли они научить народъ? Какіе нашлись поученѣе въ Кіевѣ да еще кое-гдѣ, государь тотчасъ приблизилъ ихъ къ себѣ и они стали много помогать ему своими пастырскими поученіями. Особенно прославился Ѳеофанъ Прокоповичъ, доказавшій народу, какъ на ладони, всю пользу для государства отъ заведенія флота, да отъ сообщенія русскихъ съ образованными народами, отъ путешествія въ ихъ земли для того, чтобы учиться и перенимать у нихъ все полезное.

Чтобы умножить поскорѣе число образованныхъ священниковъ, Петръ повелѣлъ заводить повсемѣстно духовныя училища и ставить поповъ не иначе, какъ по строгомъ испытаніи ихъ познаній. Въ тоже время, для образованія народа, въ Москвѣ открыты разныя школы, въ которыхъ обучали грамотѣ, цыфири и Закону Божію; для приготовленія хорошихъ мореходовъ устроено особое училище, а вслѣдъ затѣмъ и нѣсколько другихъ. Сначала русскіе съ великой неохотой шли въ эти школы. Родители посылали туда своихъ дѣтей, по строгому требованію царя, точно на казнь, или на погибель; никакъ не могли они еще понять, что отъ ученья, кромѣ добра, ничего не будетъ. Петръ самъ выбиралъ способнѣйшихъ дѣ-

тей и, назначая одного въ морскую науку, другаго въ счетную, третьяго — въ строительную и т. д., мастерски угадывалъ способности каждаго. Чтобы заставить дворянъ посылать своихъ сыновей въ училища, а не держать въ деревняхъ на псовой охотѣ да въ тунеядствѣ, были изданы строгіе законы, по которымъ нигдѣ необучавшимся и не выдержавшимъ установленнаго испытанія въ наукахъ, молодымъ дворянамъ, запрещалось жениться, и ихъ опредѣлено брать на службу простыми матросами. Не понутру показалось это избалованнымъ баричамъ и по неволѣ приходилось учиться. Завелись школы, — понадобились и книжки разныя, да кромѣ того, царю хотѣлось поскорѣй дать грамотнымъ русскимъ людямъ побольше дѣльныхъ да умныхъ книгъ, изъ которыхъ они многому бы чему понаучились, многое бы узнали полезное и поняли въ настоящемъ видѣ все, что лихіе люди толковали имъ навыворотъ. Своихъ книгъ, кромѣ богослужебныхъ, у насъ тогда почти вовсе не было; поэтому царь приказываетъ переводить на русскій языкъ разныя иностранныя сочиненія и печатать ихъ въ новыхъ, только что заведенныхъ въ Москвѣ печатняхъ (до Петра была всего одна такая печатня). Чтобы книги эти и самою наружностію своею походили какъ можно болѣе на европейскія и чтобы ихъ было легче печатать первымъ типографщикамъ-иностранцамъ, не знавшимъ нашихъ славянскихъ буквъ, государь самъ придумываетъ новыя русскія литеры, по образцу сербскихъ, какъ болѣе знакомыхъ европейцамъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе близкихъ къ нашимъ. Въ то время во всей Европѣ были уже газеты, по которымъ всякій зналъ ежедневно, что дѣлается и въ его отечествѣ и въ другихъ государствахъ, а у насъ объ этомъ и въ поминѣ не было. Жилъ себѣ каждый въ своемъ углу и дальше носа своего ничего не вѣдалъ, не было ему дѣла ни до кого и ни до чего, кромѣ своего

домашняго обихода, а потому, значитъ, и разсуждать онъ не привыкъ и раскидывать умомъ ему не надъ чѣмъ въ свободное время. Но какъ только новыя типографіи установились, царь тотчасъ же самъ начинаетъ издавать первыя русскія вѣдомости, въ которыхъ печатались разныя новости, какъ русскія, такъ и заграничныя. Разсылаются эти *куранты*, какъ ихъ тогда называли, въ разныя мѣста и города, читаютъ ихъ русскіе начетчики—и дивуются: все въ нихъ прописано, что въ послѣднее время составляетъ самое важное для Россіи: про пушки, что льются на Олонецкихъ заводахъ, и про корабли, что строятся въ Воронежѣ, и сколько солдатъ набрано въ царское войско, и сколько иностранныхъ судовъ пришло къ Архангельскому порту съ товарами, и съ какими именно, и что гдѣ купить или заказать можно, потребное на какое дѣло, и съ кѣмъ замиренье вышло, и съ кѣмъ война объявлена, и много чего другаго.

Какъ во всѣхъ прочихъ дѣлахъ, такъ и въ печатаніи книгъ и вѣдомостей царь принималъ самое дѣятельное личное участіе: онъ самъ разсматривалъ иностранныя сочиненія и назначалъ, какія изъ нихъ печатать, собственноручно исправлялъ переводы, выбиралъ, что именно печатать въ вѣдомостяхъ, и составлялъ для нихъ многое самъ, безпрестанно заглядывалъ въ типографіи и наблюдалъ за работой. Едва забрезжитъ свѣтъ, неутомимый работникъ ужь на ногахъ, пишетъ, одно за однимъ, цѣлые десятки распоряженій, приказаній, писемъ къ иностраннымъ государямъ, ученымъ и мастерамъ, чертитъ планъ крѣпости, модель новаго корабля, точитъ, пилитъ и строгаетъ въ мастерской. Осмотритъ всѣ заведенныя имъ фабрики и заводы, испробуетъ чуть не каждую вновь выдѣлапную вещь, похвалитъ добрыхъ мастеровъ, выбранитъ или оштрафуетъ нерадивыхъ. Завернетъ въ школу, послушаетъ, какъ идетъ ученье, самъ спроситъ учени-

ковъ, и опять возвращается въ свой кабинетъ, принимаетъ иностранныхъ посланниковъ и своихъ вельможъ, разсматриваетъ дѣла и кладетъ на нихъ свои рѣшенія. Выпьетъ рюмку анисовой водки, закуситъ кренделемъ, и поѣдетъ, въ простой одноколкѣ, съ однимъ деньщикомъ сзади, по всей Москвѣ.

Заѣдетъ къ старому боярину, опытному въ дѣлахъ, посовѣтуется съ нимъ, потолкуетъ; отъ него летитъ къ любимцу своему — Данилычу (Александру Даниловичу Меньшикову), надаетъ ему десятки разныхъ порученій и спѣшитъ къ солдату на крестины; приметъ у него младенца, поздравитъ отца стаканчикомъ пива, поцалуетъ родильницу въ лобъ, подаритъ рубль на зубокъ и ѣдетъ дальше. Сегодня смотръ молодымъ дворянамъ, отправляемымъ за-границу. Царь отбираетъ лучшихъ изъ нихъ, каждому даетъ подробныя наставленія, какъ, гдѣ и чему учиться, къ кому обращаться за совѣтами и указаніями и какъ вести себя. «Гдѣ нашимъ ребятамъ спознать заморскія хитрости!...» говорятъ при этомъ престарѣлые отцы, «ихъ разума на то не станетъ и только понапрасну столь великія деньги издержаны будутъ!...» Петръ зналъ лучше ихъ, что дѣлалъ и черезъ годъ, черезъ два, эти молодцы возвращались образованными, усердными помощниками своего государя. Возвращается царь домой усталый, встрѣчаетъ на дорогѣ священника, идущаго съ требой,—тотчасъ выходитъ изъ одноколки и, съ благоговѣніемъ преклонившись предъ Св. Дарами, подъ руки ведетъ пастыря къ больному, какого бы званія онъ ни былъ. По принятіи больнымъ Св. Тайнъ, поздравляетъ его, обнадеживаетъ скорымъ выздоровленіемъ, съ помощію Христа Спасителя; если нужно, оказываетъ денежную помощь, и, обѣщая скоро навѣдаться опять, ѣдетъ дальше. Часто случалось, что уже отъ одного такого посѣщенія больной сильно ободрялся духомъ и выздоравливалъ.

Дома откушаетъ царь свой простой, незатѣйливый обѣдъ, соснетъ часика два — и опять за работу, опять летятъ гонцы во всѣ стороны съ новыми распоряженіями, опять шумитъ токарный станокъ, лязгаетъ пила и визжитъ рубанокъ. Глядь, а ужь семь часовъ.... чай бояре ждутъ не дождутся пріѣзда государева на свою вечеринку, чтобы отдѣлаться поскорѣй и разойтись по домамъ. Вѣдь сегодня царь указалъ у боярина Шереметева *ассамблею*, то есть по-нашему, балъ. Всѣ именитые бояре должны непремѣнно пріѣхать туда, и не только сами, но и со своими женами и взрослыми дочерьми, которыя всѣ должны быть въ пышныхъ нѣмецкихъ *робахъ* (платьяхъ) и, съ открытыми лицами, сидѣть въ одныхъ покояхъ съ мужчинами, разговаривать и танцовать съ ними. Обидно старымъ боярамъ выводить своихъ бабъ да дѣвокъ изъ запертыхъ теремовъ ихъ, гдѣ онѣ свой вѣкъ вѣковали, на такое позорище басурманское, зазорно это и женщинамъ, а дѣлать нечего, — никто не смѣетъ ослушаться строгаго царскаго приказа. Торопится государь на ассамблею, думаетъ, опоздалъ ужь къ началу, а бояре еще и не думали начинать: сидятъ словно, къ смерти приговоренные; женщины не знаютъ, куда дѣваться имъ со стыда и дикости, ни встать, ни сѣсть не умѣютъ. Входитъ молодой, развеселый царь-государь, музыка гряпула новый французскій танецъ-менуэтъ, державный гость привѣтливо поздоровался съ хозяиномъ и съ прочими, и начались танцы. Смотритъ царь, любуется на свое новое заведеніе, видитъ,—танцы не очень-то еще ладятся.... «Ничего,» думаетъ, «стерпится-слюбится; попривыкнутъ, и у нихъ пойдетъ настоящее веселье,» и отправляется въ сосѣднюю комнату. Тамъ, въ кругу приглашенныхъ, собственно для него, сухопутныхъ и морскихъ офицеровъ, иностранныхъ корабельщиковъ и другихъ мастеровъ, русскихъ именитыхъ фабрикантовъ и купцовъ, за кружками разныхъ винъ, опъ пг-

раетъ въ шахматы, но больше толкуетъ о разныхъ дѣлахъ, забота о которыхъ не покидаетъ его и здѣсь. Часовъ около одиннадцати, царь, поблагодаривъ хозяина за угощеніе, уѣзжаетъ и ассамблея оканчивается.

Поздно уже возвращается Петръ Алексѣевичъ, и дорогой обдумываетъ новую большую перемѣну для всей Россіи: въ то время годы считались у насъ не отъ Рождества Христова, какъ теперь, а отъ сотворенія міра и новый годъ обыкновенно праздновался 1-го сентября. Такой счетъ мы переняли, вмѣстѣ съ христіанской вѣрой, еще отъ древнихъ грековъ. Между тѣмъ, во всей остальной Европѣ годъ считался отъ Рождества Спасителя и праздновался 1-го января. Вступивъ въ постоянныя сношенія и дѣла съ иностранцами, государь видѣлъ постоянныя неудобства отъ того, что они считали время по-своему, а мы—по своему, да къ тому же и съ вѣрой нашей христіанской сообразнѣе вести счетъ съ Рождества Господа Нашего Іисуса Христа, чѣмъ отъ сотворенія міра, какъ считаютъ евреи. Давно уже эта мысль занимала Петра и теперь онъ рѣшился, не откладывая дѣла, соединить и въ этомъ свой народъ съ просвѣщенными европейцами, благо въ то время стоялъ декабрь, — послѣдній мѣсяцъ европейскаго года. Черезъ нѣсколько дней, а именно 20-го декабря 1699 года, во всѣхъ церквахъ послѣ обѣдни, а потомъ и на перекресткахъ московскихъ улицъ, громко читался новый царскій указъ, которымъ повелѣвалось всѣмъ россійскимъ подданнымъ, безъ изъятія, вести впредь лѣтосчисленіе не отъ сотворенія міра, а отъ Рождества Христова и праздновать новый годъ не 1-го сентября, а 1-го января. «Въ знакъ же добраго начинанія новаго столѣтняго вѣка, въ царствующемъ градѣ Москвѣ, послѣ должнаго благодаренія Богу и молебнаго въ церквахъ пѣнія, другъ друга поздравлять съ новымъ годомъ, между тѣмъ по

большимъ улицамъ, передъ воротами домовъ, поставить, для украшенія, ели, сосны и мозжевельникъ; а какъ на Красной площади зажгутъ огненныя потѣхи и начнется пальба, то жителямъ и на своихъ дворахъ стрѣлять изъ небольшихъ пушечекъ или изъ ружей троекратно и пускать ракеты; кромѣ того, гдѣ мѣсто позволитъ, зажигать по ночамъ съ 1-го до 7-го января костры и смоляныя бочки.»

Народъ спачала поволновался и при этой новой мѣрѣ; но съ наступленіемъ 1-го января вся Москва огласилась пушечной и ружейной пальбою, не умолкавшей цѣлую недѣлю, а по ночамъ надъ городомъ стояло яркое зарево отъ множества разведенныхъ огней. Торжества и гулянья закончились 6-го января, въ день Богоявленія Господня, крестнымъ ходомъ на Іордань. На Москвѣ рѣкѣ выстроены были недавно набранныя войска, и самъ царь, въ офицерскомъ мундирѣ, стоялъ во фронтѣ при своемъ Преображенскомъ полку, который былъ красивѣе всѣхъ въ своихъ темнозеленыхъ кафтанахъ.

Такъ, по волѣ государя, отпалъ отъ Руси и еще одинъ остатокъ отжившей свое время старины.

IX.

Устройство внутренняго управленія въ областяхъ и городахъ.— Война со шведами.— Основаніе Петербурга.

Первый годъ новаго столѣтія государь, неусыпно заботившійся о счастіи своихъ подданныхъ, ознаменовалъ новымъ благодѣтельнымъ распоряженіемъ. До того времени управленіе разными частями нашего обширнаго отечества поручалось особымъ боярамъ, намѣстникамъ, т. е. на мѣсто царя управлявшимъ страною. Но бояре эти оставались себѣ преспокойно въ Москвѣ, а посылали вмѣсто себя своихъ довѣренныхъ людей, правителей или *судей*, какъ ихъ тогда называли. Эти правители обыкновенно заботились больше о собственной наживѣ да о сладкой спокойной жизни, чѣмъ о благѣ ввѣренныхъ имъ людей, отъ чего народу зачастую приходилось очень жутко, тѣмъ болѣе что жаловаться на нестерпимыя притѣсненія должно было тѣмъ же боярамъ, а они, по большей части, держали сторону своихъ подручниковъ, значитъ, и управы на нихъ никакой не было. Такъ вотъ, для облегченія столь тяжелой участи народной, указомъ государевымъ повелѣно ставить правителей въ области и города

не по выбору боярскому, а по его царскому назначенію и всѣ жалобы, какія будутъ поступать отъ жителей на этихъ людей, разбирать въ Приказахъ по всей строгости законовъ. При этомъ, царь, назначая лицъ, хорошо ему извѣстныхъ, особенно въ мѣста отдаленныя, зорко слѣдилъ за ихъ дѣйствіями самъ и строго наказывалъ злоупотреблявшихъ его довѣріемъ, достойныхъ же щедро награждалъ и благодарилъ собственноручными письмами. Въ тоже время, стараясь всѣми мѣрами поселить въ людяхъ какъ можно болѣе уваженія другъ къ другу, какъ можно болѣе мягкости въ обращеніи, Петръ повелѣваетъ совершенно уничтожить обидное слово *холопъ*, строго запретивъ упоминать его въ письмахъ и бумагахъ, а равно и клички людей полуименами, Ваньками, Петьками и т. п.

Но среди безчисленныхъ заботъ и трудовъ по внутреннему устройству государства, изъ головы царя не выходитъ одна, издавна занимающая его мысль. Ежедневно создаются новыя фабрики, разлетаются по всему государству, одно за другимъ, новыя узаконенія, какъ и съ чего именно собирать пошлины и подати, для умноженія казны, какъ торговать, какъ выдѣлывать и то и другое и пятое и десятое, выростаетъ, словно изъ земли, на воронежскихъ и на архангельскихъ верфяхъ цѣлый лѣсъ кораблей;—все является, словно по волшебству какому, на святой Руси, еще за нѣсколько лѣтъ спавшей сномъ непробуднымъ, но одна неотвязная мысль не даетъ царю покою: куда и какъ везти новые русскіе товары, какъ завести постоянный торгъ съ Европой и непрерывныя да скорыя съ нею сношенія? гдѣ развернуться его милымъ корабликамъ? Моря у него нѣтъ, гаваней приморскихъ не имѣетъ Россія. Одинъ Архангельскъ, только и есть, да и тотъ на самомъ краю государства, далеко отъ Европы, и путь морской бываетъ тамъ свободенъ отъ

льда не больше двухъ трехъ мѣсяцевъ въ году. Не расторгуешься съ такою гаванью! А между тѣмъ, всего за нѣсколько сотъ верстъ отъ Москвы шныряютъ по Балтійскому морю, чуть не круглый годъ, и шведскіе и датскіе и голландскіе корабли, и сносятся между собой всѣ эти народы постоянно, на всей свободной волюшкѣ, а захотѣли отъ насъ отвоевать что,—стоитъ имъ только высадить на нашъ новгородскій берегъ и войска и боеваго снаряда сколько угодно,—и поберутъ все и попастроятъ своихъ укрѣпленій на нашей землѣ, прежде чѣмъ мы успѣемъ узнать, да прислать какую ни есть оборону. Больно обидно русскому царю видѣть, что сидитъ его обширное, могучее государство у самаго берега моря, а пользоваться имъ не можетъ. Еще обиднѣе это еще и потому, что этотъ самый приморскій берегъ, которымъ владѣютъ теперь шведы, искони принадлежалъ русскимъ: вплоть до самой Ливоніи, по берегу Балтійскаго моря шла наша *водская пятина* и жили на ней рыбаки новгородскіе. Не умѣли мы тогда ею пользоваться и вотъ уже за восемьдесятъ слишкомъ лѣтъ до Петра шведы отняли ее у насъ, понастроили своихъ крѣпостей и загородили намъ совсѣмъ дорогу къ морю. Вотъ эту-то самую водскую пятину государь и порѣшилъ въ умѣ своемъ возвратить Россіи во что-бы то ни стало, древнее наше достояніе, оторванное отъ насъ силою, силою же и возвратить. Оно одно, это Балтійское побережье, отдѣляетъ Россію отъ образованной Европы, — и по могучей волѣ своего государя, не знающаго препятствій, русскіе прорвутъ эту плотину и станутъ въ рядъ просвѣщенныхъ европейскихъ народовъ. Это составляло задачу всей жизни великаго Петра, главную причину его лихорадочной дѣятельности, непостижимой для обыкновеннаго смертнаго, цѣль всѣхъ его помысловъ, трудовъ и нечеловѣческихъ усилій.

Наконецъ настала давно желанная, удобная минута

для исполненія великаго замысла: война съ турками окончена, флотъ готовъ презрядный, войска набрано довольно,... а тутъ нашлась и причина къ ссорѣ со шведами: еще во время путешествія царя въ чужіе краи, губернаторъ г. Риги принялъ русское посольство, а вмѣстѣ съ нимъ и самого царя, слишкомъ невѣжливо. Петръ, оскорбленный тогда гордостію надменнаго шведа, до времени стерпѣлъ обиду, но теперь потребовалъ отъ шведскаго короля наказанія за нее виновнаго. Карлъ XII-й отвѣчалъ на это высокомѣрнымъ отказомъ и, вслѣдъ затѣмъ, россійскій государь объявилъ Швеціи войну.

Тотчасъ же, боярин, Борисъ Петровичъ Шереметевъ двинулся съ русскими полками къ шведской крѣпости Нарвѣ. Карлъ XII-й съ отборнымъ войскомъ поспѣшилъ на защиту своихъ владѣній, бросился на нашихъ, не привыкшихъ еще къ бою, новобранцевъ,—и русскіе рекрута, никогда не видавшіе такого страшнаго огня, оторопѣли. Пришлось на первый разъ уступить болѣе опытному въ воинскомъ дѣлѣ непріятелю. Но мужественный и твердо вѣрившій въ силы своего народа, государь не унывалъ: тотчасъ же разсѣянные полки наши были пополнены, вмѣсто отбитыхъ шведами пушекъ немедленно отлиты новыя и, вмѣстѣ съ Шереметевымъ, Петръ самъ отправился разорять шведскіе города и укрѣпленія къ сѣверу отъ Нарвы. Здѣсь, цѣлымъ рядомъ блистательныхъ побѣдъ надъ шведскими генералами, русскіе не только совершенно загладили свою первую неудачу, но изъ робкихъ и неумѣлыхъ учениковъ быстро превратились въ грозныхъ мстителей шведамъ за всѣ ихъ прежнія обиды. Подвигаясь все ближе къ истокамъ р. Невы изъ Ладожскаго озера, царь подошелъ къ шведской крѣпости *Нотебургу*, которая была ничто иное, какъ старинный русскій городокъ *Орѣшекъ*.

Во славномъ городѣ Орѣшкѣ,
По нынѣшнему званію Шлюшенбургѣ,
Пролегла туто широкая дорожка,
По той по широкой дорожкѣ
Идетъ тутъ Царевъ большой бояринъ,
Князь Борисъ сынъ Петровичъ Шереметевъ,
Со тѣми онъ съ пѣхотными полками,
Со конницей и со драгунами,
Со удалыми Донскими казаками.
Вошли они во Красную мызу
Промежу тѣми высокими горами,
Промежу тѣми широкими долами—
А всѣ полки становилися.
А втапоры Борисъ сынъ Петровичъ
Въ объѣздъ онъ Донскихъ казаковъ посылаетъ,
Донскихъ, Гребенскихъ да и Яицкихъ:
Какъ скрали они Шведскіе караулы,
Майора себѣ въ полонъ полонили,
Привезли его въ лагери Царскіе.
Не злата труба въ полѣ протрубила,
Прогласилъ Государь, слово молвилъ,
Государь Московскій—первый Императоръ:
«А и той еси, Борисъ сынъ Петровичъ!
Изволь ты майора допросити тихонько, помалешеньку:
А сколько де силы въ Орѣшкѣ
У вашего короля Шведскаго?»
Говоритъ тутъ майоръ не съ упадкою,
А сталъ онъ силу разсказывать:
«Съ генераломъ въ полѣ сорокъ тысячей,
Съ королемъ въ полѣ смѣты нѣтъ.»
А втапоры Царевъ большой бояринъ,
Князь Борисъ сынъ Петровичъ Шереметевъ,
А самъ онъ Царю рапортуетъ:
«Что много де силы въ полѣ той Шведской:
Съ генераломъ стоитъ силы сорокъ тысячей,
Съ королемъ въ полѣ силы смѣты нѣтъ.»
Не злата труба въ полѣ протрубила,

Прогласилъ первый Императоръ:
«А и гой еси, Борисъ Петровичъ!
Не устрашися майора допросити,
Не корми майора цѣлы сутки,
Повторите второй допросъ,
Другія сутки не кормите,
И сладко онъ разскажетъ,
Сколько у нихъ силы Шведскія.»
А втапоры Борисъ Петровичъ Шереметевъ,
На то-то больно догадливъ,
А двое-де сутки майора не кормили,
Въ третьи винца ему подносили;
А втапоры майоръ разсказалъ:
«Всѣхъ съ королемъ нашимъ и генераломъ
Силы семь тысячей, а болѣе того нѣту.
И тутъ Государь взвеселился.»

Дѣйствительно, возвеселился Петръ Алексѣевичъ подъ Нотебургомъ и написалъ оттуда въ 1702 г. къ одному изъ своихъ приближенныхъ слѣдующее: «Правда, что зѣло жестокъ сей орѣхъ былъ, однакожь, слава Богу, счастливо разгрызенъ. Артиллерія наша зѣло чудесно дѣло свое исправила.»

По взятіи Нотебурга, государь переименовалъ его въ Шлиссельбургъ (Ключъ-городъ), въ ознаменованіе того, что городъ этотъ послужитъ намъ ключомъ къ Балтійскому морю. На слѣдующій годъ, русскія войска шли лѣсами и болотами по правому берегу р. Невы, и при впаденіи въ нее рѣчки Охты увидѣли небольшой земляной городокъ, Ніеншанцъ, а за нимъ— посадъ изъ 400 деревянныхъ домиковъ. Въ это время главное начальство надъ русскими войсками было поручено Шереметеву, а самъ царь командовалъ бомбардирской ротой, съ званіемъ бомбардирскаго капитана Петра Михайлова. Тотчасъ начали бомбардировать найденный городокъ и безъ особеннаго труда овладѣли имъ. Между

тѣмъ, къ устью Невы, ничего не зная о послѣдней побѣдѣ русскихъ, подошли два большихъ шведскихъ судна. Узнавъ объ этомъ, капитанъ Петръ Михайловъ и поручикъ Меньшиковъ, съ обоими гвардейскими полками, на тридцати лодкахъ подкрались къ непріятельскимъ судамъ, окружили и взяли ихъ. Радость государя при такой побѣдѣ была неописанная... *«два корабля взяли! небывалая викторія* (побѣда)!» писалъ онъ въ восторгѣ Апраксину.

Такимъ образомъ вся эта страна, называвшаяся у шведовъ *Ингерманландіей*, вся Нева съ обоими своими берегами, впрочемъ пустынными и непривѣтливыми, очутилась во власти русскаго царя. Но Петру эти берега казались краше рая небеснаго, прежде всего потому, что онъ видѣлъ въ обладаніи ими исполненіе давнишнихъ своихъ задушевныхъ желаній и надеждъ, а кромѣ того, въ это время года (въ концѣ апрѣля и въ самомъ началѣ мая), когда все только что начинало распускаться, и широкая свѣтлая Нева окаймлялась свѣжею, яркозеленою листвою деревъ и кустарниковъ, и въ ней отражалось безоблачное весеннее небо, когда въ бѣлыя майскія ночи соловьи, не умолкая, щелкали и свистали надъ ней, эта дикая, еще не тронутая рукою человѣка, природа могла показаться молодому русскому царю дѣйствительно прекрасною. И при всемъ этомъ—море подъ рукой, прямо изъ Невы—выходъ въ Европу... чего же лучше и желать было Петру, только и думавшему, какъ бы овладѣть моремъ и чрезъ него сблизиться съ Европой. Итакъ, рѣшено,—здѣсь будетъ городъ, изъ котораго для Россіи родится новая жизнь.

Разъѣзжаетъ царь по своей новой завоеванной землѣ, высматриваетъ всю ея мѣстность. Вездѣ пустынно и уныло, только кое-гдѣ, по островкамъ, видѣются рыбачьи хижины, гдѣ чухонскія, а гдѣ и русскія...

Лѣсомъ частымъ и дремучимъ,
По тропинкамъ и по мхамъ,
Ѣхалъ всадникъ, пробираясь
Къ свѣтлымъ Невскимъ берегамъ.

Только вотъ—рыбачья хата;
У рѣки старикъ стоялъ,
Челнъ осматривалъ дырявый,
И бранился, и вздыхалъ.

Всадникъ подлѣ,—онъ не смотритъ.
Всадникъ молвилъ: «здравствуй, дѣдъ!»
А старикъ въ сердцахъ чуть глянулъ
На привѣтствіе въ отвѣтъ.

Все ворчалъ себѣ онъ подъ носъ:
«Поздоровится тутъ, жди!
Времена ужь не такія...
Жди, да у моря сиди.

«Вамъ вѣдь все ничто, боярамъ,
А челнокъ для рыбака
То-жь что бабѣ веретёна,
Али конь для сѣдока.

«Шведы-ль, наши-ль или тутъ утромъ,
Кто ихъ знаетъ,—ото всѣхъ
Нынѣче пахнетъ табачищемъ...
Ходитъ въ мірѣ; ходитъ грѣхъ!

«Чуть кого вдали завидишь—
Смотришь, въ лѣсъ бы... Вѣдь грѣшно!..
Лодка, вишь, имъ помѣшала,
И давай рубить ей дно...

«Да, ужь стала здѣсь сторонка
За теперешнимъ царемъ!...
Изъ подъ Пскова вѣдь на лѣто
Промышлять сюда идемъ.»

Всадникъ прочь съ коня, и молча
За работу принялся;
Живо дѣло закипѣло
И поспѣло въ полчаса.

Самъ топоръ вотъ такъ и ходитъ,
Такъ и тычетъ долото—
И челнокъ на славу вышелъ,
А вѣдь былъ что рѣшето.

«Ну, старикъ, теперь готово,
Хоть на Ладогу ступай,
Да закинуть сѣть на счастье
На Петрово попытай.»—

«На Петрово! эко слово
Молвилъ!—думаетъ рыбакъ...
Съ топоромъ, гляди, какъ ловокъ...
А по рѣчи... Какъ же такъ?»

И развелъ старикъ руками,
Шапку снялъ и смотритъ въ лѣсъ,
Смотритъ долго въ ту сторонку,
Гдѣ чудесный гость исчезъ. *)

А чудесный гость, которому и самыя великія думы и дѣла не мѣшали дѣлать въ тоже время и многое множество мелкихъ, но хорошихъ дѣлъ и быть внимательнымъ да привѣтливымъ и къ самымъ простымъ изъ своихъ подданныхъ, ѣхалъ ужь дальше, ко всему приглядываясь,

*) Стихотвореніе А. Майкова.

все примѣчая кругомъ да около, и раскидывая своимъ свѣтлымъ умомъ, гдѣ и какъ чему быть на новой землѣ...

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ онъ, думъ великихъ полнъ,
И вдаль глядѣлъ. Предъ нимъ широко
Рѣка неслася; бѣдный челнъ
По ней стремился одиноко.
По мшистымъ, топкимъ берегамъ,
Черпѣли избы здѣсь и тамъ,—
Пріютъ убогаго Чухонца;
И лѣсъ, невѣдомый лучамъ
Въ туманѣ спрятаннаго солнца,
Кругомъ шумѣлъ.
И думалъ онъ:
«Отсель грозить мы будемъ Шведу;
Здѣсь будетъ городъ заложенъ,
На зло надменному сосѣду;
Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при морѣ;
Сюда по новымъ имъ волнамъ
Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ
И запируемъ на просторѣ!» (*Пушкинъ*).

Изъ всѣхъ острововъ, разбросанныхъ на Невѣ, Петръ выбралъ, какъ наиболѣе возвышенный и удобный, Заячій Островъ (по фински Енисари) и 16 мая 1703 г., при торжественномъ сборѣ своихъ царедворцевъ и войска, срубилъ собственными руками березу, обложилъ ее дерномъ и, сдѣлавъ крестъ, поставилъ его на этомъ островѣ, на самомъ берегу и, при громѣ пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ заложилъ на этомъ мѣстѣ крѣпость, наименовавъ ее *Санктпетербургомъ*, т. е. городомъ св. Петра. Царь отпраздновалъ это радостное событіе великимъ веселіемъ и задалъ пиръ на славу какъ окружавшимъ его, такъ и всему войску. Однакожь, долго веселиться было

нельзя: шведы ежеминутно могли придти съ новыми силами и отнять драгоцѣнную добычу. Необходимо было какъ можно скорѣе укрѣпляться на новомъ мѣстѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, не давая непріятелю времени опомниться, продолжать съ нимъ упорную борьбу. Поэтому на другой же день одна часть войска была назначена снова въ походъ, а другая оставлена для возведенія крѣпости и другихъ построекъ. Живая, кипучая натура царя не терпѣла медленности никогда и ни въ чемъ, а здѣсь и подавно: мечта исполнилась,—завѣтное мѣсто найдено... скорѣй же, скорѣй городъ строить на немъ, свои корабли приводить въ Неву, принимать иностранные, торгъ начать у себя дома и съ голландцами, и съ датчанами и съ англичанами и со всѣмъ свѣтомъ! Мало однихъ солдатъ,—царь разсылаетъ повсюду повелѣнія, чтобы со всѣхъ сторонъ высылали къ нему и землекоповъ, и плотниковъ, и каменьщиковъ, и столяровъ и всякаго рода мастеровъ и работниковъ, и вотъ потянулись съ разныхъ концовъ Руси мужички-работнички съ кирками, ломами, лопатами, тачками и всякими инструментами. Густыми толпами повалили православные по указу государеву къ матушкѣ Невѣ-рѣкѣ, затянувъ по дорогѣ свою заунывную пѣсню:

«Ой не жаль мнѣ черныхъ кудрей,
Только жаль мнѣ своей стороны.
На сторонушкѣ три зазнобушки:
Ой какъ первая зазнобушка,—
Разставался я съ отцомъ, съ матерью;
Съ отцомъ, съ матерью,
Съ молодой женой;
Съ сиротами, съ ребятами,
Съ моими малыми дѣтками.

Трудна была сначала жизнь переселенцевъ въ новой землѣ, особенно, когда приспѣла непривѣтная петербург-

ская осень. Строеній, конечно, никакихъ еще не было, и работничкамъ пришлось жить въ землянкахъ, вырытыхъ въ мокрой болотной почвѣ. Уснутъ они, бывало, послѣ тяжкой денной работы, въ сырыхъ своихъ ямкахъ.— и вода нерѣдко подмывала подъ самые бока ихъ, выйдутъ утромъ на свѣтъ Божій пообсушиться, а солнышко по цѣлымъ недѣлямъ и мѣсяцамъ не проглядываетъ, а мелкій холодный дождикъ зарядитъ на нѣсколько дней безъ удержу и только развѣ буйные холодные вѣтры пообсушатъ несчастныхъ. Въ продовольствіи тоже на первое время терпѣли они большой недостатокъ: хотя царь и разсылалъ приказанія доставлять со всѣхъ сторонъ хлѣба и другихъ припасовъ какъ можно болѣе, но вѣдь на такую силу людей не напасешься; везти надо было издалека, а между тѣмъ дорогъ къ Петербургу не было никакихъ: все лѣса да дебри непроходимыя, трясины да болота топкія. Поэтому зачастую приходилось переселенцамъ съ корочки на корочку перебиваться и голодать крѣпко. А силушки для работы надо не мало: прорубать лѣса на огромномъ пространствѣ, рыть канавы, вездѣ отводить воду да осушать болота, насыпать крѣпостные валы да бастіоны, бутить вязкій грунтъ да вбивать сваи. Необходимыхъ инструментовъ было слишкомъ мало и многое приходилось работать голыми руками. Землю для насыпей таскали издалека въ полахъ армяковъ, да въ мѣшкахъ за недостаткомъ тачекъ. И какъ ни вынослива, какъ ни крѣпка силушка богатырская крестьянская, но и ее стали осиливать всѣ эти невзгоды. Начались болѣзни между рабочимъ людомъ и народъ сталъ мереть повальпо. Скоро чуть не у каждой землянки можно было видѣть тепливпшуюся восковую свѣчку, означавшую, что тутъ находился покойникъ. Прохожіе набожно крестились и клали подлѣ свѣчки свой трудовой грошъ на погребеніе усопшаго.

Однакожь, такое печальное положеніе рабочаго люда продолжалось не долго. На смѣну погибшихъ прибывали новыя толпы, и скоро изъ топей и болотъ сталъ выростать городъ на удивленье всему свѣту.

Тотчасъ по заложеніи крѣпости на Заячьемъ островѣ, и внутри ея — собора во имя св. Апостоловъ Петра и Павла, приступили къ другимъ постройкамъ на большомъ Березовомъ островѣ (нынѣшней Петербургской сторонѣ), отдѣленномъ отъ перваго протокомъ. Для самого Петра выстроенъ былъ на берегу Невы, въ 300 саженяхъ отъ крѣпости, небольшой голландскій домикъ, всего о двухъ комнаткахъ, съ передней и кухней. Этотъ болѣе чѣмъ скромный дворецъ великаго Государя хранится и донынѣ, какъ святыня, и усердные богомольцы ежедневно посѣщаютъ его для поклоненія находящейся въ часовнѣ при немъ иконѣ Спаса Нерукотворенаго; а рядомъ съ домикомъ Петра Великаго были возведены великолѣпныя палаты царскаго любимца, Меньшикова, назначеннаго тогда петербургскимъ губернаторомъ. Между этими зданіями и крѣпостью построены казармы для солдатъ.

Подъ неусыпнымъ надзоромъ самого Петра и ближайшихъ его помощниковъ, всѣ работы подвигались впередъ съ неостановимою быстротою. Въ тотъ же годъ противоположный берегъ Невы, совершенно очищенный и осушенный, сталъ покрываться постройками частныхъ лицъ и разныхъ служилыхъ людей. Правѣе отъ крѣпости, противъ Васильевскаго острова, прозваннаго такъ отъ жившаго въ то время на немъ рыбака Василья, была заложена большая корабельная верфь или адмиралтейство, а позади его потянулись адмиралтейскія слободы съ жилищами для судорабочихъ и матросовъ.

Старый пріятель русскаго царя въ Амстердамѣ, голландецъ Кальфъ, какъ только до него дошла вѣсть о сдѣланномъ государемъ завоеваніи и что онъ уже укрѣ-

пился при устьяхъ Невы, тотчасъ же снарядилъ корабль съ товарами и послалъ его въ Петербургъ.

Въ ноябрѣ того же 1703 года первое голландское судно вошло въ Неву. На встрѣчу ему вышелъ самъ губернаторъ Меньшиковъ (государь въ это время былъ въ Москвѣ), шкиперъ и весь экипажъ съ великимъ торжествомъ были приняты въ губернаторскомъ дворцѣ, всѣ товары ихъ тотчасъ же раскуплены безъ всякой пошлины и по весьма выгоднымъ цѣнамъ и, Меньшиковъ, зная чѣмъ угодить своему Государю, угостилъ желанныхъ гостей на славу. Кромѣ того, по царскому повелѣнію, въ награду за ихъ приходъ въ Петербургъ, имъ было выдано 500 золотыхъ, съ обѣщаніемъ, что второй корабль получитъ 300, а третій 150 золотыхъ.

X.

Продолженіе войны со шведами.—Взятіе Нарвы.—Построеніе Кронштадта.— Путешествіе по Россіи.—Развитіе фабричной и заводской промышленности. — Работы по строенію Петербурга.—Предупрежденіе толковъ о затмѣніи солнечномъ.—Вступленіе государя во второй бракъ.

Между тѣмъ какъ царь создавалъ изъ болотъ и топей новую чудную столицу своего государства, Шереметевъ продолжалъ отнимать у шведовъ городъ за городомъ по берегу Финскаго залива. Русскія войска, частію подъ предводительствомъ этого полководца, а иногда — и самого государя, овладѣли Копорьемъ, Ямбургомъ, Нарвой, Ревелемъ, Дерптомъ. Нарва, подъ стѣнами которой русскіе получили первый тяжелый урокъ отъ шведовъ, защищалась и теперь съ отчаяннымъ мужествомъ. Комендантъ ея, Горнъ, запершись со своимъ гарнизономъ за крѣпкими городскими стѣнами, несмотря на то, что наши войска, окруживъ городъ со всѣхъ сторонъ, десять дней осыпали его ядрами и производили страшныя опустошенія, несмотря на неоднократныя увѣщанія Петра, лично распоряжавшагося

осадой, не подвергать невинныхъ жителей напраснымъ бѣдствіямъ, ни за что не хотѣлъ сдаваться. Наконецъ, на десятый день русскіе ворвались въ полуразрушенный городъ и солдаты, ожесточенные и упорствомъ шведовъ и мщеніемъ за свое пораженіе въ первой битвѣ подъ Нарвой, разсыпались по всѣмъ улицамъ и, врываясь въ обывательскіе дома, начали грабить и убивать несчастныхъ жителей. Не терпѣвшій напраснаго кровопролитія, государь бросился за остервенившимися убійцами и, чтобы разомъ заставить ихъ опомниться и прекратить безчеловѣчную рѣзню, собственною шпагой закололъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Конечно, столь быстрое и строгое наказаніе разомъ усмирило остальныхъ. Разсказываютъ, что когда, вслѣдъ за этимъ, къ нему былъ приведенъ комендантъ Горнъ, сильно раздраженный Петръ далъ ему пощечину и, бросивъ на столъ свою окровавленную шпагу, воскликнулъ: «Ты одинъ виновенъ въ безполезно пролитой крови! Безъ всякой надежды на помощь, безъ средствъ къ спасенію города, тебѣ давно уже надлежало уступить. Таковы правила войны», и, указавъ на шпагу, продолжалъ: «Смотри! это не шведская, это русская кровь, пролитая мною для спасенія несчастныхъ жителей, которыхъ твое безразсудное упорство подвергло конечной гибели!»

Отражая шведовъ то тамъ, то здѣсь и такимъ образомъ расчищая себѣ дорогу къ морю все болѣе и болѣе, государь въ тоже время не забываетъ великаго множества другихъ дѣлъ, и, какъ орелъ, перелетаетъ съ поля сраженія въ Петербургъ, осматриваетъ работы, ободряетъ и торопитъ строителей, осматриваетъ и собственными руками измѣряетъ глубину Финскаго залива, заботится, какъ бы съ этой стороны загородить ненавистному шведу дорогу къ Петербургу, чертитъ подробный планъ и модель новой морской крѣпости, которая защищала бы входъ въ устья

Невы, и поручаетъ Меньшикову скорѣе строить на островѣ крѣпость по этой модели. Снова бросается въ битву, наноситъ ударъ за ударомъ врагу и, глядишь, царь-богатырь уже на Олонецкихъ заводахъ льетъ пушки, закладываетъ въ Новой Ладогѣ новую корабельную верфь, спускаетъ на воду только что отстроенные корабли въ Воронежѣ, празднуетъ новую побѣду надъ непріятелемъ, ѣдетъ въ Истецъ и въ Липецкъ на желѣзные заводы, собственноручно выковываетъ тамъ пять пудовъ желѣза, пріѣзжаетъ въ Москву и требуетъ отъ хозяина завода за выдѣланное имъ желѣзо платы, какая слѣдуетъ обыкновенному кузнецу. Получивъ заработанныя денежки, могущественный и славнѣйшій самодержецъ россійскій идетъ на рынокъ и покупаетъ себѣ башмаки, въ которыхъ очень ужь нуждался, такъ какъ старыя совсѣмъ износились, и похваляется передъ приближенными обновкой, купленной на трудовую копейку. Изъ Москвы, въ кратковременное пребываніе тамъ царя, ежедневно сыплются на Россію, словно дождь, новыя распоряженія, правила, законы и приказанія, одно благодѣтельнѣе другаго. Указывается, какъ, гдѣ и какими способами добываютъ изъ земли и мѣдную и желѣзную и золотую и серебряную руду. Какъ выдѣлывать изъ своихъ русскихъ металловъ разныя необходимыя государству вещи, покупавшіяся до тѣхъ поръ дорогою цѣною за границею; издаются новыя мѣры для поощренія гражданъ заводить всевозможныя фабрики и для этого запрещается ввозить иностранные товары. Самъ царь не носилъ другихъ матерій, кромѣ выдѣланныхъ на русскихъ фабрикахъ, тоже велитъ дѣлать и своимъ подданнымъ. Невозможно перечесть, сколько добра и для торговли и для промысловъ и вообще для обогащенія Россіи, для усиленія ея могущества, для образованія народнаго, творитъ этотъ великій человѣкъ въ одинъ день, въ одинъ часъ своей необыкновенной жизни, вѣчно ки-

пѣвшей въ работѣ, всегда и вездѣ посвященной исключительно служенію любезному, дорогому отечеству. Самъ первый работникъ, первый труженикъ во всемъ. Петръ всячески старался пріохотить и весь народъ свой къ работѣ. Путешествуя по Россіи, гдѣ бы ни случилось ему быть, какимъ бы важнымъ дѣломъ ни былъ онъ занятъ, онъ непремѣнно посѣтитъ всякую новую мастерскую, фабрику или заводъ. Тамъ сядетъ за ткацкій станокъ и покажетъ, какъ слѣдуетъ ткать, чтобы лучше было, тутъ пообѣдаетъ съ плотниками, опорожнитъ съ ними братскую чарку, въ третьемъ пожалуетъ своимъ посѣщеніемъ фабриканта-купца, потолкуетъ съ нимъ о его нуждахъ, надаетъ хорошихъ совѣтовъ, окажетъ всякую помощь, чтобы дѣло пошло ходчѣе,... и глядишь—точно чудо какое совершилось: у ткача словно вдесятеро и умѣнья и силы и любви къ работѣ прибыло: самъ-де царь-батюшка моей работой не брезгаетъ! и у плотника топоръ зазвенѣлъ веселѣе и купецъ смѣлѣе да пошире зачинаетъ свое фабричное или торговое дѣло,—не боится разориться, коли самъ государь посовѣтовалъ. И такимъ-то манеромъ, бодро и дружно просыпается весь народъ православный и, съ отцемъ-государемъ впереди, встаетъ на великую работу, — на строеніе новаго, и могучаго и славнаго государства россійскаго!

Петербургъ укрѣплялся и обстраивался съ непостижимою быстротою: не прошло и двухъ лѣтъ со времени его заложенія, какъ въ немъ уже было до 40 тысячъ домовъ. Само собою разумѣется, что это не были тѣ огромныя зданія, какія мы видимъ теперь въ Петербургѣ, тѣмъ не менѣе, однакожь, по большей части они были каменные, или, по крайней мѣрѣ, мазанковые, съ красными черепичными крышами, на голландскій манеръ и даже не многіе изъ нихъ деревянные были, по приказанію государя, раскрашены подъ кирпичъ, и строились

по размѣрамъ и плану, составленнымъ самимъ царемъ. Чтобы въ Петербургѣ строилось какъ можно болѣе каменныхъ зданій, было повелѣно на первое время нигдѣ, кромѣ этого города, не строить домовъ изъ камня и затѣмъ установлено, чтобы на каждой баркѣ, приходившей въ Петербургъ, на каждомъ въѣзжавшемъ возѣ непремѣнно привозилось извѣстное число камней, опредѣленнаго вѣса, для построекъ и для мощенія улицъ. Прежде всего стала застраиваться Петербургская сторона, гдѣ, кромѣ тотчасъ же возведенныхъ помѣщеній для важнѣйшихъ должностныхъ лицъ и войска, скоро явились церковь Св. Троицы, Гостиный Дворъ, первыя въ Россіи аптека и австерія,—гостинница, въ которой продавались разныя водки и закуски. Петръ находилъ подобныя заведенія полезными, такъ какъ въ нихъ люди могли сходиться между собою, разсуждать о разныхъ общихъ дѣлахъ и такимъ образомъ мѣняться мыслями. Поэтому, желая пріохотить къ нимъ народъ, онъ въ каждый праздникъ, послѣ обѣдни, самъ заходилъ въ австерію и выпивалъ тамъ рюмку водки, причемъ всѣ присутствовавшіе должны были нисколько не стѣсняться присутствіемъ царя. На другомъ берегу Невы, не много лѣвѣе крѣпости построенъ лѣтній царскій дворецъ и при немъ разведенъ обширный садъ, всякому извѣстный нынѣ подъ именемъ Лѣтняго. Дворецъ этотъ служилъ любимой дачей Петру Алексѣевичу и былъ устроенъ его собственнымъ попеченіемъ великолѣпно: кромѣ множества прекрасныхъ деревьевъ и большихъ широкихъ аллей, здѣсь были большія оранжереи съ лавровыми, апельсинными и лимонными деревьями, птичникъ съ разными рѣдкими птицами и содержались нѣкоторыя четвероногія животныя. Кромѣ того, во многихъ мѣстахъ были разставлены статуи и въ лѣтніе жары, освѣжая воздухъ, высоко били фонтаны.

Каждый могъ посѣщать этотъ садъ совершенно сво-

бодно нетолько въ отсутствіе государя, но и при немъ, и Петръ даже любилъ такія посѣщенія. Часто онъ задавалъ въ немъ великолѣпные праздники своему народу. Всѣ, безъ чиновъ и церемоній, являлись на зовъ своего отца-государя, прогуливались, забавлялись невиданными прежде фонтанами, потѣшными огнями, музыкой и другими нѣмецкими хитростями и угощались радушнымъ хозяиномъ водкой, пивомъ и разными сластями. Между садомъ и берегомъ Невы стояли три длинныя открытыя галлереи, въ которыхъ по большимъ придворнымъ праздникамъ угощались офицеры гвардіи (солдатъ царь самъ подчивалъ въ это время на Царицыномъ лугу). Далѣе по Невѣ, гдѣ теперь домъ Его Высочества Принца Ольденбургскаго, былъ построенъ первый въ Россіи почтовый домъ, въ которомъ, кромѣ содержанія почты, былъ и постоялый дворъ, гдѣ останавливались пріѣзжіе до пріисканія квартиры. Здѣсь же царь устраивалъ зимою свои придворные праздники. На Адмиралтейской площади находился рынокъ съ молочнымъ разноснымъ торгомъ, и по воскреснымъ днямъ здѣсь происходили жестокіе кулачные бои. Прямо отъ площади тянулась терявшаяся въ пространствѣ длинная и широкая улица, усаженная въ нѣсколько рядовъ деревьями,—нынѣшній Невскій проспектъ, съ домиками мастеровъ и рабочихъ, но, впрочемъ, тогда еще мало населенная. По другую сторону Лѣтняго сада, на противоположномъ берегу Фонтанки находился на мѣстѣ нынѣшнихъ зданій—Училища Правовѣдѣнія и Соляного городка—сытный дворъ, на которомъ хранились припасы для дворца, и придворный огородъ. Далѣе, въ разныя стороны шли обывательскіе дома и разныя казенныя постройки, изъ которыхъ намъ важно замѣтить учрежденныя Петромъ богадѣльни для престарѣлыхъ и убогихъ женщинъ и госпиталь для больныхъ солдатъ.

Сначала русскіе очень неохотно переселялись въ Пе-

тербургъ. Кромѣ того, что всякому тяжело подняться со своего родимаго, насиженнаго мѣста, многихъ пугали и неудобства и неизбѣжныя потери при переселеніи и молва о дурномъ климатѣ и скудости почвы петербургской. Однакожь, когда самъ царь и всѣ окружающіе его и войско и разныя должностныя лица переѣхали въ Петербургъ на постоянное житье, дворяне, частію по собственной охотѣ быть поближе къ царю, частію по его приказу, купцы и разный промышленный народъ, ради большой наживы въ новомъ городѣ, гдѣ все можно было продавать гораздо дороже и, наконецъ, рабочій народъ—для заработковъ и по указу государеву, —все это потянулось на новоселье,—и скоро на берегахъ Невы закипѣла обыкновенная городская жизнь. Къ тому же, самъ царь всячески поощрялъ своихъ подданныхъ переселяться и обстраиваться на новомъ мѣстѣ. Всякій могъ выбирать себѣ любое мѣсто совершенно свободно и безплатно, и каждый, какой бы онъ простой человѣкъ ни былъ, могъ смѣло просить великаго государя къ себѣ на закладку новаго дома, и государь охотно ѣхалъ, выпивалъ рюмку водки, милостиво поздравляя хозяина и благодаря его, и такая честь сильно заохочивала къ построенію домовъ. Въ то же время Петербургъ съ каждымъ днемъ принималъ все болѣе и болѣе европейскій видъ и въ немъ заводились всевозможныя приспособленія и учрежденія, видѣнныя царемъ за-границей и необходимыя для удобства, для здоровья и безопасности, а главное — для образованія народнаго. Явилось постоянное освѣщеніе улицъ фонарями, пожарные инструменты, строгія запрещенія выбрасывать на улицы нечистоты, сады, госпитали и богадѣльни, училища, типографіи, почта для разсылки писемъ, — словомъ, по волѣ государя, какъ заботливаго отца о счастіи своихъ дѣтей, все истинно полезное разомъ было пересажено къ намъ изъ Европы и стало быстро прививаться

и приносить благіе плоды. Больше всего при этомъ Петръ заботился объ уничтоженіи въ народѣ разныхъ нелѣпыхъ повѣрій и толковъ, о распространеніи въ немъ правильныхъ понятій обо всемъ его окружающемъ. Такъ, между прочимъ, когда въ 1706 году должно было произойти сильное затмѣніе, происходящее, какъ извѣстно, отъ того, что луна, вмѣстѣ съ землею постоянно вертящаяся вокругъ солнца, становится между нимъ и земнымъ шаромъ и такимъ образомъ загораживаетъ отъ насъ свѣтъ солнечный, то царь, зная, что народъ принимаетъ это обыкновенное явленіе природы за какое-то страшное чудо, по его понятіямъ предвѣщающее конецъ міра, и потому приходитъ въ сильное смятеніе, разсылаетъ по всему государству разъясненія и приказанія всѣмъ начальствующимъ лицамъ растолковывать заранѣе темнымъ людямъ истинную причину солнечныхъ затмѣній и приготовить къ нему народъ, чтобы онъ успокоился и повиновался.

Между тѣмъ, посреди столь многочисленныхъ трудовъ и работъ, государь оставался одинъ, не имѣя необходимаго человѣку счастія семейной жизни, и часто подумывалъ о подругѣ, которая была бы способна понимать его мысли, раздѣлять ихъ и если не помогать, то по крайней мѣрѣ хоть не мѣшать ихъ выполненію. Трудно было ему сыскать такую женщину между русскими дѣвицами, никогда ничему не учившимися, проводившими всю жизнь свою въ запертыхъ теремахъ съ мамушками да сѣнными дѣвушками, но особенный случай помогъ царю въ этомъ дѣлѣ. Въ домѣ царскаго любимца, Меньшикова, жила молодая дѣвушка, бывшая воспитанница нѣмецкаго пастора Глюка, взятая въ плѣнъ при покореніи города Маріенбурга, по имени Екатерина. Чѣмъ болѣе Петръ, отличавшійся умѣньемъ понимать людей, приглядывался къ этой дѣвушкѣ, чѣмъ чаще заговаривалъ съ ней, тѣмъ

болѣе нравилась она ему и своимъ свѣтлымъ умомъ, и пріятнымъ нравомъ, и познаніями, рѣдкими въ женщинѣ того времени, и онъ рѣшился избрать ее себѣ въ супруги. И вотъ, не желая отрывать ни себя ни другихъ отъ занятій въ то горячее рабочее время, и также, какъ добрый хозяинъ, избѣгая всякихъ расходовъ на пиры и торжественныя церемоніи, когда государство сильно нуждается въ деньгахъ, великій царь, въ сумерки зимняго вечера, со своей нареченной и въ сопровожденіи одного только петербургскаго коменданта Брюса, отправился въ саняхъ, запряженныхъ въ одну лошадь, въ какую-то уединенную церковь, близъ Петербурга, гдѣ и обвѣнчался безъ всякой пышности и блеска. Всѣ занятія, всѣ ежедневныя безчисленныя попеченія не прерывались ни на минуту по случаю этого событія. Спѣша сооруженіемъ флота, царь тотчасъ же послѣ сватьбы чуть не ежедневно ѣздилъ въ Кронштадтъ и на море, обучая своихъ моряковъ-новобранцевъ. Но зато какъ повеселѣлъ теперь, пріунывшій было въ одиночествѣ Петръ Алексѣевичъ, видно изъ слѣдующаго письма его къ Головину, которое онъ писалъ ему съ моря, вскорѣ по вступленіи въ бракъ: «*Свать, люли, буди здравъ! Письмо твое намъ отдано; зѣло намъ жаль, что ты не былъ съ нами (на морѣ). понеже вѣтры гораздо были великіе, можно бы гораздо на морѣ пить люли; а что ты, сватушка. пишешь, что замерзли корабли, то врешь: замерзла вода и та не вся.... Еще возвѣщаю тебѣ, сватушка, что мы скоро ѣдемъ къ Москвѣ, и кой часъ пріѣду, тотчасъ куплю сватьѣ поняву полосатую*».

XI.

Борьба со шведами внутри Россіи.—Мазепа.—Полтавскій бой и его послѣдствія.—Болѣзнь Петра и его труды въ это время.—Ништадтскій миръ.—Празднованіе его и поднесеніе Петру титуловъ Императора, Отца отечества и Великаго.

Крѣпко закручинились Шведы, когда увидѣли, что пришлось имъ отдать все поморье Балтійское русскому богатырю безповоротно, что богатырь этотъ не только вырвалъ у нихъ изъ рукъ старинную ихъ добычу, — водскую пятину, но заставилъ ихъ, за прежніе грабежи, поплатиться еще и собственнымъ достояніемъ, и стали они придумывать, какъ бы осилить нашего царя, какъ бы заставить возвратить отнятое. Много разъ пытались они уничтожить молодое наше войско, снова овладѣть завоеванными Петромъ мѣстами, подходили и съ моря и съ суши, но все напрасно: наши солдатики со своими храбрыми генералами, а не то и съ самимъ царемъ, при первой встрѣчѣ, что молодые но уже оперившіеся орлята, бросались на непріятеля и поражали его то тамъ то здѣсь, не давая опомниться. Наконецъ, неугомонный и ни за что не хотѣвшій покориться, король шведскій рѣшается вотъ

на какое средство—отвлечь непобѣдимаго русскаго царя отъ береговъ Невы и помѣряться съ нимъ силами въ другомъ мѣстѣ.

Гетманъ малороссійскій, Мазепа, писалъ Карлу XII, чтобы онъ шелъ со своимъ войскомъ, черезъ Польшу, въ Малороссію, обѣщая тамъ присоединиться къ нему со всѣми своими казаками, общими силами, совершенно истребить русскія войска, овладѣть городами и такимъ образомъ принудить Петра не только возвратить все, завоеванное имъ у шведовъ, но и согласиться на какія угодно условія, за что, въ свою очередь, Мазепа просилъ Карла помочь ему совершенно отдѣлить Малороссію отъ Россіи и сдѣлаться независимымъ отъ русскаго царя малороссійскимъ государемъ. Этимъ-то предложеніемъ задумалъ воспользоваться молодой, чрезвычайно воинственный, но опрометчивый и легковѣрный король Швеціи. Но прежде, чѣмъ разсказывать это дѣло, необходимо пояснить, какіе такіе гетманы были въ Малороссіи, что за человѣкъ былъ Мазепа и съ какой стати вздумалось ему помогать врагу своего законнаго государя и отдѣлять Малороссію.

Малороссія или Украйна, въ которой жило тогда вольное казачество, управлялось своими собственными, гетманами, т. е. начальниками, до Алексѣя Михайловича по выбору самихъ казаковъ, а съ этого времени, по назначенію царскому. Въ началѣ царствованія Петра такимъ гетманомъ былъ Самойловичъ, избравшій себѣ въ помощники, по ихнему въ геперальные есаулы, удалаго въ битвахъ и смышленаго въ совѣтѣ Ивана Мазепу, еще въ молодости выгнаннаго изъ Польши за разныя продѣлки, и съ тѣхъ поръ уже состарѣвшагося между украинскими казаками. Этотъ ловкій и хитрый выходецъ оклеветалъ передъ царемъ своего начальника и благодѣтеля и, вкравшись въ довѣріе къ Петру, самъ былъ назначенъ

гетманомъ. Вотъ какъ изображаетъ этого человѣка славный русскій сочинитель, Пушкинъ:

.....Чѣмъ Мазепа злѣй,
Чѣмъ сердце въ немъ хитрѣй и ложнѣй,
Тѣмъ свиду онъ неосторожнѣй
И въ обхожденіи простѣй.
Какъ онъ умѣетъ самовластно
Сердца привлечь и разгадать,
Умами править безопасно,
Чужія тайны разрѣшать!
Съ какой довѣрчивостью лживой,
Какъ добродушно на пирахъ
Со старцами старикъ болтливый
Жалѣетъ онъ о прошлыхъ дняхъ,
Свободу славитъ съ своевольнымъ,
Поноситъ власти съ недовольнымъ,
Съ ожесточеннымъ слезы льетъ,
Съ глупцомъ разумну рѣчь ведетъ!
Немногимъ, можетъ быть, извѣстно,
Что духъ его неукротимъ,
Что радъ и честно и безчестно
Вредить онъ недругамъ своимъ;
Что ни единой онъ обиды,
Съ тѣхъ поръ какъ живъ, не забывалъ,
Что далеко преступны виды
Старикъ надменный простиралъ,
Что онъ не вѣдаетъ святыни,
Что онъ не помнитъ благостыни,
Что онъ не любитъ ничего,
Что кровь готовъ онъ лить какъ воду,
Что презираетъ онъ свободу,
Что нѣтъ отчизны для него.
Издавна умыселъ ужасный
Взлелѣялъ тайно злой старикъ
Въ душѣ своей; но взоръ опасный,
Враждебный взоръ его проникъ.

*

Дѣйствительно, злой, хитрый и непомѣрно честолюбивый старикъ задумалъ ужасное дѣло: домогаясь въ ненасытной гордости своей все большаго и большаго возвышенія, онъ захотѣлъ взбунтовать Малороссію противъ его законнаго царя и, при помощи Карла XII-го, изъ подданнаго, облагодѣтельствованнаго своимъ государемъ, сдѣлаться независимымъ правителемъ Украйны и возложить на свою преступную голову вѣнецъцарскій. Петръ, не допуская въ своей благородной душѣ возможности такой гнусной измѣны въ человѣкѣ, котораго онъ осыпалъ своими милостями, хотя ему и доносили объ этомъ, смѣло полетѣлъ съ своимъ войскомъ къ Полтавѣ, на встрѣчу Карлу, пробиравшемуся туда же черезъ польскія владѣнія. У Карла были искусные, опытные полководцы — Левенгауптъ, Рейншильдъ, Роденъ, Шлиппенбахъ и друг., но и русскимъ войскомъ, уже навыкшимъ къ битвамъ, уже небоявшимся, какъ прежде, шведовъ, командовали, кромѣ яснаго ихъ сокола, Петра Алексѣевича, его молодые, но уже научившіеся побѣждать врага, генералы — Рѣпнинъ, Шереметевъ, любимецъ царскій, изъ простаго безроднаго юноши сдѣлавшійся впослѣдствіи по неограниченной милости къ нему царя, первымъ послѣ него человѣкомъ, чуть не властелиномъ въ государствѣ,— Александръ Даниловичъ Меньшиковъ, и еще нѣсколько иностранныхъ искусныхъ полководцевъ, призванныхъ Петромъ въ русскую службу, какъ напр. Брюсъ и Боуръ.

Двадцать седьмаго іюня 1709 года, оба противника встрѣтились лицомъ къ лицу на берегу р. Ворсклы, верстахъ въ четырнадцати отъ Полтавы, и съ разсвѣтомъ этого незабвеннаго для каждаго русскаго дня, началось великое побоище съ исконнымъ врагомъ нашимъ.

Горитъ востокъ зарею новой.
Ужь на равнинѣ, по холмамъ
Грохочутъ пушки. Дымъ багровый
Клубами всходитъ къ небесамъ
Навстрѣчу утреннимъ лучамъ.
Полки ряды свои сомкнули;
Въ кустахъ разсыпались стрѣлки;
Катятся ядра, свищутъ пули;
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые побѣды,
Сквозь огнь окоповъ рвутся Шведы;
Волнуясь, конница летитъ;
Пѣхота движется за нею
И тяжкой твердостью своею
Ея стремленія крѣпитъ.
И битвы поле роковое
Гремитъ, пылаетъ здѣсь и тамъ;
Но явно счастье боевое
Служить ужь начинаетъ намъ.
Пальбой отбитыя дружины,
Мѣшаясь, падаютъ во прахъ,
Уходитъ Розенъ сквозь тѣснины;
Сдается пылкій Шлиппенбахъ.
Тѣснимъ мы Шведовъ рать за ратью;
Темнѣетъ слава ихъ знаменъ,
И Бога браней благодатью
Нашъ каждый шагъ запечатлѣнъ.
Тогда-то свыше вдохновенный
Раздался звучный гласъ Петра:
«За дѣло, съ Богомъ!» Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ.
Движенья быстры. Онъ прекрасенъ,
Онъ весь — какъ Божія гроза.
Идетъ. Ему коня подводятъ...
Ретивъ и смиренъ вѣрный конь,

Почуя роковой огонь,
Дрожитъ.. Глазами косо водитъ
И мчится въ прахѣ боевомъ,
Гордясь могущимъ сѣдокомъ.
Ужь близокъ полдень. Жаръ пылаетъ.
Какъ пахарь, битва отдыхаетъ.
Кой-гдѣ гарцуютъ казаки.
Ровняясь, строятся полки.
Молчитъ музыка боевая.
На холмахъ пушки, присмирѣвъ,
Прервали свой голодный ревъ.
И се,—равнину оглашая
Далече грянуло ура:
Полки увидѣли Петра.

И онъ промчался предъ полками,
Могущъ и радостенъ какъ бой;
Онъ поле пожиралъ очами.
За нимъ во слѣдъ неслись толпой
Сіи птенцы гнѣзда Петрова —
Въ премѣнахъ жребія земнаго,
Въ трудахъ державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметевъ благородный,
И Брюсъ, и Боуръ, и Рѣпнинъ,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелинъ.

И передъ синими рядами
Своихъ воинственныхъ дружинъ,
Несомый вѣрными слугами,
Въ качалкѣ, блѣденъ, недвижимъ,
Страдая раной, Карлъ явился.
Вожди героя шли за нимъ.
Онъ въ думу тихо погрузился.
Смущенный взоръ изобразилъ
Необычайное волненье:

Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье...
Вдругъ слабымъ маніемъ руки
На Русскихъ двинулъ онъ полки.

И съ ними царскія дружины
Сошлись въ дыму среди равнины...
И грянулъ бой, Полтавскій бой!
Въ огнѣ, подъ градомъ раскаленнымъ,
Стѣной живою отраженнымъ,
Надъ падшимъ строемъ свѣжій строй
Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся сплеча.
Бросая груды тѣлъ на груду,
Шары чугунные повсюду
Межь ними прыгаютъ, разятъ,
Прахъ роютъ и въ крови шипятъ.
Шведъ, Русскій — колетъ, рубитъ, рѣжетъ.
Бой барабанный, клики, скрежетъ.
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ,
И смерть и адъ со всѣхъ сторонъ.
Но близокъ, близокъ мигъ побѣды...
Ура! мы ломимъ; гнутся шведы.
О славный часъ! о славный видъ!
Еще напоръ — и врагъ бѣжитъ,
И слѣдомъ конница пустилась,
Убійствомъ тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась,
Какъ роемъ черной саранчи. *(Пушкинъ).*

Да, страшное, кровавое было это побоище. Дорого поплатились шведы за всѣ причиненныя намъ обиды, за всѣ свои злые умыслы противъ нашего царя и Россіи: больше десяти тысячъ полегло ихъ на мѣстѣ. Карлъ же-

стоко обманулся во всѣхъ своихъ надеждахъ: вмѣсто неопытныхъ и робкихъ русскихъ новобранцевъ онъ встрѣтилъ храброе, уже хорошо обученное войско, готовое умереть за своего обожаемаго государя; обѣщанная Мазепой помощь не состоялась: вся Украйна осталась вѣрною своему долгу и въ шведскій станъ явилась съ гетманомъ только небольшая горсть измѣнниковъ. Самъ повелитель шведовъ едва не попался въ плѣнъ, и вотъ, спасая собственную жизнь и бросивъ остатки разбитаго войска,

Верхомъ, въ глуши степей нагихъ,
Король и гетманъ мчатся, оба.
Бѣгутъ. Судьба связала ихъ!
Опасность близкая и злоба
Даруютъ силу королю:
Онъ рану тяжкую свою
Забылъ. Поникнувъ головою,
Онъ скачетъ, русскими гонимъ,
И слуги вѣрные толпою
Чуть могутъ слѣдовать за нимъ.

А въ это время, отслуживъ на полѣ сраженія благодарственное молебствіе за дарованную Богомъ побѣду,

Пируетъ Петръ. И гордъ и ясенъ
И славы полонъ взоръ его.
И царскій пиръ его прекрасенъ
При кликахъ войска своего.
Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ,
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ. *(Пушкинъ).*

И какъ добръ, какъ великодушенъ былъ русскій царь къ несчастнымъ плѣнникамъ шведскимъ! Онъ посадилъ ихъ генераловъ за свой царскій столъ, ласкалъ и утѣ-

шалъ ихъ фельдмаршала Рейншильда, хвалилъ его храбрость и, въ знакъ своего особеннаго уваженія, подарилъ ему свою шпагу.

Похоронивъ убитыхъ на полѣ сраженія, государь велѣлъ, въ вѣчное воспоминаніе о доблестныхъ воинахъ, павшихъ за честь своей родины, насыпать высокій курганъ и водрузилъ на немъ собственными руками крестъ, со слѣдующей надписью: «Воины благочестивые за благочестіе кровію вѣнчавшіеся, лѣта отъ воплощенія Бога Слова 1709, іюня 27 дня.»

Славная эта побѣда имѣла огромную важность для нашего отечества: кромѣ того, что она окончательно сломила грозную для насъ прежде силу шведскую и укрѣпила за нами навсегда сдѣланныя Петромъ завоеванія на Балтійскомъ морѣ, столь блистательное пораженіе еще такъ недавно непобѣдимыхъ шведскихъ войскъ доказало всей Европѣ силу и могущество русскаго царя и его Россіи, которая съ этой минуты разомъ стала на ряду первокласныхъ образованныхъ государствъ.

Однакожь, полтавскимъ боемъ война со шведами не кончилась. Необходимо было довершить пораженіе непріятельскихъ войскъ, все еще упорно отстаивавшихъ свои владѣнія по Балтійскому побережью,—и Петръ спѣшитъ снова направить туда свои силы. Между тѣмъ, на возвратномъ пути своемъ, утомленный безпрерывными, тяжелыми трудами, онъ захворываетъ и довольно долго мучится въ страшной лихорадкѣ. Но и въ самомъ разгарѣ изнурительной болѣзни, неутомимый, заботливый о счастіи своихъ подданныхъ государь не только не оставлялъ своихъ безчисленныхъ дѣлъ и разсылалъ повсюду необходимыя распоряженія, но даже собственноручно писалъ письма родственникамъ убитыхъ въ полтавской битвѣ воиновъ, утѣшая ихъ, сколь возможно, въ понесенныхъ ими потеряхъ.

Еще около двѣнадцати лѣтъ продолжалась наша война со шведами, прекратившаяся наконецъ въ 1721 году миромъ, заключеннымъ въ г. Ништадтѣ, по которому всѣ завоеванныя нами мѣста по берегамъ Финскаго залива и Балтійскаго моря,—Эстляндія, Лифляндія и часть Финляндіи, остались за Россіею навсегда. Царь, находившійся тогда на морѣ, какъ только получилъ эту радостную вѣсть, тотчасъ же полетѣлъ съ нею въ Петербургъ. Рано утромъ государь вошелъ на своемъ кораблѣ въ устье Невы, возвѣщая общую радость Россіи звуками трубъ и пушечными выстрѣлами. Народъ, угадывая, что такое необыкновенное шествіе государя означаетъ что-либо особенное, толпами стекался къ Троицкой пристани, гдѣ услышалъ изъ устъ самого царя благодатную вѣсть о мирѣ. Всѣ спѣшили вслѣдъ за великимъ вѣстникомъ въ Троицкую церковь принесть благодареніе Всевышнему. Когда вышли изъ церкви, на площади стояли уже огромныя кади съ виномъ и пивомъ для угощенія народа. Петръ въ Преображенскомъ мундирѣ взошелъ на помостъ, снялъ шляпу, поклонился народу и произнесъ: «Здравствуйте и благодарите Бога, православные, что толикую долговременную войну, которая продолжалась двадцать одинъ годъ, Всесильный Богъ прекратилъ и даровалъ намъ со Швеціей счастливый и славный миръ!» Потомъ, почерпнувъ себѣ стаканъ вина, и воскликнувъ: «Здравствуйте, любезные! да поможетъ намъ Богъ въ мирѣ трудиться для прибытка вашего и облегчить тяжести, понесенныя въ войнѣ. Здравствуете!» выпилъ за здравіе народа. Радостные клики многихъ тысячъ людей потрясли воздухъ и заглушили торжественный громъ орудій.

Вскорѣ послѣ этого счастливаго и славнаго событія высшіе члены государства, желая выразить безпредѣльную признательность всей Россіи своему обожаемому

повелителю за всѣ его великія дѣла, за всѣ благодѣянія, оказанныя народу, поднесли ему въ Троицкомъ Соборѣ, послѣ торжественнаго богослуженія, самое высшее наименованіе, котораго удостоились во всемъ свѣтѣ съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ міръ, только весьма немногіе, славнѣйшіе государи, «*Отца отечества*, *Императора* и *Великаго*. При этомъ всѣ присутствовавшіе въ церкви, а также и народъ, стоявшій на площади, трижды воскликнули: «виватъ!» (да здравствуетъ!) Раздалась торжественная музыка, загремѣли орудія съ крѣпости, съ адмиралтейства и съ множества стоявшихъ на Невѣ судовъ. Государь принялъ эту высокую награду отъ своихъ признательныхъ подданныхъ съ великимъ смиреніемъ, свойственнымъ только истинно великимъ людямъ, и отвѣчалъ благодарственной рѣчью, въ которой все сдѣланное имъ относилъ къ помощи Божіей, и кончилъ пояснеміемъ, что, надѣясь на миръ, слѣдуетъ не ослабѣвать въ воинскомъ дѣлѣ и трудиться о пользѣ и прибыткѣ общемъ для облегченія народа. По окончаніи молебствія, Петръ, со всѣми окружавшими его, вышелъ изъ церкви на площадь.

Радостныя восклицанія несмѣтной толпы народа, громъ пушекъ, колокольный звонъ, звуки трубъ, литавръ и барабановъ, — все слилось въ общій торжественный гулъ, далеко во всѣ стороны разносившій славу Россіи и ея Великаго Императора, и торжественное шествіе двинулось къ Сенату, гдѣ былъ накрытъ столъ на 1000 человѣкъ, а на Сенатской площади стояли, для угощенія народа, жареные быки съ золочеными рогами, наполненные разной жареной дичью, били фонтаны краснаго и бѣлаго вина, и все населеніе Петербурга весело пировало за-полночь. Послѣ обѣда во дворцѣ начался балъ и въ девять часовъ былъ сожженъ великолѣпный фейерверкъ. Былъ представленъ древній языческій храмъ, въ дверяхъ котораго стоялъ освѣщенный синимъ огнемъ идолъ, изобра-

жавшій время и державшій въ одной рукѣ лавровый вѣнокъ (знакъ побѣды), и въ другой — масличную вѣтвь (знакъ мира). Два воина, русскій и шведскій, сходились постепенно съ двухъ сторонъ къ этимъ дверямъ и какъ только они подали другъ другу руки, въ знакъ примиренія, гряпула музыка и залпъ изъ 1000 орудій вдругъ, произведшихъ такой огонь, что, казалось, всѣ крѣпостные валы и самая Нева загорѣлись. Потомъ засвѣтились тысячи разноцвѣтныхъ огней, забили огненные фонтаны, полетѣли ракеты, потѣшныя ядра и много другихъ огненныхъ потѣхъ. Послѣ фейерверка, Петръ съ почетными гостями возвратился въ зданіе Сената, гдѣ пиршество продолжалось далеко за-полночь, между тѣмъ какъ по ярко иллюминованнымъ улицамъ весело гуляли толпы наряженныхъ.

На другой день было объявлено прощеніе казенныхъ долговъ и недоимокъ и освобожденіе всѣхъ содержавшихся въ тюрьмахъ преступниковъ, кромѣ убійцъ. Угощеніе народа, иллюминація, фейерверки и уличные маскерады продолжались нѣсколько дней сряду въ Петербургѣ, а потомъ государь отправился со своими приближенными въ Москву и тамъ происходили такія же празднества и увеселенія.

XII.

Внутреннее устройство Россіи: учрежденіе Сената и Коллегій; пріученіе петербуржцевъ къ мореплаванію; развитіе промышленности; отправленіе крестьянъ за-границу; исправленіе нравовъ; мѣры къ образованію народа. Большая ассамблея во дворцѣ государя.

Какъ ни продолжительна, какъ ни тягостна была война шведская, государь не оставлялъ ни на минуту своихъ постоянныхъ, неусыпныхъ заботъ о внутреннемъ устройствѣ Петербурга, а съ нимъ и всей Россіи, на новый ладъ. Съ каждымъ днемъ являлись все новыя и новыя улучшенія въ управленіи государственномъ, въ положеніи народа, въ его образованіи, торговлѣ и промышленности, нравахъ и обычаяхъ. Для управленія государствомъ во время царскихъ отлучекъ было учреждено спачала въ Москвѣ, а потомъ вскорѣ перенесено въ Петербургъ, высшее правительственное мѣсто,—Сенатъ, въ который назначены сенаторами знатнѣйшіе и пользовавшіеся особымъ довѣріемъ государя вельможи. Во время отсутствія Петра изъ Петербурга сенатъ пользовался царскою властію и даже во время его пребыванія въ сто-

лицъ, рѣшалъ общимъ совѣщаніемъ, по большинству голосовъ, всѣ важнѣйшія дѣла. Вмѣсто прежнихъ дьяковъ и подъячихъ, завѣдывавшихъ разными дѣлами по своему собственному усмотрѣнію и потому творившихъ множество злоупотребленій изъ собственной корысти, непониманія дѣла, или просто отъ лѣни и безпечности, учреждены различныя Коллегіи, числомъ двѣнадцать, каждой изъ нихъ предоставлено вѣдать свою особую часть: одной—дѣла судныя, другой—хозяйственныя и денежныя, третьей - торговыя и такъ далѣе; и всякое дѣло рѣшалось въ нихъ не иначе, какъ по общему совѣщанію всѣхъ членовъ той или другой коллегіи.

Петербургъ прежде всего долженъ быть приморскимъ городомъ, военнымъ и торговымъ портомъ Россіи,—и царь, учредивъ здѣсь и на Ладожскомъ озерѣ обширныя корабельныя верфи, всячески старается пріучить жителей къ морскому дѣлу, сдѣлать изъ нихъ искусныхъ и опытныхъ мореходовъ. Для этого онъ повелѣваетъ выдать имъ изъ казны разныя мелкія парусныя и гребныя суда и каждое воскресенье, послѣ обѣдни, съ поднятіемъ флаговъ въ шести мѣстахъ города, всѣ владѣльцы такихъ судовъ должны были выѣзжать на Неву и подъ предводительствомъ особаго начальника этой флотиліи, *Невскаго адмирала*, лавировать по рѣкѣ и дѣлать всевозможныя морскія упражненія впродолженіе нѣсколькихъ часовъ, до тѣхъ поръ пока коммисаръ не спуститъ своего флага. Богатые вельможи выѣзжали обыкновенно со своей домашней музыкой, и въ хорошую лѣтнюю погоду такія водяныя прогулки были очень пріятны и веселы. Но въ поздніе осенніе бури, да когда еще флотилія должна была отправляться на взморье, до самаго Кронштадта, многимъ непривычнымъ людямъ становилось куда какъ жутко.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Петръ неусыпно трудился и объ улучшеніи народнаго хозяйства и благосостоянія; о рас-

ширенiи всевозможныхъ промысловъ и ремеслъ. Какъ онъ заботился объ умноженiи въ Россiи фабрикъ и заводовъ, видно уже изъ того, что до него во всемъ государствѣ было только двѣ бумажныя фабрики, два стеклянныхъ и нѣсколько желѣзныхъ заводовъ, а при немъ въ одномъ Петербургѣ дѣйствовало уже тридцать восемь подобныхъ заведенiй, въ Москвѣ—тридцать девять, а по всей Россiи ихъ насчитывалось до двухсотъ тринадцати. Большая часть этихъ фабрикъ явилась въ нашемъ отечествѣ въ первый разъ и русскiе стали выдѣлывать на нихъ множество такихъ предметовъ, о которыхъ еще не давно не имѣли понятiя, или которые добывались ими изъ чужихъ краевъ за весьма дорогую цѣну. Такъ, у насъ завелись шпалерныя фабрики, позументныя, зеркальныя, шелковыя; особенно же заботился государь объ умноженiи суконныхъ фабрикъ, полотняныхъ и заводовъ кожевенныхъ, желѣзныхъ и литейныхъ, какъ наиболѣе необходимыхъ. Чтобы пріохотить людей какъ можно болѣе къ этимъ занятiямъ, былъ изданъ законъ, по которому всѣ мастера, работники и крестьяне, приписанные къ фабрикамъ, освобождались отъ податей, военной службы и дома ихъ были избавлены отъ воинскаго постоя.

Посылая молодыхъ дворянъ въ чужiе краи учиться разнымъ наукамъ, государь выбираетъ способнѣйшихъ людей и изъ простаго званiя и отправляетъ кого въ Англiю, кого къ нѣмцамъ, кого въ Голландiю, и каждому даетъ на дорогу подробное наставленiе: тамъ учись слесарному дѣлу, здѣсь токарному, тамъ корабельному и такъ далѣе ... всѣмъ задаетъ работу неугомонный заботливый царь и самъ ни на минуту не остается безъ дѣла.

Видитъ Петръ, что русская земля богата всякими металлами: золотомъ, серебромъ, желѣзомъ и мѣдью, только добывать ихъ русскiе не умѣютъ,—и вотъ онъ самъ изучаетъ

за-границею горное дѣло, спускается тамъ въ глубокія и темныя рудокопни и, возвратясь въ Россію, паучаетъ этому дѣлу своихъ подданныхъ, «*дабы Божіе благословеніе подъ землею втунѣ не осталось,*» какъ сказано въ Высочайшемъ указѣ Петра объ устройствѣ горныхъ заводовъ.

Этотъ удивительный человѣкъ, съ утра до ночи занятый самыми важнѣйшими дѣлами государственными, въ тоже время обращаетъ вниманіе и на множество самыхъ обыкновенныхъ житейскихъ предметовъ, коль скоро они касаются благополучія его любезнаго народа. Нѣтъ возможности перечислить здѣсь всѣ заботы и распоряженія царя, клонившіяся къ увеличенію этого благополучія. Замѣтивъ, напр., что употребляемый въ Лифляндіи способъ съемки хлѣба съ полей маленькими косами съ граблями гораздо спорѣе и выгоднѣе русскаго, онъ тотчасъ разсылаетъ по нѣскольку лифляндскихъ жнецовъ въ хлѣбороднѣйшія мѣста Россіи для обученія нашихъ крестьянъ этому способу; затѣмъ, издаетъ строгія правила о сохраненіи лѣсовъ, въ особенности дубовыхъ, улучшаетъ овцеводство, выписывая изъ Саксоніи опытныхъ овцеводовъ и тонкошерстныхъ овецъ, на обильныхъ и тучныхъ пастбищахъ холмогорскихъ въ Архангельской губерніи разводитъ прекрасный рогатый скотъ англійской и голландской породы; собственными руками сажаетъ въ Петербургѣ и Ревелѣ деревья и тѣмъ поощряетъ жителей къ разведенію садовъ, какъ весьма полезныхъ для очищенія воздуха и украшающихъ мѣстность. Заботливость его о своихъ подданныхъ доходила даже до мелочей; напр. царь замѣчаетъ, что крестьяне въ Финляндіи не умѣютъ дѣлать себѣ хорошей обуви,— и тотчасъ же посылаетъ къ нимъ русскихъ для обученія ихъ плетенію лаптей.

Но все это способствовало только наружному благополучію русскихъ и дѣлало ихъ жизнь удобнѣе, богаче,

пріятнѣе и только по своей обстановкѣ похожею на жизнь образованныхъ европейскихъ народовъ. Еще важнѣе неусыпныя попеченія государя объ умственномъ образованіи своего народа, о томъ, чтобы подданные его не по наружности только, но и по своимъ понятіямъ, познаніямъ и обычаямъ походили на европейцевъ. Для этого въ Петербургѣ быстро, одно за другимъ, учреждаются училища для приготовленія образованныхъ священниковъ, свѣдущихъ офицеровъ и для разныхъ должностей чиновниковъ, ученыхъ мастеровъ и такъ далѣе; устраиваются типографіи и въ нихъ печатаются разныя полезныя книги. Изъ-заграницы привозится огромнѣйшій шаръ, изображающій землю, внутри котораго можно было ходить по лѣсенкамъ и разсматривать, какъ земля, вмѣстѣ съ луною, вертятся вокругъ солнца и другихъ планетъ; устраивается особое заведеніе, *кунсткамера*, въ которое государь повелѣлъ собирать отовсюду, гдѣ только можно достать, разныя рѣдкости и всякіе замѣчательные предметы, которые могли бы обогащать народъ полезными свѣдѣніями.

Все, что носило на себѣ слѣдъ грубой и нерѣдко жестокой старины, Петръ старался искоренять въ своемъ народѣ и пріучать его къ болѣе человѣколюбивому обращенію другъ съ другомъ, къ уваженію человѣческаго достоинства и къ любви къ ближнему. Такъ, онъ отмѣнилъ старинный безчеловѣчный обычай, извѣстный подъ названіемъ *правежа* и состоявшій въ томъ, что должника, не заплатившаго въ срокъ своего долга, выводили съ босыми ногами на площадь и били прутьями по пятамъ впродолженіе нѣсколькихъ часовъ. Это наказаніе повторялось ежедневно до тѣхъ поръ, пока кто нибудь, сжалившись надъ несчастнымъ, не заплатитъ его долгъ. Жестокое обращеніе господъ съ прислугою преслѣдовалось царемъ безпощадно и, для строгаго примѣра другимъ, онъ ссылаетъ

одного такого барина на каторжныя работы, за тяжкіе побои; нанесенные имъ своему слугѣ.

Но чаще, вмѣсто строгости и наказаній, царь употреблялъ для исправленія нравовъ и уничтоженія слѣпой привязанности ко всему старинному, какъ бы оно глупо или дурно ни было, другія, болѣе дѣйствительныя, мѣры. Онъ старался, напримѣръ, представить тѣ или другія дурныя привычки русскихъ въ смѣшномъ видѣ всенародно, и многіе, потѣшаясь надъ недостатками, которыхъ были не чужды и сами, незамѣтно сами собой отставали отъ нихъ. Напримѣръ, Петръ устроилъ въ своемъ дворцѣ большой пиръ такимъ образомъ, что въ одной залѣ были гости, одѣтые въ новыя европейскія платья, и ихъ угощали совершенно на европейскій ладъ, разными очень вкусными заморскими кушаньями, напитками и лакомствами, а въ другой—гости, одѣтые въ старинныя русскія одежды, заткапныя золотомъ и серебромъ, чрезвычайно дорогія, неловкія и тяжелыя, сидѣли за столомъ, убраннымъ по старинному, и имъ подносили простую русскую водку, горькую брагу, да разныя медовыя и паточныя сласти.

Многимъ не понравилось такое угощеніе, всѣ поняли, съ какой цѣлью оно было устроено, и намотали себѣ на усъ.

Работая неутомимо самъ и заставляя также работать и другихъ, государь часто устраивалъ своимъ подданнымъ разныя потѣхи. Многія изъ нихъ были чрезвычайно необыкновенны и, по всей вѣроятности, нѣкоторыя изъ нихъ, кромѣ простаго развлеченія, также служили къ осмѣянію разныхъ слабостей русской старины и къ ознакомленію народа съ иноземными нравами, обычаями и понятіями. Такъ, старому своему наставнику, Никитѣ Моисеевичу Зотову, Петръ далъ прозваніе князя—папы и когда въ 1715 году Зотовъ, будучи уже 84-хъ лѣтъ, за-

думалъ жениться на 34-хъ лѣтней вдовѣ, государь устроилъ по этому случаю весьма забавный маскарадъ. Царь самъ сочинилъ смѣхотворное приглашеніе, въ которомъ, между прочимъ, шутилъ такимъ образомъ: «*Позвать вѣжливо, особливымъ манеромъ, неторопясь: того, кто фамиліей своей гораздо старье черта (т. е Оберъ-Корщика Маразина), лучшаго изъ пустыхъ хвастуновъ; Бѣлохвостова, который, кромѣ души, весь въ заплатахъ; того, кто съ похмѣлья гораздо прытокъ ...*» и такъ далѣе. Всѣ знатнѣйшія лица обоихъ половъ, въ числѣ 400 человѣкъ, разряженныя въ платья всевозможныхъ народовъ, съ самыми разнообразными музыкальными инструментами, дамы съ красными дудочками, принимали участіе въ этомъ маскарадѣ. Въ день свадьбы, все торжественное шествіе, съ женихомъ впереди, двинулось по улицамъ Петербурга. Знатныя дамы ѣхали въ большихъ линейкахъ о шести лошадяхъ, жениха и невѣсту вели четыре престарѣлыхъ человѣка, а впереди шли въ платьѣ скороходовъ четверо дотого толстыхъ мужчинъ, что ихъ самихъ надо было вести подъ руки. Между участниками этого шутовскаго поѣзда находился и самъ государь въ матросскомъ платьѣ. Священнику, вѣнчавшему эту чету, было болѣе 90 лѣтъ. Изъ церкви тѣмъ же порядкомъ всѣ отправились въ домъ новобрачныхъ и тамъ угощались на славу. На другой день молодыхъ развозили по улицамъ Петербурга съ такой же церемоніей, какъ и наканунѣ, и было выставлено вино и разныя кушанья для народа.

Извѣстно, что до Петра Великаго русскіе очень трудно сообщались между собою, а жили больше каждый самъ по себѣ, особнякомъ, въ своихъ теремахъ. Только близкіе знакомые сходились другъ у друга, разговаривали только о своихъ собственныхъ дѣлахъ, и ни до чего другого имъ дѣла не было. Женщины вовсе не допускались въ мужскую бесѣду; только развѣ для самаго почетнаго

гостя выйдетъ, бывало, въ застольную хозяйка сама, поднесетъ ему, въ знакъ особеннаго уваженія, съ низкимъ поклономъ, чарку вина и тотчасъ же опять скроется. Мужчины въ холостомъ кругу большею частью только пьянствовали, и мало было толку отъ ихъ бесѣдъ. Петръ Алексѣевичъ, чтобы пріучить русскихъ сходиться между собою въ досужее время,—знакомы ли они между собою или нѣтъ, все равно,—передавать другъ другу разныя новости и полезныя свѣдѣнія, обсуждать сообща всякія дѣла, да мѣняться мыслями, повелѣваетъ устраивать въ разныхъ мѣстахъ Петербурга *австеріи*, или гостинницы, и продавать въ нихъ вино, табакъ, пиво и прочіе напитки, также держать карты, шахматы и другія игры, для простой забавы, но отнюдь не для азартнаго обыгрыванія другъ друга. Чтобы пріохотить своихъ подданныхъ къ посѣщенію этихъ австерій, Царь самъ нерѣдко заходитъ въ нихъ, выпиваетъ чарку водки и толкуетъ съ офицерами и иностранными купцами и мастерами о разныхъ дѣлахъ. Всѣмъ семейнымъ людямъ давно уже было запрещено прятать своихъ женъ и дочерей въ теремахъ, но велѣно допускать ихъ совершенно свободно въ мужское общество. Знатнымъ вельможамъ государь повелѣваетъ устраивать у себя по нѣскольку разъ въ годъ увеселительные вечера или *ассамблеи*, какъ ихъ тогда называли, и указаны были для этого особыя правила. Такія ассамблеи обыкновенно начинались въ 4 или въ 5 часовъ по полудни и оканчивались къ 10-ти часамъ вечера. Мужчины и женщины должны были являться на нихъ безъ различія. Хозяину дома не вмѣнялось въ обязанность принимать гостей; онъ даже могъ и не быть дома, если дѣла того требовали, лишь бы въ назначенное время было очищено нѣсколько комнатъ, да приготовлено все необходимое для ассамблеи: столы, свѣчи, прохладительные напитки и разныя игры: карты, шахматы и шашки. Каж-

дый дворянинъ, купецъ, или мастеръ-хозяинъ, могъ свободно являться на такую ассамблею и проводить время, какъ ему вздумается: танцовать, играть, курить, или бесѣдовать за бутылкой вина съ кѣмъ угодно. Государь самъ часто устраивалъ подобныя ассамблеи сначала въ большомъ почтовомъ домѣ, а потомъ въ своемъ зимнемъ дворцѣ.

Вотъ описаніе такой царской ассамблеи:

«Ибрагимъ и К. подъѣхали ко дворцу, множество длинныхъ саней, старыхъ колымагъ и раззолоченныхъ каретъ стояли уже на лугу. У крыльца толпились кучера въ ливреѣ и въ усахъ; скороходы, блиставшіе мишурою, въ перьяхъ и съ булавами; гусары, пажи, неуклюжіе гайдуки, навьюченные шубами и муфтами своихъ господъ,— свита, необходимая по понятіямъ бояръ того времени. При видѣ Ибрагима, поднялся между ними общій шепотъ:— арапъ, арапъ, Царскій арапъ!—Онъ поскорѣе провелъ К. сквозь эту пеструю челядь. Придворный лакей отворилъ имъ двери настежь, и они вошли въ залу. К. остолбенѣлъ.... Въ большой комнатѣ, освѣщенной сальными свѣчами, которые тускло горѣли въ облакахъ табачнаго дыма, вельможи съ голубыми лентами черезъ плечо, посланники, иностранные купцы, офицеры гвардіи въ зеленыхъ мундирахъ, корабельные мастера въ курткахъ и полосатыхъ панталонахъ, толпою двигались взадъ и впередъ при безпрерывномъ звукѣ музыки. Дамы сидѣли около стѣнъ; молодыя убраны были со всею роскошью моды. Золото и серебро сіяли на ихъ робахъ; изъ пышныхъ фижмъ возвышалась, какъ стебель, ихъ узкая талія; алмазы сверкали въ ушахъ, въ длинныхъ локонахъ и около шеи. Онѣ весело повертывались на право и на лѣво, ожидая кавалеровъ и начала танцевъ. Барыни пожилыя старались хитро сочетать новый образъ одежды съ гонимой старинною: чепцы сбивались на соболью шапочку

Царицы Натальи Кирилловны, а робронды и мантильи какъ-то напоминали сарафанъ и душегрѣйку. Казалось, онѣ болѣе съ удивленіемъ, нежели съ удовольствіемъ, присутствовали на сихъ нововведенныхъ игрищахъ и съ досадою косились на женъ и дочерей голландскихъ шкиперовъ, которыя, въ канифасныхъ юбкахъ и въ красныхъ кофточкахъ, вязали свой чулокъ, между собою смѣялись и разговаривали, какъ будто дома. Замѣтя новыхъ гостей, слуга подошелъ къ нимъ съ пивомъ и стаканами на подносѣ. Императрица и Великія Княжны, блистая красотою и нарядами, прохаживались между рядами гостей, привѣтливо съ ними разговаривая. Государь былъ въ другой комнатѣ. К., желая ему показаться, насилу могъ туда пробраться сквозь безпрестанно движущуюся толпу. Тамъ сидѣли большею частію иностранцы, важно покуривая свои глиняныя трубки и опоражнивая глиняныя кружки. На столахъ разставлены были бутылки пива и вина, кожаные мѣшки съ табакомъ, стаканы съ пуншемъ и шахматныя доски. За однимъ изъ нихъ Петръ игралъ въ шашки съ однимъ англійскимъ шкиперомъ. Они усердно салютовали другъ друга залпами табачнаго дыма. Государь такъ былъ озадаченъ нечаяннымъ ходомъ своего противника, что не замѣтилъ К., какъ онъ около нихъ ни вертѣлся. Въ это время толстый господинъ, съ толстымъ букетомъ на груди, суетливо вошелъ, объявилъ громогласно, что танцы начались, и тотчасъ ушелъ; за нимъ послѣдовало множество гостей, въ томъ числѣ и К.

Неожиданное зрѣлище его поразило. Во всю длину танцовальной залы, при звукѣ самой плачевной музыки, дамы и кавалеры стояли въ два ряда другъ противъ друга, кавалеры низко кланялись; дамы еще ниже присѣдали, сперва прямо противъ себя, потомъ поворотясь направо, потомъ налѣво, тамъ опять прямо, опять направо, и такъ далѣе. К., смотря на сіе затѣйливое препровожденіе вре-

мени, таращилъ глаза и кусалъ себѣ губы. Присѣданія и поклоны продолжались около получаса; наконецъ они прекратились, и толстый господинъ съ букетомъ провозгласилъ, что церемоніальные танцы кончились, и приказалъ музыкантамъ играть менуэтъ. К. обрадовался и приготовился блеснуть. Между молодыми гостями одна въ особенности ему понравилась. Ей было около шестнадцати лѣтъ; она была одѣта небогато, но со вкусомъ, и сидѣла подлѣ мужчины пожилыхъ лѣтъ, вида важнаго и суроваго. К. къ ней разлетѣлся и просилъ сдѣлать честь пойти съ нимъ танцовать. Молодая красавица смотрѣла на него съ замѣшательствомъ и, казалось, не знала, что ему сказать. Мужчина, сидѣвшій подлѣ нея, нахмурился еще болѣе. К. ждалъ ея рѣшенія; но господинъ съ букетомъ подошелъ къ нему, отвелъ на середину залы и важно сказалъ: «государь мой, ты провинился, во-первыхъ, подошелъ къ сей молодой персонѣ, не отдавъ ей три должные реверанса, а во-вторыхъ, взялъ на себя самому ее выбрать, тогда какъ въ менуэтахъ право сіе подобаетъ дамѣ, а не кавалеру: сего ради, имѣешь ты быть весьма наказанъ,—именно: долженъ выпить «кубокъ большаго орла». К. часъ отъ часу болѣе дивился. Въ одну минуту гости его окружили, шумно требуя немедленнаго исполненія закона. Петръ, услыша хохотъ и крики, вышелъ изъ другой комнаты, будучи большой охотникъ лично присутствовать при таковыхъ наказаніяхъ. Передъ нимъ толпа раздвинулась, и онъ вступилъ въ кругъ, гдѣ стоялъ осужденный и передъ нимъ—маршалъ ассамблеи съ огромнымъ кубкомъ, наполненнымъ мальвазіей. Онъ тщетно уговаривалъ преступника добровольно повиноваться закону. «Ага!» сказалъ Петръ, увидя К., «попался братъ, изволь же, мосьё, пить и не морщиться». Дѣлать было нечего: бѣдный щеголь, не переводя духу, осушилъ весь кубокъ и отдалъ его маршалу. «Послушай К.,» сказалъ

ему Петръ: «штаны-то на тебѣ бархатные, какихъ и я не пошу, а я тебя гораздо богаче. Это мотовство; смотри, чтобъ я съ тобой не побранился»! Выслушавъ сей выговоръ, К. хотѣлъ выйти изъ круга, но зашатался и чуть не упалъ, къ неописанному удовольствію государя и всей веселой компаніи. Это происшествіе нетолько не повредило общему веселью, но еще болѣе оживило вечеръ. Кавалеры стали шаркать и кланяться, а дамы присѣдать и постукивать каблуками съ большимъ усердіемъ и ужь вовсе не подъ музыку. К. не могъ участвовать въ общемъ весельѣ. Дама, имъ выбранная, по повелѣнію отца своего, Гаврилы Аѳанасьевича Р., подошла къ Ибрагиму и, потупя голубые глаза, робко подала ему руку. Ибрагимъ протанцовалъ съ нею менуэтъ и отвелъ ее на прежнее мѣсто; потомъ, отыскавъ К., вывелъ его изъ залы, посадилъ въ карету и повезъ домой. Дорогою К. сначала невнятно лепеталъ: «проклятая ассамблея!... проклятый кубокъ большаго орла!...» но вскорѣ заснулъ крѣпкимъ сномъ, не чувствовалъ, какъ онъ пріѣхалъ домой, какъ его раздѣли и уложили, и проснулся на другой день съ головною болью, смутно помня шарканья, присѣданія, табачный дымъ, господина съ букетомъ и кубокъ большаго орла. (Пушкинъ)

Такъ жили, учились, работали и веселились наши предки въ новомъ своемъ городѣ Петербургѣ, въ которомъ и они сами, по чудодѣйственной силѣ своего великаго царя, какъ будто переродились заново. Всѣ и все здѣсь было совершенно иначе, нежели въ древней Москвѣ. Не прошло и какихъ нибудь двадцати лѣтъ со времени основанія Петербурга, какъ онъ уже имѣлъ видъ настоящаго европейскаго города, съ прекрасными каменными зданіями, широкими прямыми улицами, вымощенными камнемъ и освѣщенными фонарями; по нимъ ходили бодрые и оживленные заботами и дѣлами люди и по наружному

своему виду не отличавшіеся отъ европейцевъ. Дѣятельность неутомимая и самая разнообразная кипѣла по всему городу съ восхода солнечнаго и до поздняго вечера. Въ праздники улицы ярко горѣли потѣшными огнями и кишмя кишѣли веселящимся народомъ, тамъ и сямъ шныряютъ маскерадные шуты и скоморохи, русскій братается съ голландцемъ и дружно обнявшись, оба выписываютъ по улицѣ мыслете, подгулявъ на радостяхъ.... воздухъ потрясается торжественными выстрѣлами изъ пушекъ съ крѣпости и съ цѣлаго лѣса кораблей на великолѣпной Невѣ, разцвѣченныхъ разноцвѣтными флагами почти всѣхъ европейскихъ государствъ.... вездѣ слышится веселый говоръ, радостныя взвизгиванья и смѣхъ и самъ царь, разгуливая между своими подданными, что добрый отецъ между любезными дѣтьми, не нарадуется на веселящійся городъ, только что созданный имъ изъ болотъ и топей. Но вотъ, куранты на Петропавловской крѣпости проиграли десять часовъ; огни вездѣ потухаютъ, народъ расходится по домамъ и торопится улечься, такъ какъ завтра всякому надо подняться чуть забрезжитъ свѣтъ и торопиться на работу, чтобы не явиться въ сенатъ, или въ адмиралтейство, или въ другое мѣсто позже самого государя. На концахъ улицъ разставляются рогатки, а при нихъ часовые, обязанные не пропускать никого, иначе какъ съ фонаремъ и по объясненіи уважительной причины, заставившей выйти изъ дома ночью. Праздношатающихся, а также лихихъ людей, воровъ и мошенниковъ, не могшихъ доказать резонной причины своего ночнаго путешествія, брали подъ караулъ и отправляли въ полицію.

XIII.

Образъ жизни и занятія Петра Великаго въ Петербургѣ.— Учрежденіе рабочаго и воспитательнаго домовъ. — Народная перепись.—Уваженіе царя къ вѣрѣ.—Преслѣдованіе взяточничества и вниманіе къ истиннымъ заслугамъ.—Бережливость царя.—Его обыкновенная одежда.

Около десяти часовъ вечера Петръ Алексѣевичъ оканчивалъ обыкновенно всѣ свои великіе труды и заботы и отходилъ ко сну. Но часто случалось, что и ночью онъ просыпался, приказывалъ всегда спавшему въ его опочивальнѣ денщику подать себѣ аспидную доску и записывалъ на память какую нибудь новую, пришедшую ему въ голову, мысль, или какое-либо новое распоряженіе, чтобы на утро привести въ исполненіе. Въ три часа утра царь уже былъ на ногахъ и въ домашнемъ своемъ платьѣ, вязаной фуфайкѣ и въ колпакѣ, занимался своими любимыми токарными работами, или же столярными, чертежными и другими. До сихъ поръ въ Эрмитажѣ, Кунсткамерѣ и въ домикѣ Петра Великаго на Петербургской сторонѣ хранится много вещей, сдѣланныхъ его собственными руками. Большая часть вещей, выточенныхъ имъ

изъ кости, заключается въ паникадилахъ и другихъ предметахъ, служащихъ для украшенія Храмовъ Божіихъ. Одно такое паникадило можно и теперь видѣть въ Петропавловскомъ Соборѣ. Особенно любилъ государь трудиться надъ изображеніемъ Святой Великомученицы Екатерины и по настоящее время сохранилось болѣе десяти такихъ изображеній. Кромѣ того, царь вырѣзывалъ на мѣди, изображая разные замѣчательные случаи изъ своей жизни, какъ напр. выигранныя имъ морскія сраженія. Престарѣлому князю Голицыну, не могшему уже ходить, царь своими руками сдѣлалъ особаго устройства, чрезвычайно покойное кресло на колесахъ, или *возило*, какъ онъ самъ его назвалъ въ своемъ, весьма милостивомъ письмѣ, при которомъ былъ посланъ этотъ подарокъ ближайшему другу и помощнику Петра въ дни первой его молодости. Великое множество чертежей, плановъ и моделей крѣпостей, судовъ и разныхъ полезныхъ машинъ приготовлялъ трудолюбивый и замѣчательно способный на всякое дѣло государь въ часы своего утренняго уединенія, въ своей рабочей комнатѣ, къ дверямъ которой была прибита слѣдующая его собственноручная надпись: «*Кому не приказано или кто не позванъ, да не входитъ сюда, не токмо посторонній, но ниже служитель дома сего, дабы хозяинъ хотя сіе мѣсто имѣлъ покойное.*»

Позавтракавъ, т. е. выпивъ рюмку анисовой водки и закусивъ кренделемъ, Петръ отправлялся, съ тростью въ одной и записною книжкой въ другой рукѣ, осматривать производившіяся въ Петербургѣ работы, а потомъ въ адмиралтейство. Дорожа каждой минутой времени, онъ назначилъ однажды нѣмецкому посланнику пріемъ у себя во дворцѣ въ четыре часа утра. Посланникъ, полагая, что государь не встанетъ такъ рано, явился часомъ позже; но уже не засталъ Петра. Онъ былъ на верфи и работалъ на мачтѣ военнаго корабля. Нѣмецкій вельможа, имѣвшій важныя,

не терпѣвшія отлагательства порученія къ царю, принужденъ былъ отправиться въ адмиралтейство. «Пусть побезпокоится взойти сюда, если не умѣлъ найти меня въ пріемной залѣ,» сказалъ Петръ, когда ему доложили о пріѣздѣ. Иностранецъ принужденъ былъ по веревочной лѣстницѣ взбираться на высокую мачту, и Государь, сѣвъ на бревно, сначала выслушалъ обычное привѣтствіе, а потомъ принялъ присланныя къ нему бумаги.

Около семи часовъ, царь отправлялся въ сенатъ, или которую нибудь изъ коллегій, и оставался тамъ до одиннадцати, слушалъ дѣла и споры сенаторовъ, высказывалъ свое собственное мнѣніе о дѣлахъ и писалъ на нихъ рѣшенія. При этомъ случалось, что сенаторы не только не соглашались съ его мнѣніемъ, но и опровергали его, доказывали его несправедливость и Петръ не только не сердился на нихъ за это, но тотчасъ же уступалъ имъ, коль скоро видѣлъ, что справедливость на ихъ сторонѣ. Особенно часто и рѣзко противорѣчилъ ему князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ, — человѣкъ чрезвычайно умный и прославившійся своей правдивостью и прямотой. Много разсказываютъ случаевъ о той смѣлости, съ которой онъ говорилъ царю часто самыя горькія истины, не исполнялъ его распоряженій, коль скоро находилъ ихъ почему-либо неудобными, и Петръ не только прощалъ своему честному слугѣ и совѣтнику такую дерзость, но нерѣдко даже и благодарилъ его за неисполненіе распоряженія, даннаго по ошибкѣ. Приведемъ одинъ такой случай: Петръ послалъ въ сенатъ указъ, которымъ повелѣвалъ для прорытія Ладожскаго канала собрать изъ Новгородской и Петербургской губерній какъ можно больше крестьянъ и послать ихъ на эту, крайне тяжелую работу. Когда Долгорукому показали царское повелѣніе, онъ, сильно разгорячившись, тутъ же разорвалъ его. Присутствовавшіе пришли въ ужасъ отъ такой неслыханной дерзости. Царь,

узнавъ объ этомъ поступкѣ своего подданнаго, сначала очень разсердился и спросилъ Долгорукаго, что побудило его совершить такое неслыханное преступленіе противъ верховной власти?

— Ничто иное,—отвѣчалъ онъ, — какъ ревность моя къ твоей славѣ и къ благосостоянію твоихъ поддапныхъ. Не гнѣвайся на меня, Петръ Алексѣевичъ, я надѣюсь на твое благоразуміе, что ты не хочешь разорить собственную свою землю, какъ Карлъ XII-й разоряетъ свою. Ты поторопился дать сіе повелѣніе и не размысливъ, въ какомъ состояніи находятся обѣ сіи губерніи, которыя доселѣ больше, нежели всѣ вмѣстѣ провинціи россійскія въ настоящую войну претерпѣли. Сколько въ нихъ людей вымерло, и сколь великъ въ оныхъ нынѣ недостатокъ въ народѣ? Что препятствуетъ тебѣ къ работѣ сего, необходимо нужнаго для твоего Петербурга канала, взять работниковъ изъ другихъ провинцій, изъ каждой по немногу? Онѣ несравненно болѣе могутъ дать людей, нежели сіи двѣ безлюдныя почти губерніи. Сверхъ того, есть у тебя довольно военноплѣнныхъ шведовъ, коихъ ты, вмѣсто собственныхъ своихъ подданныхъ, къ сей тяжкой работѣ употребить можешь.

— Все это хорошо,--возразилъ ему государь;--но на чтожь драть подписанное мною повелѣніе, зная, что это такая дерзость, которая нигдѣ не можетъ быть терпима?

— Въ этомъ я только и виноватъ, государь, что не утерпѣлъ,--отвѣчалъ ему Долгоруковъ.

Петръ на время отложилъ это дѣло, и впослѣдствіи устроилъ его совершенно иначе.

«Князь Яковъ въ сенатѣ,» говорилъ онъ потомъ о Долгоруковѣ,—«прямой помощникъ. Онъ судитъ дѣльно и мнѣ не потакаетъ; безъ краснобайства рѣжетъ прямо правду, не смотря на лицо.»

Около 11-ти часовъ оставивъ сенатъ, царь обыкновен-

но разъѣзжалъ по городу въ своей маленькой одноколкѣ, съ однимъ деньщикомъ позади, и даже эти прогулки далеко не были безполезными для его любезныхъ подданныхъ.

Ѣдетъ онъ, бывало, по улицѣ, и если прохожій, по принятому изстари обычаю, остановится, Петръ тотчасъ же спроситъ его: «*чего ты?*» и когда тотъ отвѣчалъ, что остановился изъ уваженія къ его особѣ, царь, слегка ударивъ его по головѣ, говорилъ: «*Эхъ братъ! у тебя свои дѣла, у меня мои: зачѣмъ тратить время по пустому; ступай своей дорогой!*» Замѣтимъ здѣсь кстати, что онъ отмѣнилъ также и другой обычай — проходить мимо его дворца безъ шапки. «*Какое различіе между Богомъ и Царемъ, замѣчалъ онъ при такомъ случаѣ, когда воздавать будутъ равное обоимъ почтеніе? Къ чему уничижать званіе, безобразить достоинство человѣка? Оказывать дому моему въ жестокіе морозы безплодную почесть, обнажая голову, вредно для здоровья, которое милѣе мнѣ въ подданномъ всякихъ пустыхъ поклоновъ. Менѣе низости, болѣе усердія къ службѣ и вѣрности къ государству и ко мнѣ,—вотъ почести, которыхъ я хочу!*»

Подъѣзжаетъ онъ однажды къ Мойкѣ и видитъ, что давно уже испорченный мостъ все-еще не починенъ; подзываетъ къ себѣ случившагося тутъ же полицеймейстера Девіера, отсчитываетъ ему за такое нерадѣніе своей тростью нѣсколько ударовъ по спинѣ, снова садится въ свою одноколку, и какъ ни въ чемъ не бывало, милостиво говоритъ наказанному, указывая на мѣсто подлѣ себя: «садись, братъ» и подвозитъ его, куда тому надобно, уже безъ всякаго гнѣва разговаривая съ нимъ о дѣлахъ. Видитъ онъ,—изъ воротъ выбѣжала женщина и съ громкимъ плачемъ зоветъ кого нибудь на помощь, освѣдомляется, въ чемъ дѣло, и, узнавъ, что мужъ у нея уми-

раетъ, въ одну секунду соскакиваетъ со своей однокол-ки и уже возится около лишившагося чувствъ старика, пускаетъ ему кровь, приводитъ его въ чувство, даетъ необходимыя наставленія и ѣдетъ дальше, спѣша на званый обѣдъ къ князю Меньшикову. Но на дорогѣ останавливаетъ его матросъ и говоритъ: «родился, надежа-государь, тебѣ матросъ, а мнѣ — сынъ; соблаговоли окрестить его!» и Петръ, забывъ, предстоящій ему пиръ, отправляется въ бѣдную матросскую хижину, креститъ младенца и торопится ѣхать; но хозяинъ съ хозяйкой кланяются своему высокому куму чаркой водки и кускомъ пирога. Не хочетъ царь обидѣть вѣрныхъ слугъ своихъ—и выпиваетъ и закусываетъ. «Не соизволишь ли, отецъ-государь, щецъ нашихъ солдатскихъ горяченькихъ?» Ну, давай, пожалуй и щецъ!—соглашается Петръ Алексѣевичъ, отвѣдываетъ и хмѣльной бражки, наваренной по случаю праздника, благодаритъ хозяина, цѣлуетъ хозяйку въ лобъ и даритъ ей на зубокъ серебряный рублевикъ. «Давай побольше такихъ матросовъ,—мнѣ они надобны!» — говоритъ онъ, весело посмѣиваясь, и торопится къ Меньшикову.

— А я, Данилычъ, виноватъ, позамѣшкался, у матросика покрестить надо было, - - поясняетъ царь князю, со всѣми гостями уже часа два ожидавшему своего главнаго гостя.

Садится онъ за столъ съ приближенными вельможами и деньщикъ подаетъ ему его собственныя вилку и ножикъ, съ зелеными костяными черенками, и деревянную ложку, оправленную слоновою костью, такъ какъ эти вещи всегда возились за государемъ, гдѣ бы онъ ни обѣдалъ, — и начинается дружеское веселье, безъ всякихъ чиновъ и церемоній, которыхъ Петръ въ обыкновенной жизни не любилъ, но соблюдалъ однакожь строго въ дѣлахъ служебныхъ.

Въ самомъ разгарѣ пира докладываютъ ему, что въ

городѣ случился пожаръ, и бросая все, онъ летитъ на помощь народному несчастію. Только что созданная имъ пожарная команда работаетъ усердно и безстрашно, но царь превосходитъ всѣхъ своей ловкостью, силой и неустрашимостью: какъ самый простой пожарный, онъ бросается въ середину горящаго дома, вытаскиваетъ оттуда дѣтей, потомъ летитъ на верхъ, появляется на крышѣ и дѣйствуетъ топоромъ такъ ловко, что въ нѣсколько минутъ крыша разобрана. Команда, ободряемая такимъ примѣромъ, удваиваетъ усилія—и въ какой нибудь часъ пожаръ потушенъ. Довольный удачей, Петръ возвращается на пиръ и веселье продолжается.

Въ другіе дни царь прямо изъ сената отправлялся домой и до обѣда принималъ въ лѣтнемъ саду просителей. Всякій имѣлъ къ нему тутъ совершенно свободный доступъ: и богатый и бѣдный, и вельможа и простолюдинъ. Всѣхъ онъ одинаково милостиво и внимательно выслушивалъ и тотчасъ же давалъ свои рѣшенія. Ровно въ полдень ворота лѣтняго сада запирались и государь садился за столъ вмѣстѣ со своимъ семействомъ. Обѣдъ его отличался чрезвычайной простотой: рѣдисъ, сыръ, ветчина, каша и жареная утка въ кисломъ соусѣ съ солеными лимонами были его любимыми кушаньями, а пилъ онъ обыкновенно легкое бѣлое или красное вино, впрочемъ, любилъ также хорошій русскій квасъ и пиво; во время постовъ употреблялъ кушанья изъ зелени и хлѣбенныя. Послѣ обѣда Петръ отдыхалъ часа два и затѣмъ снова занимался въ своей токарной комнатѣ или въ кабинетѣ. И много, много хорошаго и полезнаго для народа русскаго попридѣлывалъ въ это время государь. Здѣсь онъ выслушивалъ доклады своихъ министровъ и другихъ помощниковъ, сюда призывались провинившіяся должностныя лица, царь увѣщевалъ ихъ и нерѣдко собственноручно училъ уму—разуму своей тростью съ костянымъ

набалдашникомъ, извѣстной подъ именемъ *дубинки*, которую, въ числѣ многихъ, принадлежавшихъ ему вещей, можно и теперь видѣть въ кунсткамерѣ. Такому отеческому наставленію подвергались лица заслуженныя и близкія царю и, чтобы не опозорить ихъ въ глазахъ другихъ, Петръ тотчасъ же послѣ наказанія обращался съ ними весьма милостиво, провожалъ ихъ до самыхъ дверей и наказанный, скрывая боль, какъ ни въ чемъ не бывало, весело улыбался и раскланивался съ шутливо и ласково разговаривавшимъ съ нимъ государемъ.

Впрочемъ, не смотря на вину, часто можно было избѣгнуть наказанія и заслужить у царя полное прощеніе, если только виновный чистосердечно во всемъ признавался и обѣщалъ исправиться. Петръ особенно не терпѣлъ лжи, и солгавшій ему хоть разъ, въ чемъ бы то ни было, уже никогда не могъ возвратить его довѣрія.

Отпустивъ докладчиковъ и другихъ лицъ, призывавшихся въ кабинетъ, Петръ продолжалъ заниматься одинъ, нерѣдко весь вечеръ, вплоть до самой ночи. Все обдумывая и соображая на свободѣ, онъ то стругаетъ и точитъ на своемъ станкѣ, то быстро подходитъ къ своей конторкѣ и пишетъ указъ за указомъ, повелѣніе за повелѣніемъ, по мѣрѣ того, какъ приходятъ ему въ голову различныя новыя мѣры, одна полезнѣе и благодѣтельнѣе другой, и за одинъ вечеръ онъ сочинялъ и писалъ собственноручно столько новыхъ распоряженій, законовъ, подробныхъ правилъ и т. п., сколько другому не написать и въ мѣсяцъ.

Вотъ, онъ пишетъ указъ, запрещающій людямъ нищенствовать и бродить безъ дѣла, кормясь подаяніемъ, и повелѣвающій такихъ людей забирать и отправлять въ особо устроенные для нихъ рабочіе дома, и вслѣдъ за тѣмъ подробно излагаетъ устройство такихъ рабочихъ домовъ, указывая до мельчайшихъ подробностей, какъ со-

держать такіе дома и какими именно работами занимать опредѣляемыхъ въ нихъ людей. Вспоминаетъ царь давно уже занимающую его мысль о томъ, какъ бы устроить, чтобы женщины не оставляли безъ призора, на вѣрную смерть, новорожденныхъ дѣтей своихъ или, еще хуже, не убивали ихъ сами, что въ то время, къ крайнему огорченію царя, случалось весьма часто,—и является новый указъ, по которому устраивается въ Петербургѣ, по примѣру иностранныхъ государствъ, домъ со вдѣланнымъ въ наружной стѣнѣ его ящикомъ, легко выдвигающимся наружу и во внутренность дома. Въ этотъ ящикъ, прямо съ улицы, всѣ могли, безъ всякихъ разговоровъ и распросовъ, класть своихъ ребятъ; онъ тотчасъ же вдвигался въ комнату, оказавшіеся въ немъ найденыши брались въ казну и воспитывались на ея счетъ. Это въ высшей степени благодѣтельное заведеніе впослѣдствіи было закрыто, но вмѣсто него, при Императрицѣ Екатеринѣ II устроены нынѣшніе огромные воспитательные дома въ Петербургѣ и Москвѣ. Видѣлъ также Петръ Алексѣевичъ немалое затрудненіе и въ томъ, какъ собирать съ народа разныя повинности, подати и налоги, необходимыя на множество нуждъ государственныхъ: и на церкви и на войско, и на флотъ, и на содержаніе больницъ, училищъ, дорогъ, мостовъ и мало-ли на что еще; а между тѣмъ не возможно было напередъ знать, сколько именно получится такихъ доходовъ въ слѣдующемъ году, слѣдственно, неизвѣстно, сколько и истратить можно, да, сверхъ того, и провѣрить не было никакой возможности, все ли собранное съ народа представлено въ казну, или сборщики утаили часть въ свою пользу; тоже вотъ и относительно рекрутскаго набора: нельзя было расчитывать, сколько можно собрать войска въ случаѣ нужды, и все это оставалось въ неизвѣстности потому, что никто не вѣдалъ, сколько именно душъ живетъ въ россій-

скомъ государствѣ. Для приведенія этого, очень важнаго обстоятельства, въ ясность, царь приказываетъ произвести по всей Россіи перепись душъ и производить затѣмъ такую перепись каждый годъ, чтобы во всякое время было ясно, какъ на ладони, какъ именно велико все народонаселеніе государства. Мы не кончили бы очень долго, еслибъ вздумали перечислять здѣсь всѣ указы и повелѣнія, которыхъ великое множество чуть не каждый вечеръ писалъ безпримѣрно трудолюбивый и премудрый царь. Скажемъ только еще разъ, что каждый такой указъ приносилъ народу какое нибудь новое благодѣяніе и доставлялъ ему все болѣе и болѣе удобствъ жизни, богатства и счастія.

Въ дни праздничные Петръ оставлялъ свои занятія и, по обычаю христіанскому, посвящая такіе дни Богу, отправлялся въ церковь и тамъ подавалъ своимъ подданнымъ примѣръ усердія къ вѣрѣ. Почитаніе Бога и святыхъ заповѣдей Его ставилъ онъ выше всего и о подданныхъ своихъ, нерадивыхъ къ вѣрѣ, обыкновенно говаривалъ, что плохіе слуги Божіи не могутъ быть и хорошими слугами государя и отечества; но притворнаго ханжества, суевѣрія и пустосвятства терпѣть не могъ и не рѣдко изобличалъ и строго наказывалъ ловкихъ обманщиковъ, которые, подъ личиною святости, дѣлали разныя мнимыя чудеса и выманивали такимъ способомъ деньги у легковѣрнаго народа. Еще въ молодости своей царь, узнавъ, что народъ въ Москвѣ толпами стекается къ одному разстриженному попу на поклоненіе чудотворной иконѣ Богородицы, источавшей слезы, служитъ молебны и дѣлаетъ щедрыя приношенія, тотчасъ же отправился туда самъ, внимательно осмотрѣлъ икону и увидѣлъ, что на задней сторонѣ ея, подъ глазами, были прикрѣплены намоченныя губки, которыя попъ искусно пожималъ пальцами и вода просачивалась сквозь маленькія, незамѣт-

*

ныя отверзтія, просверленныя въ глазахъ. Обманъ такимъ образомъ былъ открытъ и виновный понесъ заслуженное наказаніе. Но этотъ же самый государь, узнавъ, что одинъ чиновникъ осмѣлился неуважительно говорить въ обществѣ о духовенствѣ и даже о Священномъ Писаніи, призвалъ его къ себѣ и отпотчивалъ своей дубинкой на славу, приговаривая: «*Не соблазняй вѣрующихъ честныхъ душъ, не заводи вольнодумства, пагубнаго благоустроенству! Не на тотъ конецъ старался я тебя выучить, чтобы ты былъ врагомъ общества и церкви!*». Строго преслѣдовалъ царь и другіе пороки въ своихъ подданныхъ, особенно такіе, которые причиняли вредъ его любезному народу, какъ напр. взяточничество, мотовство и т. п. Не разъ случалось, что, замѣтивъ какое-нибудь должностное лицо, живущее выше своихъ средствъ, Петръ призывалъ его къ себѣ, допрашивалъ съ глазу на глазъ, какъ отецъ сына, откуда онъ получалъ доходы и, если виновный чистосердечно во всемъ признавался, великодушно прощалъ его и даже увеличивалъ ему жалованье, но лишь съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы впредь онъ отнюдь не осмѣливался вымогать взятки съ просителей. Зато къ неисполнившимъ даннаго обѣщанія или къ солгавшимъ государь былъ уже безпощаденъ.

Но зато истинныя заслуги царь награждалъ чрезвычайно щедро и удивительно умѣлъ всегда отличать людей способныхъ и полезныхъ для государства. Весьма многіе, подобно любимцу его, Александру Даниловичу Меньшикову, *) изъ самаго простаго званія достигали высшихъ чиновъ, почестей и богатства.

Читая однажды докладъ, въ которомъ спрашивалось,

---

*) Меньшиковъ въ ранней своей молодости торговалъ на московскихъ базарахъ пирогами. Петръ однажды замѣтилъ его, ему понравилось красивое, умное лицо молодаго пирожника, онъ взялъ его къ себѣ во дворецъ и скоро полюбилъ чрезвычайно.

можно ли производить, въ видѣ пенсіи, половину жалованья одному весьма заслуженному, но уже престарѣлому и неспособному болѣе къ работѣ чиновнику, Петръ даже разсердился за такой вопросъ и приказалъ выдавать этому чиновнику нетолько половинное, но все жалованье сполна, освободить его вовсе отъ занятій и только, въ случаѣ нужды, обращаться къ нему за совѣтами и наставленіями, какъ къ человѣку, опытному въ дѣлахъ, для того, какъ пояснилъ царь, чтобы всѣ вѣрные и усердные слуги отечества знали, что труды ихъ будутъ всегда оцѣнены по достоинству. Въ другой разъ, присутствуя на испытаніи одного молодаго дворянчика, желавшаго получить чинъ морскаго офицера, государь, замѣтивъ, что слуга этого юноши, стоявшій сзади своего барина, безпрестанно бойко и совершенно вѣрно подсказывалъ ему, что слѣдовало отвѣчать на задававшіеся вопросы, тогда какъ самъ испытываемый почти ничего не зналъ, спросилъ его, какимъ образомъ онъ научился всѣмъ этимъ премудростямъ. Слуга отвѣчалъ, что онъ постоянно присутствовалъ на урокахъ своего господина и запомнилъ все, что говорилъ въ то время учитель. Царь увидѣлъ, что слуга гораздо умнѣе и прилежнѣе своего господина, приказалъ перваго произвести въ офицерскій чинъ, а послѣдняго опредѣлить на службу простымъ матросомъ.

Вотъ еще примѣръ того, какъ цѣнилъ Петръ истинныя заслуги своихъ подданныхъ. Когда князь Долгоруковъ и графъ Головкинъ, пробывъ около 15 лѣтъ посланниками при разныхъ европейскихъ государяхъ, возвращались въ Россію просвѣщенными европейцами, Петръ желая выказать передъ всѣмъ народомъ свое уваженіе къ нимъ, выѣхалъ навстрѣчу имъ за городъ, окруженный отрядомъ гвардіи, въ выложенномъ краснымъ бархатомъ фаэтонѣ съ лакеями позади въ богатыхъ ливреяхъ. Остановившись въ 4-хъ верстахъ отъ города, онъ ждалъ ихъ около четверти

часа и когда они подъѣхали, посадилъ къ себѣ въ фаэтонъ, привезъ съ великимъ торжествомъ во дворецъ, куда созваны были знатнѣйшія особы, и тутъ передъ всѣми изъявивъ имъ свое благоволеніе, выказалъ этимъ снова свое уваженіе къ ихъ познаніямъ и образованности. Такая пышная встрѣча была большою рѣдкостью у государя; онъ терпѣть не могъ роскоши и допускалъ ее только въ весьма немногихъ, дѣйствительно необходимыхъ случаяхъ, и былъ необыкновенно бережливъ въ своихъ собственныхъ расходахъ. Когда императрица Екатерина въ день своей коронаціи, поднесла ему голубой шелковый кафтанъ, вышитый серебромъ ея собственными руками, Петръ взялъ его и, взглянувъ на шитье, тряхнулъ его, отчего нѣсколько серебряной канители осыпалось на полъ. «Смотри, Катенька», сказалъ онъ, указывая на упавшія блестки: «слуга смететъ это вмѣстѣ съ соромъ, а вѣдь здѣсь слишкомъ дневное жалованье солдата!». Ежедневная одежда его была очень проста и состояла лѣтомъ изъ чернаго бархатнаго картуза или треугольной поярковой шляпы, французскаго кафтана изъ русскаго и довольно толстаго сѣраго сукна, тафтянаго камзола и такихъ же панталонъ, цвѣтныхъ шерстяныхъ чулокъ и башмаковъ на толстыхъ подошвахъ и высокихъ каблукахъ, съ мѣдными или стальными пряжками. Зимою государь носилъ шапку изъ калмыцкихъ барашковъ, красный кафтанъ, подбитый мѣхомъ и теплые сапоги изъ оленьей шкуры, мѣхомъ вверхъ.

XIV.

Украшеніе новой столицы храмами.—Основаніе Невскаго монастыря и перенесеніе въ него мощей св. Александра Невскаго.—Болѣзнь государя.—Подвигъ его на Лахтѣ.—Кончина Петра Великаго.—Церемонія его погребенія.

Еще съ самаго начала устройства на Невы берегахъ новой столицы, Петръ Великій заботился объ украшеніи ея храмами Божьими и особенно любилъ закладывать ихъ въ дни празднованія своихъ славныхъ побѣдъ надъ непріятелемъ, желая этимъ съ одной стороны достойно возблагодарить Бога, а съ другой—увѣковѣчить въ памяти народной эти славныя для Россіи событія. Такъ, въ воспоминаніе великаго пораженія шведовъ подъ Полтавою были воздвигнуты церкви во имя Св. Троицы на Петербургской сторонѣ и Св. Самсонія—на Выборгской. На Петербургской же сторонѣ, за Сытнымъ рынкомъ, въ честь взятія Нарвы построена церковь во имя Св. Апостола Матѳея. Въ день празднованія побѣды надъ шведскимъ флотомъ при Гангеудѣ (1714 г.) въ 1718 году царемъ была заложена за Лѣтнимъ садомъ, по другую сторону Фонтанки, церковь Св. Пантелеймона. Нынѣшній,

первый въ Петербургѣ по величинѣ и великолѣпію соборъ Св. Исаакія ведетъ свое начало также съ самыхъ первыхъ лѣтъ существованія Петербурга. Еще въ 1710 году, 30 мая, въ день рожденія Великаго Просвѣтителя Россіи, когда церковь празднуетъ память св. Исаакія Далматскаго, былъ заложенъ во имя этого Святаго деревянный храмъ на мѣстѣ нынѣшняго сената; но онъ сгорѣлъ и въ 1727 г. былъ построенъ новый каменный соборъ; а въ царствованіе императрицы Екатерины II-й, въ 1768 г. соборъ этотъ перенесенъ на нынѣшнее его мѣсто. Наконецъ, при Александрѣ I-мъ, въ 1819 г., начата перестройка этой, прежде весьма скромной церкви, въ нынѣшній, одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ во всей Европѣ храмовъ, и соборъ освященъ и открытъ въ томъ видѣ, какъ мы его видимъ теперь, въ 1858 году.

Въ томъ же 1710 году, Петръ, желая ознаменовать столь радостныя для него и для всей Россіи событія, какъ совершенное возвращеніе отъ шведовъ древняго нашего достоянія — Ингерманландіи и окончательное покореніе Лифляндіи, открывшее намъ свободный доступъ къ столь давно и горячо желанному Балтійскому морю, положилъ начало монастырю на берегу Невы, самъ избравъ для того мѣсто. Ѳеодосій, тогда же назначенный архимандритомъ будущей обители, въ присутствіи государя, его министровъ и генераловъ, водрузилъ святой крестъ на лѣвомъ берегу Невы, при впаденіи рѣчки Черной, гдѣ, по преданію, за 470 лѣтъ предъ тѣмъ, князь Александръ Ярославичъ, защитникъ отечества при жизни и угодникъ Божій по смерти, одержалъ знаменитую побѣду надъ шведами. На этомъ-то самомъ мѣстѣ, волею Петра, во имя святаго героя воздвиглась Александро-Невская Лавра. Впослѣдствіи, уже подъ конецъ своей жизни, благочестивый основатель ея повелѣлъ перевезти въ эту обитель покоившіяся во Владимірѣ мощи своего святаго

предка, Александра Невскаго, что и было исполнено съ великимъ торжествомъ. Въ день празднованія третьей годовщины Ништадтскаго мира, драгоцѣнная рака со святыми мощами, плывшая отъ Шлиссельбурга на галерѣ, была встрѣчена за семь верстъ отъ монастыря самимъ императоромъ и знатнѣйшими чинами государства. Государь своими руками, при помощи генераловъ, благоговѣйно перенесъ святыню на свою богато убранную галеру, и принялъ на себя управленіе рулемъ; генералы сѣли на весла и галера тронулась въ путь, имѣя впереди себя знаменитый ботикъ,—дѣдушку русскаго флота. Подъѣхавъ къ пристани, этотъ торжественный поѣздъ былъ встрѣченъ колокольнымъ звономъ и громомъ пушекъ. Государь и знатнѣйшія особы подняли святую раку и понесли къ монастырю подъ великолѣпнымъ балдахиномъ, сквозь ряды безчисленнаго народа, набожно преклонившаго колѣна. Духовенство въ полномъ облаченіи встрѣтило святыя мощи на мосту чрезъ Черную рѣчку, откуда императоръ пошелъ впереди святыни вмѣстѣ съ хоромъ пѣвчихъ.

Въ одномъ изъ предѣловъ (главная церковь была еще не готова), священные останки Угодника Божія были вложены въ новую серебряную раку. По случаю этого радостнаго событія въ Петербургѣ происходило празднество впродолженіи трехъ дней.

Но это торжество было уже однимъ изъ послѣднихъ въ жизни Великаго Петра: каменная болѣзнь, давно уже мучившая его жестоко, вскорѣ заставила государя слечь въ постель. Долго онъ боролся со своими страданіями и опасаясь смутить народъ своею болѣзнью, не открывалъ ее даже доктору, но наконецъ вынужденъ былъ обратиться къ его помощи. Находившійся при немъ лейбъ-медикъ Блументростъ испугался опасности, угрожавшей жизни государя и не рѣшился пользовать его одинъ. Призванъ былъ

изъ Москвы докторъ Бодлоо, и когда оба они увидѣли необходимость сдѣлать трудную операцію въ мочевомъ пузырѣ, то для этого былъ выписанъ изъ Англіи знаменитый операторъ Горнъ. Эта мучительная операція была произведена удачно, но опасность все еще была такъ велика, что врачи впродолженіе двухъ недѣль оставались между страхомъ и надеждой и ни днемъ ни ночью не покидали постели больнаго. Наконецъ, сильная природа государя и искусство медиковъ побѣдили болѣзнь. Петръ всталъ, могъ уже прогуливаться по комнатѣ и мало по малу началъ поправляться. Но съ возвращеніемъ силъ возвратились и его постоянныя заботы о дѣлахъ и непобѣдимая страсть къ занятіямъ у этаго великаго труженика Бездѣйствіе и столь продолжительная праздность мучили его; комната казалась ему темницею и онъ рвался на волю, на свѣжій воздухъ, на широкій просторъ, гдѣ кипитъ неустанная работа. Несмотря на строгое запрещеніе доктора, Петръ, полагая, что опасность уже миновалась, въ началѣ октября приказалъ приготовить себѣ яхту передъ дворцомъ и далъ знать Блюментросту, чтобъ онъ собрался съ нимъ въ недальнюю поѣздку. Испуганный докторъ просилъ, умолялъ государя отложить свое опасное намѣреніе; но все было напрасно, и Петръ вмѣсти съ нимъ и лекаремъ Паульсономъ отправился на Ладожское озеро. Эта недальняя поѣздка продолжалась почти цѣлый мѣсяцъ. Проѣхавъ отъ Шлиссельбурга до устья Волхова, государь осмотрѣлъ всѣ работы, производившіяся тогда на Ладожскомъ каналѣ, и, посѣтивъ Олонецкіе заводы, выковалъ своими, все еще сильными, руками полосу желѣза въ три пуда, которая и въ настоящее время хранится въ кунсткамерѣ какъ драгоцѣнный памятникъ. Потомъ онъ отправился въ Старую Ладогу, Новгородъ, и, чрезъ озеро Ильмень, въ Старую Русу, гдѣ осматривалъ соловаренные заводы. Наконецъ, вечеромъ

27 октября, государь возвратился въ столицу безъ всякихъ вредныхъ послѣдствій. чувствуя себя даже лучше прежняго. Черезъ день послѣ этого, именно 29 октября, желая осмотрѣть Сестрорѣцкій заводъ, онъ выѣхалъ на небольшой яхтѣ въ Финскій заливъ. Время было уже къ вечеру, дулъ холодный и порывистый вѣтеръ, море сильно бушевало, такъ что пловцы скоро были принуждены пристать къ берегу. Сойдя съ яхты на землю, царь уже готовился обогрѣться и спокойно переночевать здѣсь, какъ вдругъ съ моря послышались отчаянные крики о помощи: большой ботъ съ солдатами и матросами, шедшій изъ Кронштадта, сѣлъ на мель недалеко отъ берега Лахты. Государь тотчасъ отправилъ свою шлюпку на помощь погибавшимъ, а самъ, стоя на берегу, громко отдавалъ приказанія посланнымъ, распоряжался, кричалъ, досадовалъ на медленность и нерасторопность своихъ людей и, наконецъ не вытерпѣлъ, вскочилъ въ лодку и самъ поплылъ на помощь. Лодка его стала намель въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ затопленнаго бота. Забывъ и себя и все прочее, видя только гибель ближняго, Петръ бросился въ волны, и по колѣна въ водѣ, дошелъ до самаго бота и началъ собственноручно спасать утопавшихъ.

Благодаря этому человѣколюбивому подвигу великаго царя, всѣ до единаго были спасены отъ вѣрной смерти. Но это спасеніе слишкомъ дорого стоило и ему самому и всей Россіи: простоявъ довольно долго въ холодной водѣ и не вполнѣ еще оправившись отъ своей болѣзни, Петръ въ ту же ночь почувствовалъ злѣйшую лихорадку, такъ что принужденъ былъ отложить свою поѣздку въ Сестрорѣцкъ и возвратиться въ Петербургъ. Хотя и въ этотъ разъ удалось вылечить его отъ сильной простуды, но вслѣдъ за нею открылась его прежняя болѣзнь и стала быстро развиваться. Она была тѣмъ опаснѣе, что Петръ ни за что не хотѣлъ лечиться серьезно, ни измѣ-

нять въ чемъ бы то ни было свой обыкновенный образъ жизни. Онъ продолжалъ по прежнему свои ежедневныя занятія и задумывая множество новыхъ мѣръ для блага народнаго, нетолько до послѣдней возможности не поддавался своей болѣзни, но преодолѣвая мучительныя страданія, еще въ послѣднія недѣли 1724 года былъ тотъ же какъ и всегда: попрежнему видали его въ сенатѣ и коллегіяхъ; по прежнему ежедневно появлялись его мудрые указы и распоряженія, въ которыхъ видна была его отеческая заботливость о подданныхъ, и въ дѣлахъ государственныхъ незамѣтно было ни малѣйшей остановки. Но неутомимой душѣ измѣняли тѣлесныя силы. Тяжкій недугъ усиливался и великая жизнь угасала; но царь мужественно боролся, и новый 1725 годъ былъ встрѣченъ нетолько съ прежнимъ торжествомъ, но первые дни его были еще отпразднованы при дворѣ великолѣпными пирами и маскерадами. Въ Крещенье, при жестокомъ морозѣ и вѣтрѣ, онъ командовалъ на льду Невы полками, собранными для торжества водосвятія, и вновь сильно простудился. Онъ слегъ въ постель, но и въ этомъ положеніи не переставалъ еще заниматься дѣлами до 16 января, когда болѣзнь усилилась до такой степени, что лейбъ-медикъ Блументростъ, ища спасенія драгоцѣнной для всей Россіи жизни государя, нетолько созвалъ на совѣтъ всѣхъ докторовъ, находившихся въ Петербургѣ, но послалъ нарочныхъ за совѣтами о наилучшихъ способахъ леченія къ славнѣйшимъ въ то время докторамъ, Шталю въ Берлинѣ и Бургаву въ голландскомъ городѣ Лейденѣ. Но помощь этихъ знаменитыхъ врачей не поспѣла во время.....

Страшныя муки претерпѣвалъ въ послѣдніе дни своей жизни Великій Императоръ. Всегда отличавшійся необыкновенной твердостью и терпѣніемъ, онъ, наконецъ, не могъ уже выдержать жестокой тѣлесной боли и из-

давая жалобные стоны, сказалъ плакавшимъ вокругъ него вельможамъ: «*Изъ меня познайте, какое бѣдное существо человѣкъ!*» Въ короткое время онъ такъ ослабѣлъ, что несмотря на ежечасно увеличивающуюся боль, не могъ уже кричать, а только кряхтѣлъ въ нестерпимыхъ мукахъ, или стоналъ. Желая подкрѣпить себя молитвою, государь велѣлъ поставить подлѣ своей спальни подвижную церковь и отправить въ ней литургію, а 22 января исповѣдалъ предъ духовникомъ свои прегрѣшенія и пріобщился Св. Таинъ. 26 и 27 января высшіе духовные чины окружили постель умирающаго и утѣшали священными словами вѣры и покаянія, которыя онъ уже коснѣющимъ языкомъ повторялъ за ними. Подъ конецъ послѣдняго дня приближеннымъ показалось, что государь уже кончается, и всѣ бывшіе во дворцѣ, съ отчаяннымъ рыданіемъ, наполнили его комнату, спѣша съ нимъ проститься. Когда они, цалуя его руку, обливали ее слезами, Петръ, взглянувъ на нихъ съ чувствомъ и собравъ остатки силъ, прошепталъ: «*послѣ*». Не знали, что хотѣлъ онъ этимъ выразить. Полагая, однако, что онъ желалъ удалить плачущихъ, пришедшіе оставили его комнату.

Это было послѣднее слово великаго человѣка и затѣмъ среди мертваго молчанія окружавшихъ слышались только его стоны, раздиравшіе сердце. Въ такомъ положеніи бѣдный страдалецъ томился пятнадцать часовъ, безпрестанно передвигая правую руку; лѣвая, отнявшись, не дѣйствовала. Однако, чувство и память сохранялись въ немъ до послѣдней минуты. Когда одинъ изъ бывшихъ при немъ архимандритовъ напомнилъ ему о вѣчномъ блаженствѣ въ грядущей жизни, онъ порывался встать, приподнять руку и изобразить крестное знаменіе....

Въ началѣ шестаго часа утра, 28 января 1725 года, драгоцѣнная жизнь одного изъ величайшихъ людей во всемъ свѣтѣ отлетѣла навсегда. А между тѣмъ, получи

Бургавъ приглашеніе Блументроста нѣсколькими днями ранѣе, она, была бы, можетъ быть, еще спасена, такъ какъ Бургавъ уже написалъ было рецептъ вѣрнѣйшаго лекарства противъ болѣзни Петра, но на другой же день онъ получилъ уже извѣстіе о кончинѣ Императора. «Боже мой!» воскликнулъ этотъ знаменитый врачъ, услышавъ печальную вѣсть, «Этого великаго человѣка допустили умереть, когда можно было вылечить его лекарствомъ, стоящимъ не болѣе пяти копѣекъ!» И впослѣдствіи, прочитавъ подробное описаніе болѣзни Петра, онъ утверждалъ, что этотъ человѣкъ, при обыкновенномъ своемъ образѣ жизни, прожилъ бы еще сорокъ лѣтъ, еслибъ его лечили какъ должно.

Тотчасъ по кончинѣ Императора было объявлено о вступленіи на престолъ супруги его, Императрицы Екатерины Алексѣевны.

Тѣло покойнаго государя было набальзамировано разными душистыми травами, а съ лица усопшаго снята гипсовая маска, которая и понынѣ хранится въ Кунсткамерѣ.

Сначала смертные останки были положены на возвышенномъ великолѣпномъ одрѣ, въ малой дворцовой залѣ, обтянутой золотыми тканными обоями, на которыхъ были изображены чудеса Христовы. Пока убирали большую траурную залу для выставленія въ ней тѣла, народу было позволено приходить прощаться съ усопшимъ. Жители Петербурга, всякаго званія, возраста и пола, хлынули во дворецъ и, съ низкими земными поклонами, орошая слезами холодную руку, потрудившуюся надъ всякой работой, воздавшую честь всякому честному и полезному ремеслу, съ трудомъ отрывали глаза отъ столь дорогаго каждому русскому страдальческаго лица. Многіе, въ великой скорби, били себя въ грудь и восклицали: «Отецъ нашъ, оставилъ ты насъ!»

Къ 13-му февраля была приготовлена большая траурная зала.

Многіе, употребленные для украшенія ея предметы, были частію рукодѣльемъ самого Петра, частію же пріобрѣтены имъ. Всю залу, и самый полъ, обили чернымъ сукномъ, которымъ завѣсили и окна. Она освѣщалась только множествомъ зажженныхъ свѣчъ. По карнизу былъ протянутъ поясъ изъ серебряной объяри. Отъ концовъ и середины распростертаго по большей части потолка изображенія Андреевскаго креста, подъ бѣлымъ флеромъ, спускались пять паникадилъ. У одной стѣны возвышался обитый бархатомъ съ золотымъ галуномъ, катафалкъ о шести ступеняхъ. Поставленный на немъ одръ для помѣщенія гроба былъ покрытъ золотымъ ковромъ. Надъ всѣмъ этимъ былъ утвержденъ такой же бархатный балдахинъ съ золотыми бахромой и кистями. На четырехъ углахъ ступеней катафалка поставлены были бронзовыя статуи, представлявшія плачущую Россію, и опечаленныхъ Европу, языческаго бога войны Марса и древняго героя греческаго—Геркулеса. Между ними и вокругъ разставлены свѣчи въ большихъ бронзовыхъ подсвѣчникахъ и на такихъ же подставкахъ Далѣе, на девяти, блиставшихъ золотомъ табуретахъ лежали на парчевыхъ подушкахъ короны Имперіи и покоренныхъ царствъ, скипетръ, держава и ордена. По угламъ залы стояли, окруженныя статуями, мраморныя пирамиды съ надписями на яшмовыхъ доскахъ въ бронзовыхъ рамахъ. На всѣхъ этихъ пирамидахъ возвышались различныя фигуры, изображавшія на одной—вѣру, на другой—время, на третьей—славу и на четвертой морскія побѣды. Надписи на нихъ же напоминали заслуги Петра въ его попеченіяхъ о православной церкви, о благоденствіи подданныхъ, обученіи войска и строеніи флота. У противоположной стѣны сдѣланные изъ бѣлаго мрамора скелеты въ саванахъ держа-

ли большую зеленую занавѣсь, на которой золотыми буквами была изображена скорбь всей Россіи о потерѣ ея Великаго Отца и утѣшеніе, что онъ оставилъ ей наслѣдницу. По обоямъ, вдоль другихъ стѣнъ, красовались вензеля, гербы, щиты, мантіи, фестоны и разныя изображенія, всѣ вмѣстѣ составлявшія печальную, но весьма пышную картину. Тѣло Императора было положено въ гробъ, обитый золотымъ глазетомъ съ серебряными позументами, въ аломъ кафтанѣ, шитомъ серебромъ и такого же цвѣта панталонахъ, въ бѣломъ парчевомъ камзолѣ, кружевныхъ галстухѣ и манжетахъ, въ сапогахъ со шпорами, при шпагѣ и съ Андреевской звѣздой. Гробъ перенесенъ въ траурную залу знатнѣйшими особами, въ сопровожденіи Императрицы, придворныхъ чиновъ и духовенства и поставленъ на катафалкъ. Къ самому гробу назначена почетная стража изъ двѣнадцати сенаторовъ и генераловъ. На ступеняхъ катафалка поставлено четыре офицера; внизу двѣнадцать тѣлохранителей въ черныхъ мантіяхъ и въ шляпахъ съ распущеннымъ флеромъ; у дверей стояла стража изъ гвардейскихъ гренадеръ. Священникъ въ полномъ облаченіи читалъ у налоя Св. Евангеліе.

Входъ въ залу былъ открытъ для всѣхъ и народъ ежедневно стекался несмѣтными толпами поклониться праху обожаемаго государя и взглянуть на него въ послѣдній разъ.

Въ Петербургъ съѣхалось множество выборныхъ людей отъ всѣхъ концовъ Имперіи, такъ что при торжественномъ погребеніи, въ лицѣ ихъ, можно сказать, вся Россія, проливая слезы, провожала отца отечества въ жизнь вѣчную.

Мѣстомъ успокоенія земныхъ останковъ Петра Великаго назначенъ Петропавловскій Соборъ въ крѣпости, а такъ какъ онъ тогда еще строился, то внутри его соорудили деревянную церковь и обили ее черпымъ сукномъ.

Для погребальнаго шествія, черезъ Неву, отъ почтоваго дома, гдѣ была главная пристань, былъ устроенъ широкій помостъ съ перилами, устланный чернымъ сукномъ. Для удобнѣйшаго выноса Императорскаго гроба, по тѣснотѣ дверей, было придѣлано къ среднему окну, обращенному къ рѣкѣ, широкое крыльцо съ просторными лѣстницами на обѣ стороны. Эта красиво сдѣланная пристройка также была обита чернымъ сукномъ. Вся дорога отъ дворца до церкви была усыпана рѣчнымъ пескомъ и ельникомъ.

За шесть дней до выноса, вдовствующую Императрицу поразило новое горе: она потеряла свою шестилѣтнюю дочь, царевну Наталью, и въ траурной залѣ прибавился новый гробъ.

День погребенія былъ объявленъ народу за двое сутокъ парочными вѣстниками, которые разъѣзжали по всему городу и, при звукахъ трубъ и литавръ, возвѣстили о времени печальной церемоніи. Десятаго марта, съ разсвѣтомъ, черные флаги развѣвались на крѣпости и адмиралтействѣ; часть войскъ, назначенныхъ въ погребальную церемонію, была уже вытянута по обѣимъ сторонамъ мостковъ и стояла съ бѣлыми восковыми факелами въ рукахъ. При первомъ пушечномъ выстрѣлѣ, раздавшемся въ восемь часовъ, на Неву выведено еще десять тысячъ человѣкъ. Народъ безчисленными толпами высыпалъ на Неву и въ окрестныя мѣста. Зрители набились въ окнахъ, на крыльцахъ и даже кровли окрестныхъ зданій были усѣяны народомъ. Собравшіеся для участія въ церемоніи были распредѣлены по дворамъ домовъ, стоявшихъ на пути процессіи, чтобъ каждый могъ въ свое время вступить въ нее безъ замѣшательства. Знатныя особы ожидали своей очереди въ комнатахъ этихъ домовъ. По второму выстрѣлу, послѣдовавшему въ первомъ часу, всѣ участвовавшіе въ церемоніи устроились и стали по своимъ

мѣстамъ. Раздавшійся въ два часа, съ третьимъ выстрѣломъ, звонъ со всѣхъ церквей возвѣстилъ поднятіе гроба съ катафалка. Часы на Петропавловской колокольнѣ заиграли печальные стихи. Гробъ съ церемоніей вынесенъ и поставленъ на великолѣпныя сани, обтянутыя чернымъ бархатомъ и обложенныя золотымъ галуномъ, заложенныя восемью лошадьми въ черныхъ бархатныхъ попонахъ съ вышитыми золотомъ государственными гербами. Тотчасъ вслѣдъ за этимъ началось шествіе. Разнообразную процессію открывали гвардейскіе унтеръ-офицеры съ алебардами. За маршаломъ, передъ которымъ ѣхалъ верхомъ гофъ-фурьеръ, шли литаврщики, трубачи, пажи, придворные кавалеры. Всѣ, составлявшіе эту часть процессіи и слѣдующія, были въ епанчахъ и съ длиннымъ флеромъ. Послѣ верховаго гофъ-фурьера тянулись вереницы иностранныхъ купцовъ и представителей отъ завоеванныхъ областей, каждая имѣя своего маршала впереди. Верховой гофъ-фурьеръ замыкалъ этотъ разрядъ. За нимъ несли красное военное знамя, позади котораго шла любимая государева лошадь, носившая его въ сраженіяхъ, богато убранная и украшенная бѣлыми и красными перьями. Далѣе слѣдовали: знамена съ гербами различныхъ областей имперіи, изображенными на черной тафтѣ и за каждымъ изъ нихъ по лошади въ траурной попонѣ; желтый адмиральскій штандартъ, который обыкновенно распускался на знаменитомъ ботикѣ во время его торжественныхъ выходовъ; знамя съ гербомъ имперіи; бѣлое императорское знамя, на которомъ былъ вышитъ золотомъ ваятель, обдѣлывающій статую Россіи; за нимъ шла лошадь, съ разноцвѣтными перьями на головѣ и покрытая зеленой бархатной попоной, вышитой золотомъ. Латникъ на конѣ, блиставшій золотомъ, съ бѣлыми и красными перьями на шлемѣ. Пѣшій латникъ въ черной бронѣ, съ мечемъ въ рукѣ, опущеннымъ остріемъ внизъ, осѣ-

няемый сзади траурнымъ знаменемъ. Духовенство съ крестами тянулось длинной траурной вереницей по старшинству чиновъ, отъ пѣвчаго до архіереевъ. За ними маршалы и корона царевны Наталіи передъ ея гробомъ, который несли подъ балдахиномъ. За герольдмейстерами несли государственные мечи, опущенные остріями внизъ, ордена усопшаго императора, короны царствъ, державу, скипетръ, корону имперіи. Послѣ нихъ,—предшествуемыя маршалами, сани съ гробомъ государя подъ балдахиномъ изъ золотой и серебряной матеріи, на восьми высокихъ серебряныхъ столбикахъ; его поддерживали за кисти царскіе тѣлохранители и ряды гвардейскихъ бомбардировъ съ бѣлыми восковыми свѣчами. Полковыя знамена и штандарты, при приближеніи императорскаго гроба, преклонялись къ землѣ, подъ печальные звуки похоронной музыки. За шедшими позади гроба маршалами слѣдовала императрица, съ лицемъ, закрытымъ черною мантіей, поддерживаемая Меньшиковымъ и Апраксинымъ; ея шлейфъ несли каммергеры, сопровождали ее придворныя особы; по сторонамъ шли тѣлохранители. Далѣе такимъ же порядкомъ, но съ постепенно уменьшающеюся свитою, шествовали всѣ остальные члены императорской фамиліи. За ними шли придворныя и всѣ знатнѣйшія дамы и дѣвицы, чиновники, дворяне и купцы. Шествіе замыкали, за верховымъ придворнымъ курьеромъ, унтеръ-офицеры гвардіи. Всѣ, не имѣвшіе занятія, шли съ зажженными свѣчами, также какъ и народъ, присоединившійся къ концу процессіи. Во все время движенія печальной процессіи съ крѣпости раздавались по одному пушечному выстрѣлу въ минуту и эта рѣдкая, но продолжительная пальба, вмѣстѣ съ заунывной похоронной музыкой, тяжело отдавались въ сердцахъ многихъ тысячъ русскихъ, постоянно, напоминая имъ горестную потерю человѣка, составлявшаго счастье и славу всей Россіи.

*

Когда гробъ былъ внесенъ въ церковь, и всѣ, кому должно было, размѣщены въ тѣсной деревянной и въ неотдѣланной еще каменной церкви, началась божественная служба. Въ продолженіе ея, съ крѣпостныхъ стѣнъ, на которыхъ выстроились всѣ полки, три раза раздавался бѣглый ружейный огонь; по окончаніи же дано три оглушительныхъ залпа изъ всѣхъ орудій крѣпости и адмиралтейства. Послѣ литургіи знаменитый тогдашній проповѣдникъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ сказалъ прекрасное надробное слово, въ которомъ припомнилъ всѣ громадныя заслуги Великаго Петра и очень трогательно изобразилъ, какую страшную потерю понесла Россія съ его смертію.

Тѣло Петра шесть лѣтъ стояло въ церкви, охраняемое почетною стражей, и только по прошествіи этого времени было опущено въ каменный склепъ, на вѣчный покой.

МОЛИТВА СЕРЖАНТА.

Ахъ, ты батюшка свѣтелъ мѣсяцъ!
Что ты свѣтишь не по старому,
Не по старому и не по прежнему?
Что со вечера не до полуночи,
Со полуночи не до бѣла свѣта;
Все ты прячешься за облако,
Укрываешься тучей темною.
Что у насъ было, на святой Руси,
Въ Петербургѣ, въ славномъ городѣ,
Во соборѣ Петропавловскомъ,
Что у праваго у клироса,
У гробницы Государевой.
У гробницы Петра Перваго,
Петра Перваго, Великаго,
Молодой сержантъ Богу молится,
Самъ онъ плачетъ, какъ рѣка льется,
По кончинѣ вскорѣ государевой,
Государя Петра Перваго,
Въ возрыданьи слово вымолвилъ:
Разступись ты, мать сыра земля,
Что на всѣ на четыре стороны!
Ты распройся гробова доска,
Развернися золота парча!
И ты встань, пробудись, государь,
Пробудись батюшка, православный Царь!
Погляди ты на свое войско милое,
Что на милое и на храброе;
Безъ тебя мы осиротѣли,
Осиротѣвши, обезсилѣли.

(Народная тьсня).

Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни,
Начало славныхъ дѣлъ Петра
Мрачили мятежи и казни.
  Но правдой Онъ привлекъ сердца,
Но нравы укротилъ наукой,
И былъ отъ буйнаго стрѣльца
Предъ нимъ отличенъ Долгорукой.
  Самодержавною рукой
Онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье,
Не презиралъ страны родной:
Онъ зналъ ея предназначенье.
  То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.

(Пушкинъ).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стрн.

I. Какъ жили на Руси до Петра Великаго. 1

II. Рожденіе Петра и его родительская семья. Его младенческія наклонности и забавы. Ученіе. Характеръ. Жизнь въ первые годы по смерти отца 9

III. Смерть Ѳедора Алексѣевича. Передача престола Петру и отреченіе царевича Ивана. Правительница Софья. Стрѣльцы. Возмущенія ихъ. Твердость и присутствіе духа десятилѣтняго Петра. Усмѣреніе возмущеній. Соцарствіе Петра съ Иваномъ 17

IV. Потѣхи юнаго Петра въ селѣ Преображенскомъ. Первая мысль о флотѣ. Петръ на Переяславскомъ озерѣ. Заговоръ противъ Петра. Удаленіе Софіи въ монастырь . . 25

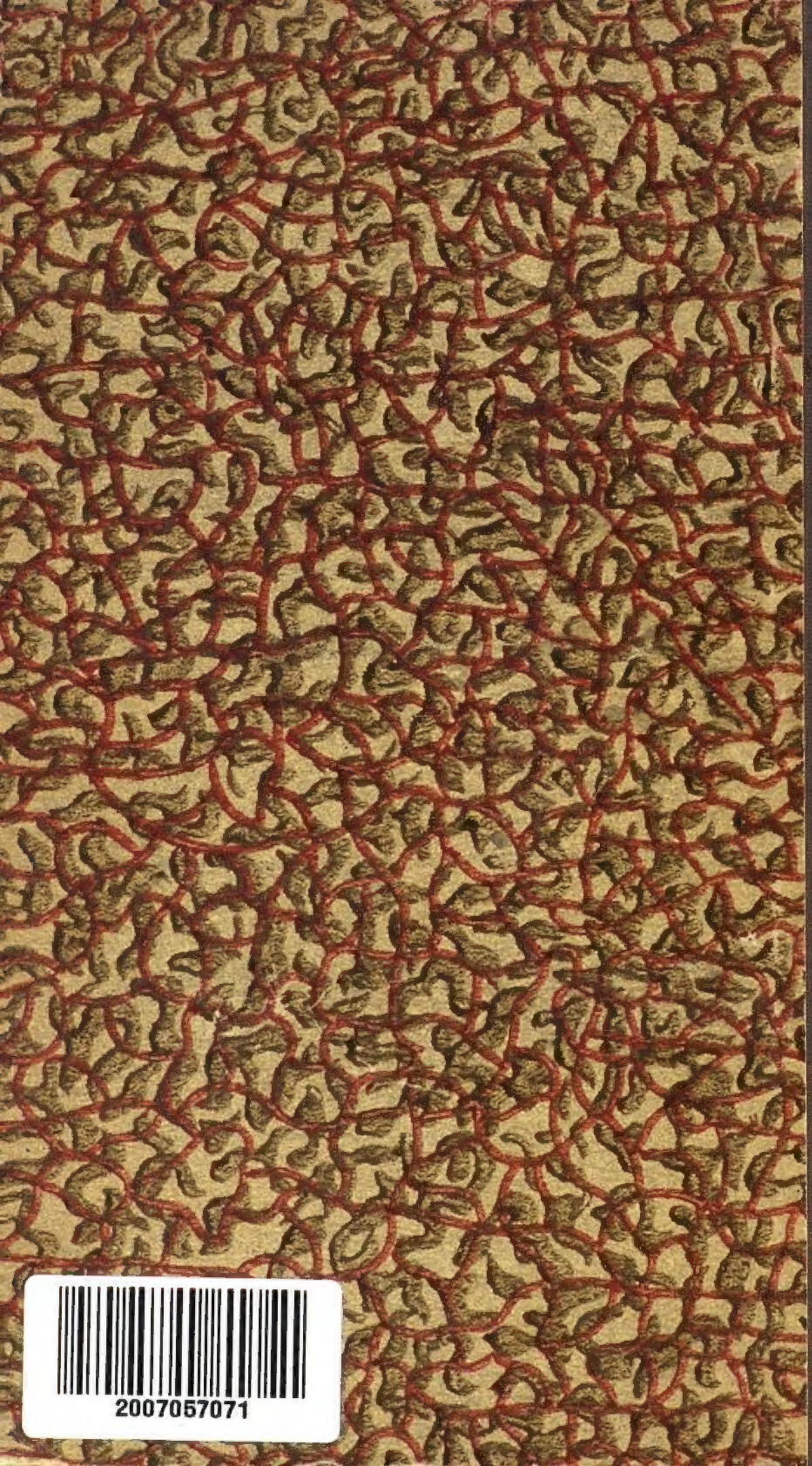
V. Единодержавіе Петра. Его попеченія о заведеніи флота и войска. Вызовъ иностранцевъ въ Россію. Петръ къ Архангельскѣ. Буря на Бѣломъ морѣ и лоцманъ Антипъ. Первые гвардейскіе полки 32

VI. Посылка молодыхъ людей за границу. Заговоръ на жизнь государя. Путешествіе Петра въ чужіе края. Пребываніе его въ Кенигсбергѣ, въ Амстердамѣ и въ Лондонѣ. Возвращеніе въ Россію. 40

VII. Уничтоженіе стрѣльцовъ и устройство Россіи на новый ладъ 53

VIII. Мѣры къ образованію народа: училища, типографіи, изобрѣтеніе новыхъ буквъ, печатаніе книгъ. Первыя русскія вѣдомости. Образъ жизни Петра въ Москвѣ. Перемѣна лѣтосчисленія 66

IX. Устройство внутренняго управленія въ областяхъ и городахъ. Война со шведами. Основаніе Петербурга. . . . 74
X. Продолженіе шведской войны. Взятіе Нарвы. Построеніе Кронштадта. Путешествіе Петра по Россіи. Развитіе фабричной и заводской промышленности Заселеніе и устройство Петербурга. Предупрежденіе толковъ о солнечномъ затмѣніи. Вступленіе государя во второй бракъ. . . . 88
XI. Борьба со шведами внутри Россіи. Мазепа. Полтавскій бой и его послѣдствія. Ништадтскій миръ. Празднованіе его и поднесеніе Петру титуловъ Императора, Отца отечества и Великаго 97
XII Внутреннее устройство Россіи: учрежденіе Сената и Коллегій. Пріученіе петербуржцевъ къ мореплаванію; развитіе промышленности; отправленіе крестьянъ за границу; исправленіе нравовъ; мѣры къ образованію народа. Большая ассамблея во дворцѣ государя 109
XIII. Образъ жизни и занятія Петра Вел. въ Петербургѣ. Учрежденіе рабочаго и воспитательнаго домовъ. Народная перепись. Уваженіе царя къ вѣрѣ. Преслѣдованіе взяточничества и вниманіе къ истиннымъ заслугамъ. Бережливость царя. Его одежда. 122
XIV. Украшеніе новой столицы храмами. Основаніе Невскаго Монастыря и перенесеніе въ него мощей Св. Александра Невскаго. Болѣзнь государя. Подвигъ его на Лахтѣ. Кончина и погребеніе Петра Великаго 135
Молитва сержанта (народная пѣсня). Стихотвореніе Пушкина.


2007057071